

ББК 76
А 38

**Факультет
журналистики ВГУ
Академия наук
региональной печати**

АЛЬМАНАХ

Выпуск 5-6 (148-149)
2017

**Редакционная
коллегия:**

**В.В. Тулупов —
главный редактор**
А.М. Шишлянникова
Л.Е. Кройчик
(Воронеж)
С.Г. Корконосенко
(Санкт-Петербург)
А.И. Акопов
А.И. Станько
(Ростов-на-Дону)
Ю.Н. Мясников
(Томск)
В.Ф. Олешко
(Екатеринбург)
А.Л. Факторович
(Краснодар)

ISBN 5-900955-02-8

Корректоры – Т. Коновалова,
А. Князева

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета.

Подписано в печать
02.10.2017. Тираж 150 экз.

Содержание

СЛОВО РЕДАКТОРА

Владимир Тулупов

Современная журналистика: перерождение или подмена
деятельности? 2

ОТКРЫТИЕ НОМЕРА

Геннадий Розенберг

РАН, ФАНО, ВАК, WoS, ХИРШ и другие буквосочетания
или что принесла «перестройка» фундаментальной
науки и образования?..... 5

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ

Михаил Вязовой

С лейкой и блокнотом..... 25

Геннадий Жирков

«Без живописца и градыровального мастера обойтись
невозможно будет...» 40

Лев Кройчик

Читая классику 54

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЖУРНАЛИСТИКИ

Яна Войцеховская

Динамика и характер цитируемости корпоративных печатных
медиа в федеральных деловых СМИ (2010 и 2016 гг.) 67

Марина Дрогайцева

Функционирование названия СМИ: юридический аспект .. 70

Лариса Дьякова

Прогноз погоды на 61 февраля, 72

Виктор Левшаков

Роль и принципы функционирования диалога
в интернет-СМИ..... 76

ЗАРУБЕЖНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

В. Хорольский, Ю. Маркина

Западные массмедиа в эпоху постиндустриализма
и постмодернизма: политэкономический взгляд..... 78

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Ирина Хорошунова

Лингвэтические проблемы современных СМИ: 89

РЕКЛАМА И ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ

Мария Пивоварова

Становление рекламного рынка в Европе 98

ДАЙДЖЕСТ..... 101

НОВЫЕ КНИГИ 113

Владимир Тулупов

Современная журналистика: перерождение или подмена деятельности?

Из выступления на пленарном заседании Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации», 12 мая 2017 г., ВГУ, Воронеж

Проблема, обозначенная в названии моего выступления, крайне серьезная и острая. Думается, вовсе неслучайно Международная федерация журналистов в конце апреля провела конференцию на тему «Пропаганда и фальшивые новости в мире: вызовы, стоящие перед МФЖ», где было прямо сказано о кризисе, угрожающем существованию профессии, о том, что журналисты ежедневно сталкиваются с потоками злоупотреблений своим статусом в эпоху цифровых технологий. И если до недавнего времени главными проблемами считались кризисы экономической модели СМИ под воздействием технологических изменений и расширения глобализации, теперь же мы имеем дело еще и «с усиленными атаками на честность и профессионализм журналистов в поляризованной и фрагментированной среде».

Но почему же мы так часто ведем речь о подмене профессии применительно именно к журналистике? Попробуем разобраться.

Во-первых, совпадают внешние атрибуты у публицистических и политтехнологических текстов, у PR-публикаций и текстовой рекламы: и там и там присутствует как вербальная, так и визуальная информация; и там и там применяются схожие формы подачи и жанры.

Во-вторых, недобросовестные коммуникаторы знают, как трудно различить факт и псевдофакт, реальную и манипулятивную аргументацию. К тому же манипуляция как разновидность социально-психологического воздействия может быть не только негативной, но и позитивной — в случае, когда она производится в интересах аудитории и с уважением к ней.

Признаки негативной манипуляции, ставящей задачи угнетения личности, контроля над поведением людей в узких интересах манипулятора, но не общества, известны — это предвзятость,

подлог, прямой обман, оскорбительный или пренебрежительный подтекст. Но чаще всего — и это, в-третьих, — такая манипуляция производится скрытно: помимо прямой лжи и открытой фальсификации применяются такие приемы, как подмена темы; ложное опровержение; провокационные оценки с целью вызвать оправдания; навязывание мысли путем многократных повторов и т. д. и т. п. Так под видом журналистики реализуется иная деятельность, имеющая заказной — политический или коммерческий — характер. И особая опасность заключается в том, что массовой, не отличающейся глубокой медиаграмотностью, аудитории порой не под силу обнаружить признаки негативной манипуляции; что широкие массы чаще односторонне — автоматически и стереотипно — воспринимают информацию (и прежде всего негативную информацию), принимая всё за «чистую монету». Хотя и подготовленной аудитории непросто докопаться до истины, а где нет, если ей предлагают ложь с красочными деталями, где правда и неправда искусно перемешаны.

Если в качественной журналистике данный процесс регулируется профессиональными, этическими стандартами и действующим законодательством, то в «желтых» СМИ, балансирующих на грани закона и нередко преступающих его; в социальных сетях, которые некоторые исследователи склонны относить к «гражданской журналистике», информация сознательно пристрастна и предвзята.

Известного публициста Владимира Снегирёва недавно попросили подготовить отзыв о книге Удо Ульфкотте «Продажные журналисты», но прежде чем написать его В. Снегирёв решил обсудить проблему в социальных сетях, написав: «Этот немец беспощаден. Он откровенно показывает изнанку нашей профессии, причем начинает с самого себя, покаявшись в том, что сам когда-то «попал в ловушку», стал насквозь коррумпированным, играл по правилам манипуляторов из властных сфер и спецслужб. Вот несколько фраз из книги: «Я был лакеем» <...>. «Профессия журналиста занимает промежуточное место между профессиями политика и проститутки». «Работники медийной отрасли — особенно жадная до денег группа населения» <...>. Он приводит сотни фамилий своих коллег, которые продались издателям, спонсорам, политикам, спецслужбам. Его приговор беспоща-

Об авторе: Тулупов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ден: свобода слова и мысли существует только на бумаге, бумажная пресса умирает, журналистам уже никто не верит. Прочитав эту книгу, испытываешь состояние шока. Сразу хочется поменять профессию. Много там правда. Но с чем-то согласиться нельзя»¹.

Итак, перерождение журналистов часто происходит потому, что в нашей профессии больше чем в какой-либо другой постоянно присутствует опасность нарушения правил и норм (принципов) деятельности при сохранении внешних атрибутов. Но одно дело т. н. «добросовестные» ошибки, другое дело — сознательный цинизм или патологический непрофессионализм.

Да, мы знаем, что недостоверная информация публикуется не только по злой воле манипулятора, но и по причине нехватки времени на проверку и перепроверку факта: ведь редактор настаивает: «Быстрее! В номер!». А чистый факт — это знание, достоверность которого доказана. Для чего необходимы наличие двух-трех и более источников и субъектов информации, которые еще надо разыскать, с которыми еще надо хотя бы созвониться. К тому же иногда даже проверенный факт не указывает на закономерность, и журналисту могут возразить: «Это нетипично! Голый факт ни о чем не говорит! Ваших фактов недостаточно для такого вывода!». Конечно, опытный работник СМИ ошибается реже — профессионала спасает то, что он — вечный наблюдатель — имеет в копилке много фактов. И если что, он даже может оправдаться: «Эти факты собраны сегодня, завтрашние — могут опровергнуть мой вывод, но я об этом честно напишу» (если, конечно, редакция пойдет на это).

Американскому теологу и философу Майклу Новаку принадлежит парадоксальное высказывание: «Фактов не существует, существуют люди, наблюдающие за ними. А люди, наблюдающие за фактами и пытающиеся при этом быть нейтральными, становятся еще более субъективными...».

Порой, являясь свидетелем какого-либо события и затем читая о нем в газете, задаешься вопросом: о том ли событии идет речь... Потому что автора нередко вовсе интересует не суть происходящего, а скандальные детали. На это нацеливают и редакторы, объясняя подобную трактовку «форматом» данного СМИ, в котором приветствуется ирония, сарказм, агрессия.

Еще в начале 1990-х гг. рок-теоретик Сергей Гурьев, публично защищая свой термин «отфонарная атака журналиста на объект», настаивал на том, что журналист как объект восприятия для читателя становится важнее, чем объект статьи. По стилю, пояснял он далее, это вообще должен быть террористический акт: «Если тебе объект нравится, то всё равно надо писать в отношении него достаточно агрессивно. А главное — побольше субъективности, побольше непосредственности чувств и поменьше

рефлексии. Фашисты абсолютно справедливо считали, что рефлексия убивает действие».

В многочисленных телевизионных ток-шоу² всё, кажется, на месте: есть журналист (ведущий, модератор), есть две стороны, имеющие противоположные взгляды на ту или иную проблему, есть независимые эксперты, есть результаты опроса общественного мнения. То есть, казалось бы, баланс соблюден и налицо возможность объективного рассмотрения ситуации. Но, как правило, дискуссия между приглашенными политиками, политологами, общественными деятелями, депутатами, журналистами и др. не достигает консенсуса, а ее участники остаются при своем. Причем позиция почти каждого давно известна многомиллионной телеаудитории, поскольку они, как бы разделившись на «условных левых» и «условных правых», переходят с канала на канал.

Среди наиболее активных «государственников» — Семён Багдасаров, Олег Барабанов, Елена Бойко, Елена Бондаренко, Михаил Делягин, Иосиф Дискин, Константин Долгов, Сергей Железняк, Леонид Ивашов, Ростислав Ищенко, Леонид Калашников, Франц Клинецвич, Спиридон Килинкар, Игорь Коротченко, Вероника Крашенинникова, Дмитрий Куликов, Сергей Кургинян, Николай Левченко, Игорь Марков, Сергей Марков, Алексей Мухин, Сергей Михеев, Вячеслав Никонов, Дмитрий Орлов, Михаил Ремизов, Евгений Сатановский, Виталий Третьяков, Алексей Фененко, Карен Шахназаров.

Среди их оппонентов — Майкл Бом, Николай Вардуль, Татьяна Воронина, Александр Гнездилов, Леонид Гозман, Сергей Запорожский, Николай Злобин, Вадим Карасёв, Якуб Корейба, Вячеслав Ковтун, Томаш Мацейчук, Алексей Михайлов, Борис Надеждин, Андрей Окара, Юрий Пивоваров, Владимир Рыжков, Сергей Станкевич, Александр Ципко, Олеся Яхно и др.³

Если поначалу плюрализм мнений на российском ТВ принимался и приветствовался (один из американских экспертов, участвовавших в передаче «Право голоса», даже заявил, что столь открытые

2. На канале «Первый» — это «Время покажет» (ведущие — Артем Шейн и Екатерина Стриженова); на «России-1» — «Вечер с Владимиром Соловьёвым» и «Поединок» (Владимир Соловьёв), «60 минут» (Евгений Попов и Ольга Скабеева); на «Пятом канале» — «Открытая студия» (Инна Карпухина); на НТВ — «Список Норкина» и «Большинство» (Сергей Минаев); на ТВЦ — «Право голоса» (Роман Бабаян) и «Право знать» (Дмитрий Куликов); на ОТР — «Прав?Да!» (Дмитрий Лысков и Николай Матвеев); на канале «МИР» — «Слово за слово» (Александр Карлов и Алексей Шахматов); на «Звезде» — «Процесс» (Сергей Шаргунов) и «Особая статья» (Алексей Гудошников).

3. Вообще, российское общество традиционно делится на либералов, консерваторов и социалистов. Основная ценность первых — свобода, распространяемая на все сферы жизни общества, и прежде всего на экономику и право. Консерваторы ратуют за сохранение традиций, «устоявшегося уклада». Социалисты выступают за регулируемую роль государства, которое должно обеспечивать решение социальных вопросов.

1. <https://www.facebook.com/v.sneg/posts/1378517852218357?pnref=story>

дискуссии на их телевидении просто невозможны), то со временем прямая агрессия, оскорбления стран и народов, переход на личности стали вызывать недоумение. А когда стали происходить драки в прямых эфирах, то серьезный телезритель подумал: возможно, такое противостояние и способствуют повышению рейтингов, но как быть с репутацией канала, передачи, модератора?.. В общем, политические ток-шоу сегодня реально раздражают аудиторию, которая, не видя конструктива, кажется, впадает в апатию.

Известный медиакритик И. Петровская пишет: «Поразительно не то, что в студии одного канала бьют морды, а в студии другого (более респектабельного, как принято было до недавней поры считать) всего лишь демонстрируют ведро с шокирующей надписью. Поразительно, что обе «жертвы» — и Мацейчук, и Запорожский — уже не раз сталкивались с агрессией в российском эфире, но с упорством, достойным лучшего применения, продолжают участвовать в ток-шоу и, соответственно, огребать по полной. Мацейчуку однажды уже дали по физиономии «прямым ударом с ноги» в ток-шоу канала «ТВ Центр» «Право голоса». Правда, потом дали и денежную компенсацию за моральный и физический ущерб... И изрядно потрепанный, но не побежденный, поляк продолжил ходить в эфир на других каналах»⁴. О таких, как Вячеслав Ковтун бывший депутат Верховной рады Украины Елена Бондаренко сказала так: «У меня

даже сложилось впечатление, что они подсадные утки и приехали со спецзаданием — чтобы показать, какая Украина ужасная». «А ведь и правда, — заключает Петровская, — с такими защитниками и врагов не нужно».

Итак, заключим. «Имитация» профессионализма особенно вредна, поскольку неизбежно приводит к падению доверия к СМИ. Негативное манипулирование и перманентная агрессия начинают восприниматься как норма, о чем можно судить по аналогичным процессам в социальных сетях. И если уж журналисты видят свою миссию лишь в самовыражении, а не в общественном служении, то что говорить о самодеятельных блогерах, которые подчиняются общей социальной ситуации, в которой индивидуализм ценится выше, чем коллективизм, где материальное побеждает идеальное.

Если же мы реально мечтаем об изменении статуса журналистики, то должны думать о том, как преодолеть:

— закрытость власти и бизнеса, монополизм государственных СМИ, апатию населения и др. (*внешние факторы*);

— низкий уровень аналитической (расследовательской) журналистики, неумение (нежелание, боязнь) формулировать повестку дня (*внутренние факторы*);

— ангажированность, откровенное манипулирование фактами (сокрытие невыгодной фактуры, выпячивание выгодной), подделка источников и создание фейков, поверхностность, стремление навязать собственное мнение, предвзятость, излишнюю субъективность, неадекватную самооценку, мессианство (*субъективные факторы*).

4. Петровская И. «Звезды орального жанра» — <https://www.povaygazeta.ru/articles/2017/04/27/72314-zvezdy-oralnogo-zhanra>

Геннадий Розенберг РАН, ФАНО, ВАК, WoS, ХИРШ и другие буквосочетания, или что принесла «перестройка» фундаментальной науки и образования?..

Аннотация: обсуждаются животрепещущие проблемы реформирования РАН и образования, состоявшиеся и ожидаемые последствия этой процедуры. Вывод: совершена стратегическая ошибка, исправить которую будет «архисложно».

Что было пороками, то теперь вошло в нравы.

*Quae fuerunt vitia, mores sunt.
Луций Анней Сенека (4 до н. э. — 65).*

Я из категории людей, которые «не оборачиваются». Я — не ностальгирую, ни разу не был на встречах выпускников (хотя с некоторыми школьными и вузовскими приятелями встречаюсь и поддерживаю дружеские отношения), не пишу мемуары... Но когда ко мне обратился член моей КВН-овской команды, а сейчас главный редактор этого журнала (см. фото), с просьбой «бросить взгляд назад» и оценить некоторые последствия того, что за последние 3-5 лет сделали с отечественной наукой и образованием, я не смог отказаться. Я «поступился принципами» (см. [1]). И сделал это по трем причинам. Во-первых, от таких предложений просто нельзя отказываться. Во-вторых, я имею всего одну запись в трудовой книжке: с 1973 г. я служу в Академии наук (АН, естественно, СССР, а потом — РАН; правда, сменил три научные организации и параллельно, все эти годы преподавал или был *visiting professor* в ряде вузов страны). Наконец, я неоднократно высказывался по ходу реформ, что облегчило подготовку этого материала (некоторые тексты я буду просто воспроизводить с комментариями).

Вот с таким письмом 31 марта 2014 г., всего через полгода после выхода Федерального закона от 27 сентября 2013 г. N 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий

наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», ко мне обратилась журналист газеты «Самарское обозрение» Дарья Синицина:

Уважаемый Геннадий Самуилович!

Газета «Самарское обозрение» готовит спецвыпуск, посвященный реформированию РАН. В связи с этим просьба прокомментировать несколько вопросов по теме.

<...>

Просьба ответить на вопросы к 7 апреля 2014 года.

*С уважением,
корреспондент газеты
«Самарское обозрение»
Дарья Синицина
31 марта 2014 года*

Далее. На сайте газеты «Известия» 25 декабря 2014 г. было размещено интервью помощника президента Российской Федерации Андрея Фурсенко «О перспективах российской науки: взгляд со Старой площади» [2], которое взял у него социолог-исследователь с философского факультета МГУ Александр Бикбов. Крайне негативно относясь к методам проводимой реформы российской науки и РАН, я не мог не отреагировать на это интервью [3], которое меня никоим образом не удовлетворило ни по описанию достигнутых результатов, ни по перспективам её (реформы) дальнейшего развития. Моральным основанием для вступления в эту дискуссию (в какой-то степени, одностороннюю) для меня стало как совпадение некоторых деталей наших биографий (я старше Андрея Александровича всего на полтора месяца, также родился в семье интеллигентов [отец — инженер-связист, брат — доктор химических наук], я доктор биологических наук, правда, защитил диссертацию на 6 лет раньше), так и ряд существенных различий (после окончания Башкирского госуниверситета [физико-математический и биологический факультеты] и службы в советской армии, как я уже отмечал, был связан только с академией наук [АН СССР и РАН; по воле, в том числе и Фурсенко, мне «подмочили» биографию и послед-

Об авторе: Геннадий Самуилович Розенберг, доктор биологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук. Директор Института экологии Волжского бассейна РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

Команда КВН Башгосуниверситета, 23 апреля 1983 г.
1 — главный редактор этого журнала, 2 — автор данной статьи.

ние годы — с Федеральным агентством научных организаций — ФАНО...], 28 лет я возглавляю Институт экологии Волжского бассейна РАН в г. Тольятти, чл.-корр. РАН с 2000 г. [всего через 13 лет после того, как чл.-корр. стал историк Александр Александрович Фурсенко [с 1990 г. академик], отец Андрея Фурсенко; пустячок, но греет душу]).

Таким образом, в дальнейшем изложении я буду опираться на эти два интервью, взяв за основу первое из них [4, 5]. Также буду делать некоторые «лирические отступления», в основном, осовременивающие рассматриваемые проблемы.

Итак, результат — перед вами.

1. Как Вы оцениваете систему реформирования РАН?

Негативно. Это не реформа — а погром.

Уже через пять дней после заседания Правительства Российской Федерации (27 июня 2013 г.), на котором обсуждался вопрос о реформировании системы государственных академий наук, в Институте экологии Волжского бассейна РАН прошло собрание коллектива сотрудников. Решение собрания было оформлено достаточно жестким письмом в адрес президента РАН, академика Владимира Фортова, академика-секретаря Отделения биологических наук РАН, академика Алексея Розанова, председателя Правительства РФ, кандидата юридических наук Дмитрия Медведева и председателя Государственной Думы, доктора экономических наук Сергея Нарышкина (см. [6]).

В академической среде популярна версия, что причина гонений на РАН, — личные обиды на АН со стороны некоторых влиятельных лиц из ближай-

шего окружения президента (в частности, Михаила Ковальчука, Андрея Фурсенко и др.). Но мне кажется, что истинная причина «реформы» заключалась в том, что АН была слишком независимой структурой, и отсюда исходили мнения, которые не устраивали власть. По сути, за реформой стояла попытка власти убрать влиятельную оппозицию. И эта попытка удалась. Сейчас АН бесправна и безголоса.

Почему с Российской академией наук (старейшим после церкви, уважаемым в мире институтом) обошлись как со злейшим врагом, — уничтожили быстро, безжалостно, хладнокровно, вероломно, с хорошо подготовленной и весьма грязной пропагандистской кампанией («ученые-мракобесы» по определению тогда спикера Госдумы Бориса Грызлова или «дряхлые академики» по министру образования Дмитрию Ливанову), несколькими тактическими отступлениями и даже с дезориентирующими и усыпляющими переговорами самого главы государства? Почему руководители страны, чаще всего, негативно относились (и относятся) к АН, занимающейся фундаментальными исследованиями? Примеры? Пожалуйста. «Республика не нуждается в ученых!», — так заявили в 1793 г. члены французско-революционного трибунала, приговорившие к смерти Антуана Лавуазье. Николай I издал особый рескрипт, где указывал, что АН следует извлекать прибыль из имущества, которое временно для науки не используется. Иосиф Сталин реорганизовал АН в конце 20-х годов, осуществив в нее «коммунистический призыв» и создав «шарашки». Он ученых не любил, но был вынужден терпеть, ибо от их результатов зависела судьба страны. Говорят, что Никита Хрущев в рас-

стройстве чувств именно после неудачной своей попытки поломать систему АН заявил: «Трогать науку, что стричь пороса — визга много, а шерсти мало». При смещении Хрущева на Октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г. ему в вину одним из первых пунктов поставили неспособность установить деловые контакты с АН СССР...

Цель премьер-министра Дмитрия Медведева (Ольги Голодец, Андрея Фурсенко, Дмитрия Ливанова...) в июне-июле 2013 г. была весьма благая, прямо «царская» (см. выше), — учёных «следует освободить от всех сопутствующих функций и <...> избавить их от несвойственных функций управления имуществом и коммунальным хозяйством» и дать возможность сосредоточиться на научных исследованиях, — выглядит дурной шуткой. Подразумевалось, что Владимир Путин, конечно же, не знал об этой «цели», хотя такое незнание тоже не с лучшей стороны характеризует его как руководителя ядерной державы...

Чиновникам вообще непонятны резоны, по которым люди занимаются наукой (особенно, фундаментальной). Ученые — странноватые чудачки, и неизвестно, что от них ждать. При этом многие из этих «чудаков» связаны с национальной безопасностью — занимаются проблемами, влияющими на обороноспособность страны, экологическую безопасность, здоровье населения, социальную и экономическую стабильность. Ясно, что существование такой большой организации, сотрудники которой «не понимают» основ современной государственной политики, критически относятся ко многим начинаниям правительства, все время вызывало и вызывает дикое раздражение, беспокорность и злость у власти.

Дело в том, что, как ни странно, власть боится АН. Академия всегда была авторитетна, самостоятельна, не всегда покорна и фактически неуправляема правительственными чиновниками. Более того, заниматься творчеством (а фундаментальные исследования — это творчество) можно только будучи внутренне свободным. О сохранении в России высокого доверия к АН говорили и опросы общественного мнения в 2014 г.: рейтинг доверия к Российской академии наук оказался максимально высоким — 67 %, выше расположившихся следом РПЦ и президента РФ; у правительства, министерства образования и науки, Государственной думы неизмеримо худшие показатели. *Этого Академии простить никак нельзя.* Слишком умными себя, видишь, считают. Разговоры о том, что от Академии нет толку, — это лицемерное прикрытие собственной непрофессиональности.

Расходы на науку в России на душу населения в 7 раз уступают Финляндии, где первый университет появился благодаря русскому царю. Ежегодно Россию покидает 15 % выпускников вузов. Занятость в научном секторе по сравнению с советским периодом уменьшилась в 3 раза. В своем интервью Фурсенко замечает, что «надежды на частный бизнес не очень оправдались. За прошедшие 12 лет у нас

произошел мощный рост бюджетного финансирования науки. Далеко не всегда базового, но и упомянутого грантового. Одновременно деньги пошли через контракты. Изначальный расчет состоял в том, что вложение бюджетных денег приведет к росту совместного финансирования. К сожалению, этого не произошло <...>. Сейчас бизнесмены не просто не вкладываются в обновление технологий и снижение затрат, они не формулируют заказ для науки».

Главная причина упадка науки — не слабая АН, а то, что наука не нужна «ресурсному обществу» и экономике ренты, а ученые своими стенаниями лишь раздражают слух «эффективного менеджера»¹. Наука сама превращается в сырьевую отрасль: мозги и знания экспортируются за рубеж, но в отличие от нефти — задаром и во благо наших мировых конкурентов. Беда не в формах организации науки, а в её фатальной невосприимчивости этой экономикой (солидарен с мнением Нобелевского лауреата, академика Жореса Алфёрова), в нежелании власти прислушиваться к носителям знания (интеллекта), в искусственной ориентации на «результат здесь и сейчас», в идеологической установке на квази(лже)науку («петрики») и уже реальное мракобесие.

Из интервью Фурсенко: «И людям в науке, и тем, кто к науке отношения не имеет, до сих пор не всегда удается адекватно оценить то, что у нас в науке получилось и получается, а что нет»². Смелое заявление. Тем, кто «в науке» — это не дано, а вот «эффективному менеджеру» все видно.

Заказывать исследования и оценивать их результаты, казалось бы, должно государство. Но власть попросту не понимает предлагаемых ей перспектив и результатов исследований и поэтому не читает ежегодных академических отчетов. Сотни крупных инновационных проектов, предлагаемых АН правительству, остаются без внимания. Власть не имеет никакой внятной научно-технической политики и поэтому боится быть уличенной в вопиющей некомпетентности. В стране нет структуры, достаточно компетентной для оценки научных результатов РАН. И вместо того, чтобы на высшем государственном уровне создать структуру, определяющую научно-техническую политику (типа ГКНТ СССР), Правительство РФ уже 10 лет безуспешно

1. А. Фурсенко: «Важность этого вопроса (приоритеты развития фундаментальной науки. — Г.Р.) я в полной мере ощутил, когда в Совет при президенте пошел вал предложений от Академии наук и других организаций, где главной составляющей была сумма прописью» [2].

2. Правда, один из предшественников Фурсенко, министр науки, высшей школы и технической политики РФ Борис Салтыков, выступая на конференции ученых научных учреждений РАН 10 декабря 1991 г. в актовом зале МГУ, говорил более осторожно и уважительно: «Едва ли мы в Министерстве сможем сами придумать что-то более умное для науки, чем то, что может предложить научное сообщество. Я предлагаю всем, у кого есть здравые и свежие мысли, приходите к нам и советовать»...

но пытается создать параллельную фундаментальную науку в ряде доверенных вузов и научных центров (например, в «Вышке» — Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» или в «Курчатнике» — Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт») и заказывать исследования «этой науке». Результаты такой работы мизерны [<http://polit.ru/article/2013/10/19/fobia/>].

Мы любим ссылаться на «цивилизованные» страны, в том числе, на США. В Штатах основной вклад в фундаментальные исследования вносит государство. Бизнес в Америке, так же, как и везде, заинтересован в прибыли. И он финансирует в очень большом объёме опытно-конструкторские разработки, чего не делают наши предприниматели (более того, — разрушена сама система прикладной науки и все яснее просматривается попытка власти переложить ответственность за это на АН и потребовать от нее моментального внедрения её разработок). Но фундаментальные изыскания, которые в перспективе становятся основой целых отраслей, оплачивает государство.

Мне кажется, что движущим началом такой генеральной «реформы» фундаментальной науки стал ни чем не обоснованный постулат «у нас» — плохо, «у них» — хорошо». Но, почему нас подталкивают, а мы радостно забываем свое прошлое? Я был делегатом конференции ученых научных учреждений РАН в декабре 1991 г. и хорошо запомнил последнее выступление в качестве президента АН СССР академика Гурия Марчука: «Советская наука обнаруживала высокую эффективность и удивительную жизнестойкость в очень сложной внутривнутриполитической и международной обстановке потому, что она была целостной системой <...>. Дай Бог, чтобы нам удалось компенсировать подобную ущербность интеграцией в мировое научное сообщество, достраивая недостающие звенья, но скоро и этого может не получиться, даже при самых благоприятных обстоятельствах, до которых весьма далеко. Но главное — это процесс разрушения нашего научного потенциала как целостной системы. Наука — единый живой организм, а не конгломерат автономных механизмов...». Горькие, но справедливые (и очень актуальные сегодня) слова.

В СССР существовала хорошо отлаженная система, так называемого, научно-технического прогресса. Академическая (фундаментальная) наука разрабатывала некие инновации (на основе госзаданий и в рамках государственной политики в сфере научно-технической деятельности, которую с 1948 по 1991 гг. осуществлял специальный орган государственного управления СССР — Государственный комитет по науке и технике [ГКНТ]; во главе ГКНТ стояли академики Владимир Кириллин, Гурий Марчук, Николай Лавёров и другие крупные ученые и «внедренцы»); большой сектор прикладных (отраслевых) НИИ «доводил» эти разработки, осуществляя важную функцию связи

между наукой и производством (на конец 80-х годов это было примерно 5 тыс. НИИ и КБ); наконец, предприятия внедряли их и совершенствовали, оптимизируя в рамках конкретных производств. Причем, отношение вкладываемых средств выглядело как 1 : 10 : 100 (естественно, для наглядности). В новой России такая система оказалась невостребованной и первым «рухнул» второй блок — внедренческие НИИ. Некоторые из государственных академий (медицинская, сельскохозяйственная, архитектуры и строительных наук) сохранили в своей структуре научно-производственные подразделения, а вот РАН остался без помощников, что вкуче с отсутствием на протяжении 25 лет внятной государственной научной политики и резкого падения востребованности науки в России, сказалось на, своего рода, «окукливании» академии; в этой ситуации, в отношении фундаментальной науки, РАН, в какой-то степени, подменили ГКНТ.

Справедливости ради отмечу, что в XXI веке РАН пыталась и сама, и с помощью Правительства найти пути реформирования. Так, например, в 2005 г. академия приняла (а потом отменила) «возрастной ценз» на замещение руководящих должностей в академических институтах. На основании постановления Правительства РФ от 22 апреля 2006 г. № 236 «О реализации в 2006-2008 годах пилотного проекта совершенствования системы оплаты труда научных работников и руководителей научных учреждений и научных работников научных центров Российской академии наук» была оптимизирована сеть подведомственных научных учреждений и научных центров РАН (ликвидировано 28 научных организаций и создано 5 новых), произошло сокращение на 21 % как общей численности «бюджетных» работников научных учреждений РАН, так и собственно научных сотрудников), средняя заработная плата научных работников учреждений РАН, финансируемая из средств федерального бюджета, возросла в 5,65 раза (постановление Президиума РАН от 14 апреля 2009 г. № 107). В полтора раза увеличилась «публикационная активность» научных сотрудников; академия стала готовить доклады Президенту РФ и в Правительство РФ о состоянии фундаментальных наук в госакадемиях Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учеными. Наконец, потребность в реформе РАН получила развитие и в предвыборной программе в президенты РАН 2013 г. академика Владимира Фортова она была достаточно подробно прописана.

Не буду пересказывать дальнейшую историю проведения реформы РАН, начиная с лета 2013 г. РАН, которая объединяла более 100 тысяч научных сотрудников и около 1300 членов академии, занимающихся фундаментальными научными проблемами (по Уставу РАН 2007 г. [п. 6] «она объединяет членов Российской академии наук — действительных членов [академиков] и членов-корреспондентов, избираемых Общим собранием Академии, и научных сотрудников подведомственных Академии

организаций»; *выделено мной.* — Г.Р.), «приобрела» вошедших в нее по федеральному закону № 253 около тысячи новых членов из медицинской и сельскохозяйственной академий, но лишилась своей основы, тех самых 100 тысяч научных сотрудников. И действительно, по новому уставу РАН из объединения ведущих ученых страны превратилась в «клуб академиков», что вполне отвечает представлениям Фурсенко: «Мое понимание заключается в том, что РАН занимается работой, которая необходима для формирования научно-технической политики. В отличие от текущих научных работ, которые ведутся в институтах, где практически все эти академики работают директорами, научными сотрудниками, консультантами. Там они могут реализовать себя как ученые в определенной тематике. Здесь, в Академии, они могут реализовать себя как меж- и наддисциплинарное сообщество, которое способно дать нетрадиционное решение ключевых проблем страны». О том же говорит и еще один «реформатор» РАН, чл.-корр. РАН Михаил Ковальчук (из выступления на заседании Совета по науке и образованию при Президенте РФ 8 декабря 2014 г. в Санкт-Петербурге): «Сегодня парадигма науки изменяется, мы можем начать противоположный процесс: из этих отдельных дисциплин складывать единый образ неделимой природы — и фактически перейдем на новый технологический уклад. Но для этого нужна междисциплинарность <...> Чем быстрее мы создадим плацдарм для междисциплинарных исследований, тем гарантированной мы будем готовы к новому прорыву на междисциплинарной базе».

Но мне трудно (невозможно) представить развитие междисциплинарных исследований путем объединения нескольких институтов, подведомственных сегодня ФАНО, в новый, «большой институт» или «кластер». Возьмем мной любимую экологию. То, что это междисциплинарная наука, ни у кого не вызывает возражений. Вспомним хотя бы слова профессора университета в Ольстере (Северная Ирландия) Эймьяна Макфедьена [Amуан Масфауен; 1920-2015]: «Приходится признать, что эколог — это некто вроде дипломированного вольнодумца. Он самовольно бродит по законным владениям ботаника и зоолога, систематика, зоопсихолога, метеоролога, геолога, физика, химика и даже социолога: он браконьерствует во всех названных и во многих других уже сложившихся и почтенных дисциплинах» [7, с. 15]. Но тогда такой «большой институт» будет равен «маленькой академии». Или, например, проблемы леса. Россия — лесная страна, и где как не у нас разрабатывать фундаментальные проблемы лесоведения? Давайте объединим несколько академических институтов лесного профиля, многочисленные лесные опытные станции системы сельскохозяйственной академии, ряд других организаций. Но, что будем делать с Институтом космических исследований? «Вливать» его в этот «лесной кластер» или создавать параллельный ИКИ (сегодня, решение современ-

ных задач лесоведения не видится без привлечения наблюдений Земли из космоса). Оставим ИКИ для «космического кластера»? Но как мы обойдемся в этом случае без институтов наук о Земле и Жизни? Они же уже вошли в «экологический кластер»... А в ином варианте все это «кластеры» будут ущербны и не обеспечат декларируемый переход на «междисциплинарную парадигму».

Выход из этой ситуации я вижу только в создании крупных федеральных научно-исследовательских программ и проектов, что всегда было основой междисциплинарных исследований в РАН (как говорил Михаил Жванецкий, «без всех этих хлопот»). Без четкой формулировки целей реформирования со стороны Правительства (читай, — национальных проектов и федеральных целевых программ), никакое объединение не будет эффективным (вспоминаем басню ординарного академика Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности Ивана Крылова «Квартет»). Кто должен разработать и оптимизировать с учетом современных политических и экономических условий такую *систему программ* (Программа фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013-2020 годы, утвержденная Правительством в 2012 г. уже через год устарела...) — это особый вопрос. Министерство образования и науки? ФАНО? некий «ГКНТ»? РАН (это соответствует новым функциям академии, но кто будет реализовывать эти планы)? Фурсенко предлагает новые «площадки»: «ФАНО провело уже целый ряд сессий с учеными в разных регионах, куда привлекается не только Президиум, но и «средний класс» науки. Идет активный диалог с молодыми специалистами и учеными. Глава ФАНО Михаил Котюков провел серию встреч и создал площадку по работе с молодыми учеными <...> Конечно, эта система могла бы работать и в старой РАН, но система связей в ней устоявшаяся: Академия выросла и старела вместе со своими членами, повышался средний возраст, и все эти связи было тяжело обойти. Когда возникает новая система, для человека творческого есть возможность предложить свое решение в рамках существующих и вновь формируемых правил». Опять Фурсенко смешивает понятия: для него РАН — это только академики и член-корр, а «дореформенная» РАН — это все (!) научные сотрудники. А «изгнав» их из РАН, проливаются крокодиловы слезы о «сложностях обхода традиционных связей». Более того, в типовом проекте новых уставов учреждений, подведомственных ФАНО, существовавшую в РАН вполне демократическую процедуру выборов членов Ученого совета предлагалось заменить на назначение, а утверждение Отделениями и Президиумом РАН заменено на приказ директора (а «эффективный менеджер» может и не утвердить состав Ученого совета...). Ученый совет для ФАНО не нужен. И как же тогда молодым ученым, чтобы, по выражению Бикбова [2], «с меньшими преградами реализовать свой научный проект, который продвинет науку вперед», выходить на «площадку»?

2. Как Вы относитесь к объединению трех академий в одну? Поспособствует ли подобное слияние развитию российской науки (по мнению Владимира Фортова, благодаря объединению Россия могла бы вернуться в число стран-лидеров в науке)?

Не все то, что большое, — хорошее. В принципе, в этих отраслевых академиях (как, впрочем, и в Академии педагогических наук и Академии архитектурно-строительных наук), в большей или меньшей мере присутствуют подразделения и отдельные специалисты, занимающиеся фундаментальными исследованиями. Но, на мой взгляд, на 50-70% это, все-таки, прикладные научные учреждения (как я уже говорил — крайне важные, но весьма специфические). Поэтому объединение должно было происходить не по приказу (указу, постановлению, закону), а по предусмотренной в уставе РАН процедуре выборов. Кстати, не менее 20 академиком являются избранными и в РАН, и в медицинскую, и в сельскохозяйственную академию, а иммунолог Рэм Петров — избранный (!) академик всех трех этих академий (еще раз подчеркну — **избранный**, а не назначенный).

Не думаю, что в случае объединения трех академий мы увидим реализацию диалектического закона перехода количества в качество. Во-первых, даже на домашних Олимпийских играх в Сочи мы не выиграли все (!) золотые медали. Во-вторых, почему мы считаем, что не принадлежим к числу «стран-лидеров в науке»? В отдельных областях знания (математика, физика, космические исследования, в биологических науках — почвоведение) мы сохраняем передовые позиции. Если нас меряют в «нобелевских премиях» (с 1901 по 2013 гг. у США — 396 лауреатов [без премии мира], у Великобритании — 110, у Германии — 84, у Франции — 51, у СССР + Россия — 22, у Японии — 21), то это соотношение прямо пропорционально средствам, отпускаемым государством на фундаментальную науку. Но почему мы так самоуничижаемся? Давайте измерим в других «попугаях», — например, посчитаем лауреатов очень престижной Большой золотой медали им. М.В. Ломоносова, которая присуждается нашей академией наук уже более 50 лет (с 1959 г.) ежегодно только двум ученым — одному «нашему» и одному зарубежному. Тогда имеем противоположную картину: СССР + Россия — 47, США — 12, Великобритания — 7, Германия — 5, Франция — 5, Япония — 4. А вот сумма мест по этим двум премиям дает совсем уже реалистичную картину: США — 1-е место, Великобритания — 2-е, а СССР + Россия и Германия делят 3-4-е место...

Если нас «считать» в разного рода «индексах цитирования», о которых поговорю чуть позже (естественно, ученого должны знать, прежде всего, его коллеги), то каждый из этих показателей имеет свои «за» и «против» и это — предмет специально (в большей степени, — профессионального) об-

суждения (например, небезызвестный Григорий Перельман опубликовал свои результаты на английском языке на сайте препринтов, который, однако, регулярно просматривают все математики). Я убежденный противник оценки качества работы естествоиспытателя только по показателям цитируемости. Их можно привлекать в качестве дополнительной информации, но никак не ставить «во главу угла» системы результативности научной деятельности и, уж тем более, при распределении и так ограниченных средств...

3. Как Вы считаете, в связи с реформированием РАН ожидается ли сокращение академиков? По словам президента РАН Ивана Дедова, за последний год из российской академии медицинских наук ушло 26 академиков. Можно ли в целом судить о развитии науки в регионе по количеству академиков?

Путем простой арифметики, объединяя квоты на членов академий (академиков и членов-корреспондентов) новая («объединенная») Российская академия наук должна состоять из 2154 членов. Списочный состав академии к годовичному собранию РАН (на 26 марта 2014 г.) был 1938 членов. Иными словами, с последних выборов (в РАН — декабрь 2011 г., в других академиях — не знаю), Академия потеряла 216 своих членов. А так как объявлен трехлетний мораторий на выборы новых членов РАН, можно предположить, что жизнь еще возьмет свое... [списочный состав академии к годовичному собранию РАН (на 29 октября 2016 г.) был 1773 членов; потери — 60-70 членов академии в год]. Сократит ли Правительство квоты для РАН — это мне не ведомо.

Мне представляется, что судить о состоянии науки в регионе по количеству членов академии — возможно, но, опять же замечу, это должен быть не единственный критерий (тем более, что он имеет «лаг задержки» 10-15 лет — именно за такой срок ученый «эволюционно» достигает своего признания, если только он не совершил «революционного» открытия). Другое дело, что РАН должна стать гибче и острее реагировать на развитие науки в регионах для чего, например, следует поставить вопрос о завершении «иерархической структуры» самой академии. Мне кажется, что в научно-организационном плане руководство РАН (прежде всего, при Юрии Осипове) допустило стратегическую ошибку. Когда Владимир Путин в начале 2000-х годов стал выстраивать «вертикаль власти», РАН следовало бы отреагировать на это и в каждом федеральном округе создать свое отделение (тем более что это, практически, не требовало никаких затрат). Более того, три отделения (Дальневосточное, Сибирское и Уральское) уже существуют, Санкт-Петербургский научный центр давно претендует на относительную самостоятельность и не оставляет «мечтаний» даже сегодня (см. заметку «Предложили передать» в газете «Поиск» № 24 от 16 июня 2017, с. 2). Пред-

ставляется, что создание **Санкт-Петербургского отделения РАН** (присоединением Карельского НЦ РАН, Кольского НЦ РАН, научных организаций Архангельска и пр.), **Поволжского** (Казанский НЦ РАН, Нижегородский НЦ РАН, Самарский НЦ РАН, Саратовский НЦ РАН, Уфимский НЦ РАН), **Южно-го** (Владикавказский НЦ РАН, Дагестанский НЦ РАН, Кабардино-Балкарский НЦ РАН, Южный НЦ РАН, Крымский НЦ РАН), **Центрального** (НЦ РАН в Черноголовке, Пущинский НЦ РАН, Троицкий НЦ РАН, научные организации Центральной части России) и **Московского НЦ РАН** (научные организации Москвы; может **Центрального + Московского**) придало бы стройность в управлении РАН, более четкое взаимодействие внутри регионов, позволило бы определить приоритеты развития фундаментальной науки и децентрализовать её.

Любая законченная иерархия оптимальнее в управлении, чем какие-то половинчатые структуры. Кроме того, количество научных сотрудников и научных организаций, например, в предполагаемом Поволжском НЦ РАН больше, чем в ДВО РАН (аналогичный вывод справедлив и для других предлагаемых отделений)... И еще. Региональный «окрас» позволит приблизить фундаментальные исследования РАН к решению практических задач, на что и ориентирует нас руководство страны, хотя бы в рамках Стратегии научно-технического развития Российской Федерации.

4. Как Вы относитесь к инициативе академиков РАН «перевести» всех членов-корреспондентов в академиков? (Сейчас идет сбор подписей под петицией, которую академики планируют направить Владимиру Путину).

Этот, во многом, риторический вопрос в большей степени касается «клуба ученых», в которую превратили РАН, сократив Академию наук почти в 40 раз (за счет исключения из РАН научных сотрудников) и отобрав у нее возможность управлять институтами и другими научными учреждениями. А так как этот вопрос — «внутренний» для РАН, то и решаться он должен в соответствии с её Уставом, а не опять «по закону», на что в своем интернет-письме Владимиру Путину ориентирует академик Евгений Велихов. Я считаю, что двухступенчатость выборов в РАН, — это благо и уход от элитарности академии (например, 40 «бессмертных» академиков Французской академии). В этом вопросе я солидарен с философом Александром Рубцовым, который пишет [8]: «Неужели никто не сообразит, что слияние академий и формальный перевод всех членкоров в академики РАН вовсе не сделает их академиками, а, наоборот, сделает настоящих академиков РАН «сельскочленкорами». Или непонятно, что формальный перевод всех кандидатов в доктора (это, к слову, о реформе ВАК. — Г.Р.), по сути, наоборот, делает всех докторов кандидатами?»

5. Почти все государственные научные учреждения перешли в ведомство ФАНО. Что, на Ваш взгляд, изменилось с переходом НИИ в ведомство ФАНО? Какие результаты от подобного сотрудничества ожидаете?

Я был и остаюсь противником перевода учреждений РАН во вновь созданную структуру — Федеральное агентство научных организаций (ФАНО). Во-первых, опыт показывает, что «у двух нянек дитя без глаза» (нас ничему не научил опыт «эффективного менеджмента» при руководстве, например, Большим театром?). Во-вторых, ФАНО (по своему составу и по предполагаемым целям) ориентировано на управление имуществом и «засыпает» Институт циркулярами о торгах, закупках, финансовой отчетности, земельных отношениях и пр. (за 25 лет директорства, я не получал столько «пустых» бумаг и распоряжений, сколько за один год под «руководством» ФАНО). А я, как руководитель Института, отвечаю за фундаментальные научные исследования, о которых в циркулярах ФАНО нет ни слова, междисциплинарные связи оказались прерванными; и кому нужно такое руководство? Поэтому для меня их бумаги — это спам. Вот если бы ФАНО поставило своей целью увеличение финансирования науки и на Правительстве «билось» бы за реализацию этой цели, — «флаг им в руки», я — за! Но это — не их прерогатива; Министерство образования и науки понимает «науку» только внутри образования, в ВУЗах, а, повторюсь, структуры наподобие ГКНТ СССР в Правительстве нет. Без такого правительственного лоббирования фундаментальная наука у нас в стране обречена на жалкое существование. Таким образом, ничего хорошего от, пусть даже доброжелательного, сотрудничества РАН и ФАНО я не жду.

Даже «реформаторы» не очень-то верят в благополучный исход предлагаемых изменений. «На ближайшие 15-20 лет альтернативы институтам РАН нет, и раскидать их по министерствам, корпорациям или университетам означало бы уничтожить и развалить российскую науку» (из интервью Фурсенко). Звучит-то хорошо, но вот как это будет выглядеть на деле, как говорится, «будем посмотреть».

Немаловажный вопрос о руководстве институтами. Сразу отмечу, что я поддерживаю введение ограничений по руководству институтом и по срокам, и по возрасту. Хотя, любое правило сильно исключениями, и я знаю достойных директоров, которые и в 70-летнем возрасте дадут фору многим молодым руководителям (особенно, если институты создавались «под них», под их научные идеи и разработки), и в некоторых случаях можно представлять и третий (не больше) срок для руководства (это не предложение, а так, мысли вслух). Но вот замечание Фурсенко (с моими комментариями курсивом): «Прежде всего, изменилась система выбора руководителей институтов, была

создана специальная кадровая комиссия при Совете президента по образованию и науке (*оговорка по-Фрейду: Совет по науке и образованию*), которую возглавил Владимир Фортов. То есть были созданы фильтры, которые оценивают способность кандидатов к управлению институтами. И если эти уважаемые органы, Президиум РАН и кадровая комиссия, решают, что человек в принципе не может быть директором института, то в рамках обсуждения его кандидатура может быть снята. В любом случае окончательное решение принимает институт. И ФАНО лишь оформляет это решение. Раньше институт выбирал директора и отправлял его на отделение, где его могли утвердить или отклонить, затем он шел на Президиум и проходил такое же согласование (*так чем вновь «созданные фильтры» лучше уже существовавших: комиссия по кадрам = отделениям [с той только разницей, что в последних было 50-100 специалистов, а в комиссии, от силы, 1-2, а остальные представляют другие научные направления или просто являются чиновниками], а Президиум остается Президиумом*). В нынешнем варианте решение принимается коллективом института, а не иерархической структурой академии (*если комиссия имеет право снять того или иного кандидата, то, как в лучшие советские годы остается 100-процентно поддерживать согласованного с ЦК?*). Принимая много лет участие в работе Отделения биологических наук РАН, я не раз сталкивался с процедурой согласования (и не согласования) директоров институтов, которые на первом этапе были выдвинуты коллективами, и сам 7 раз проходил через это горнило; могу клятвенно заявить, что не было ни одного (!) случая, когда принятое решение нанесло бы вред институту. Так в чем разница? Коллектив выдвигал, рейтингово голосовал, Отделение и Президиум согласовывали и утверждали (либо нет); сейчас происходит выдвижение группами или самовыдвижение, комиссия кого-то отвергает (объясняя коллективу или нет), коллектив голосует из оставшихся, ФАНО утверждает. Опять дублируем более эффективную систему менее? Вопросы, вопросы, а в интервью ответов нет, если не считать такого замечания: «Приходят (*в руководство*) новые люди, а у каждого нового человека меньше шор. Это не гарантия, но дополнительный шанс. В течение нескольких лет должно смениться в общей сложности более половины корпуса руководителей академических институтов. Сам этот факт будет способствовать изменениям (*в какую сторону, или важен сам процесс?*). Хотя главная проблема сейчас в том, что нет желающих занимать пост директора. Ответственность и хлопоты, которые с этим сопряжены, огромные. А плюсы не бог весть какие».

6. По словам министра образования и науки РФ Дмитрия Ливанова, по данным Счетной палаты, более 50% объектов РАН не зарегистрированы в установленном порядке как госимущество и это

создает плодотворную почву для злоупотреблений. Что в настоящее время происходит с имуществом РАН в Самарской области? В чье ведомство оно перешло?

Больше слушайте Ливанова. Если бы Счетная палата вскрыла действительно серьезные нарушения и злоупотребления в РАН, мы имели бы не менее громкие судебные дела, чем в «Оборонсервисе». Где они? РАН единственная в стране структура, которая смогла сохранить и не разбазарить свое имущество, начиная с «веселых» 90-х годов. Посмотрим, что удастся сделать ФАНО.

7. Есть ли какие-либо прогнозы относительно закрытия НИИ Самарской области? Кто может попасть в это число?

Поживем — увидим. Пройдет мотаторий, нарастит «мышцы» ФАНО, получит соответствующие указания, и мы поймем (может быть), — какую все-таки цель преследует реформирование РАН. Человеку свойственно ожидать худшего, и потому исключить возможность закрытия каких-либо академических учреждений и на территории Самарской области я не могу.

Здесь я несколько отступлю от интервью, которое давалось в 2014 г. Наша жизнь динамична и за последние годы стратегия Министерства образования и науки и ФАНО стала более понятной. Ещё в 2008 г. экс-министр образования и науки Андрей Фурсенко заявил о необходимости уменьшения количества вузов. «Майскими указами» Президента Российской Федерации (указы от 7 мая 2012 г., в т. ч. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки») прописано укрупнение вузов (срок исполнения — 2018 г.), что связано со значительным (явно непропорциональным) ростом их числа в последние 20-25 лет (к концу 2014 г. — более 2,5 тыс. всех форм собственности); в рамках уже запущенной реформы в России должно остаться порядка 150 бюджетных вузов (в среднем, не более 2-х на административно-территориальную единицу...). Такое укрупнение (по идеи инициаторов) выведет объединенные вузы на верхние ступени мировых рейтингов и обеспечит рост качества образования и повышения уровня подготовки кадров для публикуемых, но пока слабо продвигаемых, «инновационной», «зелёной», «цифровой» экономик. На самом вершине («вишенка на торте») — Московский и Санкт-Петербургский государственные университеты. Создан «верхний» этаж из десяти федеральных университетов, этаж национальных исследовательских университетов (около 30), в январе 2016 г. появились первые опорные университеты (пока 11), и все «остальные». Не миновала эта кампания и Самарскую область: Самарский государственный технический университет, объединившись с Самарским архитектурно-строительным университетом, попал в разряд опорных, произошло объединение Самарского аэрокосмического (СГАУ) и классиче-

ского (СГУ) университетов — появился Самарский национальный исследовательский университет им. акад. С.П. Королёва. На повестке дня — присоединение к последним и Самарского государственного экономического университета (СГЭУ).

Естественно, процесс этот очень болезненный (прежде всего из-за кадров) и проводится он должен (в идеале) в соответствии с медицинским принципом «Не навреди!». А чтобы реализовать этот принцип, надо поставить правильный диагноз; иными словами, разобраться в причинах (*Cui prodest?*), по которым, кроме объединения, повышение эффективности вузовской системы не просматривается.

И здесь не обойтись без исторических аналогий («ничто не ново под луной — *nil novi sub luna*»). Среди сходных мероприятий середины прошлого века особое место занимает кампания по укрупнению колхозов (постановление ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. «Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле» и постановление Совета Министров СССР от 17 июля 1951 г. «О мероприятиях в связи с укрупнением мелких колхозов»). Советское руководство [9] видело в ней «один из путей повышения эффективности сельскохозяйственного производства» [10, с. 206] — ничего не напоминает? Процесс объединения мелких хозяйств в более крупные достиг столь значительного уровня (по СССР было укрупнено почти 80 % сельхозартелей), что фактически перерос рамки просто организационных форм укрупнения колхозов и оказал заметное влияние на перестройку всей сельской поселенческой сети страны. Однако этот процесс оказался далеко не однозначным, — проявились организационная несогласованность, трудности в управлении укрупненными хозяйствами, вместо «подтягивания» слабых к сильным хозяйствам, часто наблюдался обратный процесс, и другие негативные последствия укрупнения. В середине 60-х годов (через 15 лет) «маятник качнулся» в другую сторону и пошел процесс разукрупнения (например, Смоленская область уже в начале 1965 г. поставила вопрос о разукрупнении 22 совхозов и организации на их базе 16 новых [11]). И вот сегодня (всего-то через пару лет) архитекторы подают на развод с самарским политехом [<http://fedpress.ru/article/1793586>]...

Соглашусь с академиком РАО Олегом Смолиным, который является первым заместителем председателя Комитета по образованию Государственной Думы [<http://ami-map.ru/news/obrazovanie/262-.html>]: «Если связать за задние лапы двадцать кроликов — слон точно не получится. Если канатом связать десять торпедных катеров — линкор точно не получится. Тем более, если кролики связываются вместе с телятами, как у нас бывает сплошь и рядом». Но процесс объединения вузов, как и слияние академических институтов в рамках, например, научных центров, имеет как свои «плюсы», так и «минусы». Рассмотрим некоторые из них.

Первое. Декларируется повышение качества высшего образования и рост научного потенциала высшей школы (основной «плюс» и цель проводимой реформы). Не все так очевидно. Прежде всего, «образование» и «образованность» (см., например, [12, 13]), «образование» и «обучение» — это разные вещи. **Образование** — процесс усвоения знаний, обучение, просвещение. В широком смысле слова, образование — процесс или продукт «формирования ума, характера и физических способностей личности... В техническом смысле образование — это процесс, посредством которого общество через школы, колледжи, университеты и другие институты целенаправленно передаёт своё культурное наследие — накопленное знание, ценности и навыки — от одного поколения другому [между поколениями]» [14, р. 20-21]. «Процесс **обучения** представляет собой сложное единство деятельности учителя и деятельности учащихся, направленных к общей цели — вооружению обучающихся знаниями, умениями и навыками, к их развитию и воспитанию» [15, с. 252]. Таким образом, качество образования обеспечивает рынок (специалист такого качества нам нужен или не нужен), а качество обучения — вуз (зависит, в частности, от распределения видов учебной нагрузки по времени и пр.). В последнем случае регулировать качество обучения можно и без серьезных структурных изменений (объединений, разъединений и пр.).

Представляется большим заблуждением, что укрупнение вузов (как и укрупнение академических институтов) приведет к повышению качества образования (научных исследований). Ведь корень проблемы не в размере и форме собственности вуза или научного центра, а в отсутствии у нашего общества потребности в качественном образовании и результатах академических исследований, т. е. в отличие от развитых стран уровень образования не влияет на заработную плату специалиста (в т. ч. и молодого). Кроме того, «монополизация» образования в сверхкрупных вузах противоречит принципам рыночной экономики (это — «минус»), постулируемым руководством страны. Ищем аналогию. Система «объединенных вузов» может просто превратиться в систему подобную нашим ЖЭ-Кам — работают плохо, но других-то нет...

Второе. Создание (за счет сокращения вузов) более «конкурентной среды» для абитуриентов (вроде, «плюс»). Но возрастает вероятность возникновения ситуации «застоя», когда можно не совершенствовать процесс обучения, потому что к монополисту на рынке студенты придут в любом случае («минус»).

И здесь уместно поговорить о ЕГЭ. С фанатизмом, достойным лучшего применения, последние три министра образования (Владимир Филиппов, Андрей Фурсенко и Дмитрий Ливанов) со всех трибун утверждали об эффективности обязательного единого государственного экзамена для выпускников школ. Не спорю, ЕГЭ позволяет выпускникам дистанционно поступать сразу в несколько и в лю-

бые вузы страны, лишь отправив сведения о сдаче ЕГЭ по почте. Категорически не согласен с тем, что ЕГЭ ведет к повышению качества образования. Я, как еще и профессор с более чем 25-летним стажем (с 2006 г. — Почетный профессор Самарского государственного университета), на собственном опыте и общаясь с профессурой других вузов страны (в том числе федеральных и национальных), могу констатировать, что уровень знаний абитуриентов биологических факультетов с момента введения ЕГЭ заметно понизился и в вузах уходит по 1,5-2 года (!) на то, чтобы как-то «подтянуть» сегодняшних студентов до того уровня, когда я имел дело со студентами 90-х годов. Думаю, что то же самое можно сказать и про другие специальности. А как естествоиспытатель, посвятивший всю свою жизнь науке, мне грустно наблюдать утерю целым поколением навыков логического мышления. «Делая ставку исключительно на зубрежку и память, мы лишаемся того, что можно назвать интеллектуальной элитой...» [16].

И действует тот же постулат «у нас» — плохо, «у них» — хорошо». Ни один из этих министров ни разу не привел примеров того, почему «у нас» — плохо. Что — плохо? Их родственников не приняли в Сорбонну или в Кембридж? Но те, кто хотел учиться за границей, поступали туда и без ЕГЭ (примеры, — вице-премьер Аркадий Дворкович получил второе высшее образование в Университете Дюка [США], а такой же, как и Фурсенко, помощник президента РФ, бывший министр связи и массовых коммуникаций Игорь Щёголев — в Университете Лейпцига [Германия]). Или «утечка мозгов» идет не так эффективно, как им хотелось бы, и необходимо привести «наши» стандарты к «их» стандартам (и так ежегодно страну покидает до 15% выпускников вузов [17, с. 11])? А почему, не наоборот? «Их» к «нам»? Но подозреваю (интересно было бы это проанализировать), что после «нашего» ЕГЭ поступления в иностранные вузы должно было бы сократиться. Я говорил о последствиях ЕГЭ, которые ощущаю как профессор вуза; но сегодня в управление начинает приходиться «поколение ЕГЭ» и, думаю, это ощутят все и «мало нам не покажется...» И последнее. Логичное (в контексте действий) предложение Фурсенко о необходимости введения ЕГЭ для бакалавров (не дай Бог, будет принято; зачем? для чего? почему? как простой индикатор, позволяющий назвать вуз сразу неэффективным и закрыть его?), а может и для магистрантов (!), вообще завершит разрушение не только общего, но и высшего образования.

Правда, назначенная в августе 2016 г. на пост министра образования Ольга Васильева заявила (во время дискуссии с финалистами конкурса «Учитель года России-2016»): «ЕГЭ будет совершенствоваться, сочинение через два года станет иметь тот классический вид, какой оно имело всегда. В школах по окончании появится оценка по всем предметам. Я считаю, что социально значимые вузы должны иметь письменный экзамен. Сейчас у нас

весь первый семестр идет доучивание по разным программам школы. Медицинские, инженерные и все другие вузы обязательно должны иметь письменный экзамен» [<https://ianews.ru/articles/87949/>]. Поживем — увидим...

Третье. Усиление (укрепление) материальной базы («плюс»). Однако переходный период (период неопределенности и интриг) не способствует росту эффективности высшего образования, а любая задержка («потеря темпа» у шахматистов) чревата заметным отставанием и общим поражением (это — «минус»). С этим необходимо считаться.

Четвертое. Возможность более «спокойно» преодолеть демографический спад может быть нивелирована потерей сформировавшихся научных школ и образовательных брендов. Это, скорее, этическая составляющая любой реорганизации. Например, при объединении СГАУ и СГУ (и вхождения в этот альянс СГЭУ) возникает проблема названия нового учреждения. Если это — Самарский государственный аэро-космический университет им. С. П. Королёва, то кто такой Королёв для СГАУ объяснять не надо; но в этом случае Самарская область теряет классический университет. Теперь, если новое образовательное учреждение высшей школы (как и было принято) называется Самарский национальный исследовательский университет им. С. П. Королёва, теряется бренд СГАУ (КуАИ — один из лучших в стране Куйбышевский авиационный институт) и СГЭУ (широко известный Куйбышевский планово-финансовый институт) и придется «объяснять», кто такой Королёв для классического университета... Неизбежное перетасовывание общеобразовательных и «непрофильных» кафедр, конечно, ведет к утере ряда научных школ.

Пятое. Экономия и концентрация бюджетных средств против оттока молодежи из провинции и периферии в «университетские» города (в России — это, в основном, центры регионов).

Концентрация крупных вузов в «столичных» и закрытие большинства их филиалов в малых городах («5-й минус») создает ситуацию «насоса», который способствует внутренней миграции молодых и наиболее активных слоев населения с периферии в центры. При этом постепенно снижается «подпитка» регионов молодыми кадрами, малые города обескровливаются и движутся к упадку.

Как это не парадоксально, американцы, с которых наши чиновники часто «делают кальку», несколько лет тому назад осознали это и 9 августа 2007 г. вступил в силу Закон «Америка создает возможности для целенаправленного превосходства в технологиях, образовании и науке» (*America Creating Opportunities to Meaningfully Promote Excellence in Technology, Education and Science Act*; сокращенное название — Закон о конкурентоспособности США — *COMPETES Act*), в 2009 г. был принят Закон о восстановлении американской экономики и реинвестировании (*American Recovery and Reinvestment Act, ARRA*). В соответствии с первым из них, для повышения конкурентоспособности США ос-

новой упор в науке и образовании делается на *регионы*; благодаря второму закону, увеличились расходы на образование и проведение НИОКР (только в 2009 г. объем бюджетных средств вырос на \$20 млрд [18]). А потому, в соответствии со школьными правилами, если и списывать, то лучше у отличников и «с головой»...

Теперь, пожалуй, основной «5-й плюс». Скорее всего, именно экономия и концентрация бюджетных средств должны претендовать на главную причину повышенной активности федеральных и региональных чиновников «от образования» по объединению отдельных (эффективных) и уничтожению «остальных» вузов. И здесь опять добавим «ложку дёгтя»: кажется, время для масштабной работы по реформированию высшего образования у нас в стране было выбрано неудачно (или экономический кризис вновь нас «догнал», как мандельштамовский «век-волкодав»...). Поэтому оптимистические надежды на дополнительное финансирование процесса объединения вузов (как это было при создании, например, федеральных университетов) становятся мало обоснованными (в полном соответствии с Вольтером: «Мы никогда не живем, а лишь надеемся, что будем жить»). Возникает вопрос — а плюс ли это?..

Подводя итог анализа причин, по которым во всех регионах страны пошел процесс объединения и еще большего размежевания вузов, хочется заметить, что об этом в последнее время не говорит, кажется, только ленивый. В этом контексте, больше всего запомнились слова бывшего ректора и президента СГЭУ профессора Александра Жабина, которые он сказал, выступая на Ученом совете СГЭУ 26 января 2016 г., где обсуждался вопрос о присоединении СГЭУ к уже объединившимся СГАУ и СГУ: «Рука не поднимается голосовать за это решение. Но это — эмоции. Нам заданы новые правила игры, и мы должны выбрать оптимальную стратегию поведения». Рецептов для выхода из этой непростой ситуации не так уж и много.

Из двух главных технологических принципов укрупнения вузов и академических организаций (*территориального* и *отраслевого*) у нас был избран первый (возможно, реформаторы учли отраслевой опыт создания совнархозов...). При этом фактически, происходит «механическое» объединение вузов одной территории вне зависимости от их первоначальной специализации и соподчинения. Аналогичная картина наблюдается и при «слиянии» академических институтов (например, ФАНО радостно отрапортовало об объединении в рамках Федерального исследовательского центра [ФИЦ] Коми НЦ УрО РАН на базе научного центра Института химии, Института биологии, Института физиологии, Институт геологии, Института языка, литературы и истории, Института социально-экономических и энергетических проблем Севера, НИИ сельского хозяйства Республики Коми и Печорской опытной станции им. А. В. Журав-

ского; при этом подчеркивается, что миссия ФИЦ состоит в получении новых знаний о природе, обществе, человеке и внедрении их в практику для обеспечения устойчивого развития Севера и Арктики России, а в основе интеграционного проекта лежит *совместное решение* руководителей указанных научных организаций «под присмотром» первого заместителя руководителя ФАНО России принятое 11 апреля 2016 г.).

В Интернете «гуляют» несколько моделей технологии укрупнения вузов. Учитывая при этом важность человеческого фактора, о котором говорилось чуть выше, обратим внимание на слова тогда министра образования и науки РФ Дмитрия Ливанова [19] о том, что «следует провести так называемый SWOT-анализ³, выявить все возможные риски или выгоды. Это поможет избежать в дальнейшем катастрофы. Смысл этой реформы в том, что необходимо получить бонусы от партнёрского функционирования — выход на новый уровень, рост качества образования, и прогресс научной деятельности». По-видимому, можно предложить четыре модели объединения (два класса — поглощение и слияние [19]).

Добровольное поглощение вуза. В рамках этой модели рекомендуется использование дивизионального управления⁴. Здесь много плюсов для поглощаемого учебного заведения (чаще всего, небольшого и бездательной и славной истории), т. к. ему достаются дополнительные имиджевые и финансовые блага, сохраняется большая часть его возможностей.

Поглощение. В отличие от первой модели, поглощаемый вуз практически никаких плюсов не имеет и полностью растворяется в структуре головного.

Поглощение, навязанное учредителем при поддержке региональных властей. Объединение происходит по каким-то странным принципам и, зачастую, такая реорганизация вызывает конфликты.

Слияние. Оба вуза имеют равные права, но формально как бы прекращают своё существование. То есть вместо двух и более «старых» и заслуженных появляется один новый, с новым названием, с образованием нового юридического лица и с необходимостью активно бороться за новое «место под Солнцем».

Похоже, что в современных сформулированных условиях только последняя модель — слияние — наиболее эффективна и позволяет всем

3. SWOT-анализ — метод стратегического планирования, заключающийся в выявлении факторов внутренней и внешней среды организации и разделении их на четыре категории [20]: Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности) и Threats (угрозы).

4. К преимуществам такого управления можно отнести достаточно эффективную способность обеспечить управление многопрофильными и территориально удаленными учреждениями, обеспечить большую гибкость и быструю реакцию на изменения в конъюнктуре рынка и др.

участникам объединения максимально и достойно сохранить свое лицо и попытаться все-таки решить основную задачу всей этой реформы: повысить качество обучения и образования новых кадров для экономики страны.

8. Правительство намерено было существенно повысить академические стипендии, ежемесячные выплаты для действующих членов РАН должны были составить минимум 100 тысяч рублей. Произошло ли увеличение выплат? Для всех ли академиков размер выплат одинаков?

Действительно. Академик сегодня получает стипендию в 100 тыс. руб., чл.-корр. РАН — 50 тыс. руб. Много это, или мало? Вернемся «к истокам». Академия наук была учреждена в Санкт-Петербурге по распоряжению императора Петра I указом правительствующего Сената от 28 января (8 февраля) 1724 г.

«О Академии, и о сумме на содержание оной. Генваря 28 дня. Его императорское величество указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам и переводили б книги. А Генваря 22 дня, его императорское величество, будучи в зимнем доме и слушав о сочинении той Академии проекта, на котором собственно своею рукою подписать изволил: На содержание оных определить доходы, которые збираются с городов Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга⁵, таможенных и лицензных, 24 912 рублей. И по тому его императорского величества указу Правительствующий Сенат приказали, оные доходы собирая, содержать в Рентерии, из которых отпускать в тое Академию по указу из Сената. А кроме того, ни на какие расходы не употреблять. И о том в Камор-коллегию и в Штатс-канторуб указы посланы. Подлинной за подписанием Правительствующего Сената».

Согласно этому указу, каждый академик должен был составить учебное руководство в пользу учащегося юношества и каждый день по часу заниматься публичным преподаванием своего предмета. Академик должен был подготовить одного или двух воспитанников, которые бы со временем могли заступить на его место, причем Пётр выразил желание, «чтобы такие были выбираемы из славянского народа, дабы могли удобнее русских учить».

1 рубль 1724 г. (сегодня на аукционе в среднем за последний год — €4 тыс.) — 28,44 г. серебра. Стоимость этого серебра как металла сегодня (июль 2017 г.) — 850 руб., т. е. на момент создания АН «сто-

5. Нарва, Дерпт — Тарту, Пернов — Пярну и Аренсбург — Курессааре (все — Эстония). Таким образом, Эстляндия «вскормила» российскую науку...

6. Рентерия — казначейство, Камор-коллегия — управление казенных сборов и налогов, Штатс-кантора — ведение государственных расходов и составление штатов по всем ведомствам.

ила» российскому государству примерно 21 млн. современных рублей. В «тех ценах» годовое жалование профессора (академика) — от 500 до 2000 серебряных рублей, адъюнкта (члена-корреспондента) — 300 руб. (на 15 академиков «первого призыва» при средней зарплате 1000 руб. в год); килограмм говядины стоил тогда 10 коп. (сегодня медианная по России — 350 руб.). Итак, академик Петра I мог купить около тонны говядины в месяц, современный академик (зарплата примерно, 200 тыс. руб. = 100 тыс. руб. стипендия + оклад + доплаты за гранты) — 570 кг (зарплата все еще меньше петровской почти в 1,75 раза!..).

9. В связи с реформированием системы РАН, сократилось ли финансирование?

Да. Поясню. Один из разделов интервью с А. Фурсенко озаглавлен «Государство, рынок и финансирование науки» [2]. Здесь четко сформулированы «три основных формы финансирования науки: финансирование бюджетных научных учреждений на основе субсидий на выполнение государственного задания, фондовое финансирование и программное финансирование <...>. Необходимо четко разделить сферы вложения денег и инструменты, которые этим сферам соответствуют. Есть фундаментальные исследования, которые определяются логикой развития науки, и есть исследования, которые определяются внешним заказом. Система финансирования этих двух групп должна быть разной. По каждому направлению должны быть разные критерии оценки работ, по-разному должны отбираться и поддерживаться исполнители, и должен различаться контроль за тем, как эти работы исполняются. Кроме того, подходы должны различаться при финансировании фундаментальных и при поддержке прикладных исследований». Все предельно четко и верно. На бумаге. Но забыли про овраги...

На заседании Совета по науке и образованию (29 октября 2012 г., Ново-Огарево) Владимир Путин отметил: «За последние десять лет объём расходов федерального бюджета на науку, я хочу подчеркнуть, именно на гражданскую науку, увеличился на порядок. Но мы привыкли считать, и часто говорим об этом, и иногда говорим, в общем-то, справедливо, что средств на науку не хватает. Вместе с тем хотел бы обратить ваше внимание на сухие цифры. Они такие. В 2002 году мы направляли на науку 31 миллиард рублей, а в 2012-м — 328 миллиардов рублей (в т. ч. на фундаментальную науку — 86 млрд руб.). Всё-таки разница существенная

(правда, по паритету покупательной способности рубля к доллару в 2002 г. было 9,27 рублей на один доллар США, а в 2012 г. — 18,49, т. е. рубль «подешевел» в 2 раза; но все равно, рост и в 5 раз — это тоже хорошо) <...>. По абсолютным объемам государственного финансирования исследований и разработок Россия вошла в число ведущих стран мира. По паритету покупательной способности, по ППС именно, у нас 22 миллиарда долларов. Если сравнивать со странами ОЭСР, то мы, конечно, значительно уступаем Соединённым Штатам (157 миллиардов), Японии (33 миллиарда) и Германии (29 миллиардов), но опережаем такие страны, как Франция, Великобритания, Италия. Там, соответственно, 19, 14 и 11 миллиардов долларов по паритету покупательной способности».

Через два года, на аналогичном заседании 8 декабря 2014 г. Путин еще раз коснулся вопроса финансирования науки: «Напомню, что общий объём финансирования Программы фундаментальных научных исследований на период до 2020 года составляет более 834 миллиардов рублей (иными словами, чуть более 100 млрд руб. в год, т. е. рост около 10 %). Это действительно серьёзные средства, и их нужно использовать с максимальной пользой и максимальной отдачей для страны». А для РАН (читай, — для фундаментальной науки) это финансирование незначительно, но все же сокращалось, о чем неоднократно говорилось на Общих собраниях РАН.

В 2013 г. наш Институт «стоил» бюджету, примерно, 61 млн руб. Еще миллионов 13 сотрудники «заработали» на грантах, программах и договорах (внебюджетные деньги). Это позволило Институту вполне сносно прожить этот переломный для РАН год, выполнить весь объем запланированных исследований (в т. ч. и экспедиционных) и перейти в 2014 г. без долгов. Финансирование (субсидии) Института на 2014 г. исходило из бюджетного финансирования 2013 г. и составило 58,5 млн руб. (сокращение — на финансирование структуры ФАНО). Но не будем забывать, что с 2014 г. заработная плата и налоги на нее не сильно, но выросли. Выросли, значительно сильнее, и тарифы на ЖКХ. Поэтому 58,5 млн. руб. «сжались» больше, чем 61 млн в 2013 г. Ни в чем себе не отказываем...

Проблем финансирования касался и мой вопрос В. Путину, который я задал ему в ходе телепередачи «Прямая линия с Владимиром Путиным», состоявшейся 15 июня 2017 г. Вот текст моего письма (на вопросы, получил ли я ответ от Президента, я отвечаю со ссылкой на уже упомянутого Вольтера, который, когда его спрашивали «Вы помирились с Богом?», неизменно говорил: «Мы с ним раскладываемся, но не разговариваем»).

Уважаемый Владимир Владимирович!

В год, объявленный Годом экологии в России, хочу обратить Ваше внимание на катастрофическое положение дел, которое сложилось в сфере фундаментальных научных исследований, проводимых под эгидой Российской академии наук.

Что бы ни докладывали Вам помощники и консультанты о росте финансирования всей научной деятельности, реально в Институтах РАН с начала реформ 2013 г. наблюдается тотальное сокращение. Только на примере моего Института: за этот период бюджетное финансирование сократилось с 65 млн руб. до 51 млн руб. (более 20 %). И при этом стоит задача выполнения Вашего «майского указа» (№ 597 о доведении средней зарплаты у научных сотрудников до 200 % от региональной), что невозможно без дополнительного финансирования (или можно сделать только путем очевидных манипуляций — переводом сотрудников на доли ставки, сокращениями и пр.). Мне представляется, что это никак не будет способствовать повышению эффективности выполнения государственных заданий и конкурентоспособности отечественной науки.

Кроме того, для Институты, связанных с экспедиционными работами, огромное значение имеет обновление экспедиционного транспорта и флота (в моем Институте осталось одно научно-исследовательское судно, подаренное еще Иваном Дмитриевичем Папаниным... и это для изучения экологических проблем национальной гордости России — реки Волга!).

Из этого следует, что в сложившейся ситуации надо либо признать невозможность выполнения Вашего поручения по повышению зарплат научных сотрудников и отменить требования «майского указа» № 597, либо обязать правительство увеличить финансирование научных исследований до уровня 1,77 % от ВВП (также по Вашему указу). И делать это следует оперативно, так как процесс «манипулирования» уже пошел.

чл.-корр. РАН

Г.С. Розенберг

Таким образом, около 75-80 % бюджета уходит на зарплату и налоги на нее. Итоги трехгодичной реформы, проводимой в 2006-2008 гг. и состоявшейся и в том, чтобы за счет сокращения на 20 % численности сотрудников РАН поднять зарплату оставшимся, привели к тому, что людей сократили (в РАН было 115 тыс. сотрудников — стало около 90 тыс.), но и бюджетное финансирование РАН за последнее десятилетие сократилось. Что касается внебюджетного финансирования, то его получение сильно затруднено 44-м Законом (о закупках); кроме того, у нас в стране всегда существует «система отмазок» (кризис, олимпиада, Крым, чемпионат мира по футболу...), которая позволяет заказчикам тянуть с финансированием, сколько возможно.

10. Как отныне проходят выборы академиков?

Избрание в Российскую академию наук в нашей стране продолжает оставаться самым высоким признанием заслуг ученого. Когда меня избрали членом-корреспондентом РАН в 2000 г. я с трудом поверил в этот успех и даже потерял голос (второй раз в жизни; первый — перед КВН-овской игрой с Одессой в 1972 г.), эмоционально рассказывая о всех перипетиях этой волнительной процедуры.

В соответствии с Федеральным законом N 253-ФЗ три года выборы в Академию не проводились (контрольный вопрос: как может идти омоложение РАН, которое считалось главным условием повышения её эффективности в результате реформирования?..). В принятом на Общем собрании РАН 27 марта 2014 г. Уставе РАН процедура выборов подробно прописана и, практически, не отличается от того, что было ранее.

Последние перед реформой выборы в РАН состоялись 22 декабря 2011 г., выборы после реформы прошли 28 октября 2016 г. Я принимал участие и в тех, и в других выборах, и оба раза, к сожалению для себя, проиграл. Это заставило меня проанализировать ход выборов (в качестве примера я возьму выборы 2011 г.) и сделать некоторые выводы.

Общее собрание Российской академии наук 2011 г. по итогам выборов назвало имена 79 новых академиков и 132 членов-корреспондентов. В заключительном слове на этом собрании президент нашей академии, академик Юрий Осипов предложил самым тщательным образом проанализировать результаты выборов в РАН, чтобы в дальнейшем при отборе выдающихся деятелей науки совершать как можно меньше ошибок. На этом же собрании распространялась и очень интересная, только что вышедшая книга академика Юрия Золотова «Выборы в Академии наук» [21], в которой приводится много фактов, документов, мемуарных оценок и других материалов, которые свидетельствуют о том, что процесс выборов в академию со временем несколько видоизменялся. Все это и послужило поводом для размышлений, в которых обсуждается лишь один аспект выборов в РАН и который можно назвать «региональным».

На момент своего создания, академия наук располагалась в столице, и все её 13 академиков жили там; более того, само звание «член-корреспондент» (появилось в 1759 году; в какой-то степени до этого времени соответствующим ему можно считать звание «адъюнкта») свидетельствовало о том, что обладатель этого звания живет не в столице и поддерживает почтовую связь с академией. Но уже к середине XIX века членами-корреспондентами стали избирать и петербуржцев (например, поэт Аполлон Майков, юрист Константин Неволин или химик Дмитрий Менделеев). Косвенным свидетельством такой «столичной централизации» служат и названия академии наук на разных этапах

её большой истории: из 7 названий академии три раза она содержала слова «императорская», два раза — «Санкт-Петербургская» и «российская».

На 1 января 1900 г. в Императорской Санкт-Петербургской академии наук состояло 38 академиков⁷ и только четверо из них не жили в столице (географ Дмитрий Анучин и экономист Иван Янжул были москвичами, филологи Игнатий Ягич жил в Вене, а Лудольф Крель — в Лейпциге). «Знаменитые» выборы 1929 г. «разбавили» питерцев москвичами, представителей регионов в академию избрано не было (если не считать киевлянина, микробиолога Даниила Заболотного). А в 1934 г. АН СССР вообще «переехала» в Москву и стала «пополняться» преимущественно москвичами.

В мае 1957 г. было образовано Сибирское отделение АН СССР, в сентябре 1987 г. — Уральское и Дальневосточное отделения. Процесс децентрализации пошел... Особую роль в этом процессе сыграло объединение АН СССР и РАН в ноябре 1991 г., так как «по условиям» выборы в РАН тогда в большей степени были ориентированы именно на регионы.

В первое десятилетие XXI века этот процесс децентрализации замедлился, представление о чем дает табл. 1 с результатами выборов в РАН (2003–2011 гг.). Если рассматривать только центральную часть академии (без региональных Отделений), то доля «двух столиц» на этих выборах колебалась и по академикам, и по членам-корреспондентам от 89 % до 95 %. Еще более наглядно выглядят данные по некоторым научным центрам (см. дополнение к табл. 1), в которых рост «академических званий» измеряется величиной, близкой к «одно звание в десять лет». (Не анализировал в целом выборы 2016 г., но, справедливости ради, отмечу, что в Самарском ИЦ РАН было избрано 2 академика и 2 чл.-корр. РАН).

7. Кстати, средний возраст этих академиков — около 60 лет (при средней продолжительности жизни в 1900 г. — 30–32 года) — это к вопросу о «старости» академии (сейчас, соотношение, примерно, 75 лет при продолжительности жизни мужчин в 2010 г. около 62 лет); самый молодой академик в 1900 году — филолог и историк Алексей Шахматов (36 лет), в 2011 — биолог Павел Георгиев (47 лет). Сегодня академия даже помолодела... (Выборы 2016 г. подтвердили движение в направлении омоложения РАН).

Таблица 1.

	21 мая 2003 г.		23 мая 2006 г.		27 мая 2008 г.		22 декабря 2011 г.	
	ак.	ч.-к.	ак.	ч.-к.	ак.	ч.-к.	ак.	ч.-к.
Москва + Московская обл.	40	65	31	67	32	70	54	77
Санкт-Петербург*	4	9 (11)	3	11 (12)	3	10 (12)	5	18

Волжский бассейн**	2	5	2	5	3	7	2	4
Южный НЦ***	1	3 (4)	1		(1)	(2)	1	1
По Центральной части	47	85	37	84	39	91	62	104
ДВО	2	9	4	9	2	4	1	5
СО	5	15	6	7	3	12	9	16
УрО	3	10	2	4	1	4	7	11
ВСЕГО	57	119	49	104	45	111	79	132

Дополнение к табл. 1

Самарский НЦ						1		
Саратовский НЦ		1						
Уфимский НЦ	1							
Карельский		1		1		1		
Кольский		1				1		

Примечание. * — Санкт-Петербург, включая Кольский и Карельский НЦ (в скобках); ** — Волжский бассейн (без Москвы, Московской, Волгоградской и Астраханской областей); *** — ЮНЦ, включая Владикавказский, Дагестанский и Кабардино-Балкарский НЦ и г. Воронеж (в скобках).

Возникает естественный вопрос: как вести себя потенциальным соискателям академических званий, которые обогатили «науку трудами первостепенного научного значения» или «выдающимися научными трудами» (из Устава РАН) и могут (хотели бы) рассчитывать на их завоевание?

Можно «не дергаться» и не рваться в академию (это очень редкий случай — из последних примеров назову математика Григория Перельмана, который не дал согласия баллотироваться в академию; для большинства учёных получение тех или иных степеней, званий и премий — это *необходимый «штрих»* их научной карьеры⁸).

Можно просто перебраться в Москву, существенно повысив вероятность своего избрания (правда, чаще это происходило при переезде из столиц на Дальний Восток, в Сибирь или на Урал [там, где были региональные Отделения РАН]; но есть единичные примеры и «прямого движения» — так, окончательный переезд в Москву из Якутии экономиста и бывшего председателя Правительства Республики Саха (Якутия) Валентина Фёдорова и из Ставрополя социолога Сергея Рязанцева «завершились» их избранием на последних выборах членами-корреспондентами РАН).

Можно уехать за границу и избираться в РАН в качестве иностранного члена (благо, такого рода

8. В статусе первого российского ордена «Св. апостола Андрея Первозванного» (1698 г.) записано: «Ничто так не поощряет и не воспламеняет человеческого любочестия, как явные знаки и видимое за благодетель воздаяние».

примеры тоже есть — на последнем Общем собрании РАН почетными академиками были избраны наши соотечественники (до середины 70-х годов) математик Михаил Громов [Франция], химик Евгений Шусторович, физиолог Владимир Зельман и историк Илья Земцов [США]).

Можно, вслед за делением России на федеральные округа, ввести в РАН еще несколько региональных отделений (см. выше ответ на вопрос 3). Закрепить за всеми региональными отделениями квоты на избрание («плюс»–«минус» чуть-чуть) и предоставить Президиумам отделений (согласовывая с Президиумом РАН) возможность выработать «политику фундаментальной науки» данной территории. Это отвечает и требованиям времени, которые были сформулированы тогда Президентом России Дмитрием Медведевым в своем последнем послании Федеральному Собранию (22 декабря 2011 г.): «В Государственную Думу будет внесён пакет законопроектов о децентрализации. Его реализация позволит провести *серьёзное перераспределение властных полномочий и бюджетных ресурсов в пользу регионов* и муниципалитетов. Я это обещал сделать, я это сделаю. Пора на деле приблизить к людям исполнение важнейших для них функций государства (*выделено мной. — Г.Р.*)». Представляется, что поддержка фундаментальной науки и является одним из приоритетов деятельности государства.

Именно последняя возможность и кажется наиболее осуществимой, что и подтверждается некоторыми простыми расчетами (см. табл. 2).

Таблица 2.

	Дальневосточный ФО	Сибирский ФО	Уральский ФО	Приволжский ФО	Северо-западный ФО	Южный ФО	Северо- Кавказский ФО	Центральный ФО	Россия
Территория (% от РФ)	36,0	30,0	10,6	6,1	9,9	2,6	1	3,8	100
Количество субъектов	9	12	6	14	11	8*	7	18	83
Население (% от РФ)	4,2	13,2	8,4	20,2	6,7	11,1	6,8	26,7	100
Число НЦ	6	9	7	5	3	1	3	3	
Число научных работников РАН	2500	9000	600	500	5200	600	1000	25600	50000
Кандидатов наук	1150	5000	1750	1250	2600	250	430	11570	24000
Докторов наук (А)	300	1800	590	500	1000	100	220	5490	10000
Чл.-корр. РАН (В)	30	80	60	30	70	5	5	490	770
Академиков (С)	20	70	30	18	40	5	2	345	530
$0,7(B + C) / A$ (%)	12	6	10,5	7	8	7	2	11	9

Примечание. * — уже с учетом Крыма и Севастополя; пять последних строк этой таблицы содержат чуть округленные данные за 2008–2011 гг., которые удалось найти в Интернете, на официальных сайтах различных структур РАН и в отчетах о научно-организационной деятельности РАН.

По статистическим данным (например, «Россия в цифрах») научными исследованиями в стране к 2010 г. было занято около 370 тыс. научных работников, в числе которых доктора наук составляли около 25,5 тыс. человек (7 %). В РАН трудится порядка 50 тыс. исследователей (около 13,5 % от всех российских ученых), докторов наук — 10 тыс. (20 % от исследователей). Общее число обладателей академических званий (академики и члены-корреспонденты) — около 1300; среди них, примерно, треть — это не сотрудники РАН (представители ВУЗов и других организаций). Тогда процент членов академии от докторов, работающих в РАН, можно оценить как 9 %. Это — «среднее по России». По регионам этот показатель меняется от 2 до 12 % (последняя строка табл. 2).

Таким образом, проблема обозначена. Например, Волжский бассейн — это 8 % территории России и 56 млн жителей (39 % населения России). Даже если «исключить» Москву и Московскую область (18,6 млн чел.), это, все равно, более четверти населения страны (в 4 раза превосходит ДВФО и в 2 раза — СФО и УФО). А по количеству научных сотрудников и членов академии (только по пяти научным центрам — Казанскому, Нижегородскому, Самарскому, Саратовскому и Уфимскому) эта территория сравнима с Дальневосточным отделением РАН (см. табл. 2). Как говорилась в мультфильме «Пластинчатая ворона», «маловато будет!»

Это все — арифметика, алгоритм, мысли вслух. Естественно, проводить такого рода реорганиза-

цию в РАН только для того, чтобы исследователи из регионов стали несколько ближе к академическим званиям, — бессмысленно. А вот объединить под академическим флагом исследователей из разных субъектов Российской Федерации, уже сведенных в федеральные округа, для совместного решения фундаментальных задач, приоритетных для мирового сообщества и развития Российского государства, — его социо-эколого-экономического прогресса, обороноспособности, политической стабильности, — задача куда более привлекательная.

11. Какие изменения могут ожидать РАН через 5 лет, в связи с реформированием системы?

Из последних ответов Фурсенко [2] явствует, что перспективы, которые нас ожидают, не очень радужны: «Наука — это тяжелая борьба, и не все дойдут до конца. Как и в советское время, кто-то уходит в вузы преподавать, кто-то — в отраслевые институты, а кто-то пробивается и продолжает идти дальше. Пробиваться можно очень долго. Но если удастся, ученый бывает вознагражден сполна». При этом я не могу согласиться с ним в том, что он всерьез рассчитывает «на ФАНО, потому что у них нет старых лоббистских интересов, а есть только один интерес — дать возможность людям проявить себя. Я не хочу никого обижать, мы должны учитывать мнение академического сообщества, но при этом консервативная оценка должна быть сбалансирована желанием двигаться вперед. Луч-

ше что-то сделать не так, чем ничего не сделать (опять, процесс важнее результата?..). Станный расчет: как управление «хозчастью» институтов поможет проявить себя ученым — мне не понятно (англ. wag the dog)⁹.

Чтобы успешно «добраться» до 300-летия Российской академии наук (2024 г.) следует:

- прежде всего, «наступив на себя», наладить взаимоотношения между властью и наукой в нашей стране (ученый — не враг, а думающий, критически настроенный член общества [иначе, он — не ученый] и с этим следует смириться);
- власть должна поставить перед отечественной наукой амбициозные задачи (не сначала «Сколково», а потом «сделайте нам что-нибудь красивое», а первоначально «нам надо то-то и то-то», а для этого создадим «Сколково» или что-то другое);
- необходимо создать условия и мотивировать бизнес на взаимодействие с наукой;
- как бы это не раздражало Фурсенко (см. сноску 1), следует продолжить рост ассигнований на гражданскую науку и реально увеличить государственное финансирование научных организаций РАН (минимум в 2 раза; именно в этом случае соотношение 1 : 10 : 100, о котором говорилось выше, превратится в 11 : 100 и тогда появится возможность восстановить под эгидой РАН систему научно-внедренческих НИИ и КБ);
- создать специальные программы поддержки материально-технической базы для выполнения госзаданий;
- не просто увеличивать финансирование науки, но и решать вопросы социальной защиты ученого, причем, без сокращения штатов; создать научный пенсионный фонд (заслуженные ученые старшего возраста не могут быть просто выставлены «на улицу»), новую систему ставок советников и консультантов в научных организациях, что обеспечит нормальное «передвижение» (омоложение) научных кадров;
- создать условия для сохранения и развития системы научных школ, как универсального инструмента привлечения, подготовки и становления ученых, как структурно-функционального комплекса науки и образования, способного сохранить преемственность в исследованиях и производить качественно новый (инновационный) научный продукт;
- с привлечением научной общественности разработать систему межведомствен-

ной экспертной оценки научных организаций, в рамках которой по научной продуктивности институты РАН должны сравниваться не только между собой, но и с научными организациями любой ведомственной принадлежности.

И еще цитата из выступления депутата Госдумы Олега Смолина: «В свое время думская оппозиция голосовала против Федерального закона № 253 о так называемой реформе Академии наук и была права. Помню, как в эти дни вокруг Государственной думы митинговали ученые, а математик с мировым именем академик Б. Кашин от их имени с думской трибуны произнес знаменитый лозунг: Хирш вам, а не академия! Поясню: индекс Хирша — индекс цитирования, который в последние годы очень любят российские власти. А через год в этом же зале другой академик, В. Черешнев, в то время председатель комитета по науке, заявил, что с появлением ФАНО (Федерального агентства научных организаций) бумагооборот в академии вырос на два порядка, т. е. в 100 раз!..» [<http://www.smolin.ru/vse-novosti/hirsh-vam-ili-strasti-po-akademii>].

Вопросы Дарьи Синициной так меня раззадорили, что я решил еще пару задать самому себе.

12. Что происходит с аспирантурой в академических учреждениях?

В Законе об образовании, который вступил в силу с 1 сентября 2013 г., аспирантура рассматривается как инструмент дополнительного образования (акцент сделан на обучении). В академических институтах аспирантура всегда была научно-исследовательской. Поэтому, в варианте Закона об образовании она лично мне не интересна. Более того, нам крайне сложно соответствовать предъявляемым требованиям (наличие медицинского пункта, «точки питания» аспирантов, спортивного зала для их физической релаксации и пр., и пр.), которые имеются у ВУЗов, но никогда не были первостепенными для Институтов РАН. Обучение аспирантов в академических учреждениях происходит в процессе совместной работы как над госбюджетными темами, так и над грантами и хоздоговорами, теоретическое «натаскивание» — на семинарах и за чае(кофе)питием (а не по специально разработанному программ, которые, в основном, дублируют программы вузовского образования). Если не принять поправок в Закон об образовании и не предусмотреть особый статус научно-исследовательской аспирантуры (например, аспиРАНтуры), наука потеряет много молодых и талантливых потенциальных научных сотрудников.

13. Что происходит с ВАК и с диссертационными советами?

Такое впечатление, что реформирование РАН, ВАК, аспирантуры, — все это звенья одной цепи, причем, направлено оно не во благо, а во вред отечественной науке. Разберемся. Скандалы вокруг

9. Why does a dog wag its tail? Because a dog is smarter than its tail. If the tail were smarter, the tail would wag the dog. [Почему собака виляет хвостом? Потому что она умнее хвоста. Если бы хвост был умнее, то он вилял бы собакой].

целого ряда защит диссертаций (плагиат, диссертации «под ключ») заставили МОиН России разработать и утвердить новые положения о присуждении ученых степеней (Постановление Правительства РФ от 24.09.2013 № 842) и о диссертационном совете (Приказ Минобрнауки России от 13.01.2014 № 7). Ужесточение требований к числу публикаций в рецензируемых журналах для защит по гуманитарным специальностям (не менее 15 против 10 для естественных и технических наук) косвенно свидетельствует о том, что большинство этих скандалов «пришло» со стороны общественных наук. Такое ужесточение требований к публикации основных результатов диссертационных исследований я приветствую, но рекомендовал бы пойти дальше: следует ввести понятие «профильного» журнала и требовать с соискателей докторских степеней публиковать основные свои результаты именно в них (например, защищать докторскую диссертацию по ботанике и не иметь публикаций в «Ботаническом журнале» или в журнале «Растительные ресурсы» — нонсенс). Дико выглядит требование о невозможности оппонирования диссертации членом совета (п. 22), — сразу 19 и больше авторитетных специалистов «выводится» из числа активных участников защиты (не говоря о том, что приглашение дополнительного специалиста-оппонента связано с финансовыми проблемами, если только ты не защищаешься в Москве). Да и ограничение численности диссертационных советов (не меньше 19 человек) не учитывает по одной или двум (трем) специальностям создан совет. Можно еще долго разбирать эти положения (некоторые из них я обсуждал в газете научного сообщества «Поиск», 2013, № 12 (1242), с. 10, 13.), но это предмет специального разговора.

Наконец, совсем «свежая» информация. Премьер-министр России Дмитрий Медведев 17 мая 2017 г. подписал постановление о формировании перечня научных и образовательных организаций, которым предоставляется право самостоятельно присуждать ученые степени. 5 июля 2017 г. Правительство поручило Минобрнауки и РАН представить до 28 февраля 2019 г. доклад о совершенствовании системы присуждения ученых степеней, что следует из плана реализации стратегии научно-технологического развития России. Результатом реализации указанного поручения станет переход от государственной к общественно-профессиональной системе научной аттестации, в том числе присуждению ученых степеней и присвоению ученых званий образовательными и научными организациями самостоятельно. А уже 11 июля на федеральном портале «Российское образование» [http://www.edu.ru/news/education/] сообщалось, что председатель Российского союза ректоров, ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, академик Виктор Садовничий заявил, что право присуждать собственные ученые степени на базе своих диссертационных советов получили около 100 вузов и учебных центров. Процесс не просто пошел, его погнало...

14. В каких «попугаях» следует измерять науку и естествоиспытателей?

После 2012 г. и образование, и науку захлестнула наукометрическая волна: все узнали и заговорили о «плохих» и «хороших» научных журналах, импакт-факторах, индексах Хирша, РИНЦе, взб-оф-сайнсах и пр. И не просто заговорили, а в полном соответствии с Владимиром Маяковским: «Я себя под Хиршем чищу, чтобы плыть в науку дальше...», потому что с этими показателями чиновники от науки крепко связали «материализацию духов и раздачу слонов». Сегодня без Хирша — ты не учёный и не можешь претендовать ни на должности, ни на премии, ни на гранты (лучше всего посмотреть забавный ролик ««Индекс Хирша» глазами гуманитария» [https://www.youtube.com/watch?v=ElCirYUOI4o], созданный сотрудниками лаборатории психологии развития Института психологии РАН и озвученный голосом кандидата психологических наук Юлии Ковалёвой).

И что бы особо «не умничать», опять процитирую философа Александра Рубцова (лучше и не скажешь): «В основе реорганизации — идея ранжирования научных учреждений по степени эффективности с оргвыводами вплоть до слияния и слива. Оценка базируется на статистике публикаций и цитирования, учете импакт-факторов и пр., хотя известно, что это гиблое дело. В истории полно величайших открытий, которые это сито не прошли бы. Как, впрочем, и лидеров по ссылкам, канувших в небытие. Из новейшей истории: Австралия так за шесть лет подорвала собственную науку. Давно зафиксирован «сдвиг мотива на цель» — библиометрические эффекты создаются искусственно: «слайдами-слайсингом» (нарезкой одного результата на ряд публикаций), перекрестным договорным цитированием и пр. В ряде стран использование библиометрии законодательно запрещено для большинства направлений точных наук и для гуманитарной сферы в целом — как «деформирующее научный ландшафт». Это вообще разные способности: делать действительно прорывные исследования — или публиковать правильные статьи в нужном количестве и в подходящих изданиях. В российских условиях — тем более. На одного вновь назначенного директора физинститута уже работает подразделение, занимающееся «эрекцией индексов». Для нашей науки беда уже с репрезентативностью основных баз данных (Web of Science, Scopus), дающих огромную фору США и нескольким случайным англоязычным странам, что создает серьезные проблемы даже для немцев. Россия в выборках представлена и вовсе убого. РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) — в зачаточном состоянии. Опирайтесь на все это категорически нельзя, тем более в распределении статусов, оргресурсов и финансов» [22, с. 193-194]. Со своей стороны подчеркну лишь, что число цитирований (как и число публикаций) на самом деле далеко не всегда связано с качеством исследования (с одной стороны, высокоцитируемым биологом является Трофим Лысенко — все ругают и его самого, и его теоретические

построения, с другой, — молодой французский математик Эварист Галуа (Evariste Galois; был застрелен на дуэли в возрасте 20 лет) вошел в историю науки как основатель современной высшей алгебры, несмотря на то, что он успел написать всего лишь одну крупную работу, которая не была опубликована при его жизни); таким образом, об исследователях в настоящее время судят по тому, где они публикуют, а не по тому, что они публикуют. Для большего понимания этой непростой проблемы, очень рекомендую познакомиться со сборником [23]. В данном контексте приведу следующую цитату: «Из той же серии и вопрос о пресловутом Хирше. Я открыто предлагаю фанатам-хиршеносцам перестать разыгрывать из себя дурака. Хиршемания — извращенный аналог бытовавшего в советские времена соцсоревнования. Только тогда передовикам полагались почет, небольшие премии и легкая ирония окружающих. Сейчас феномен Хирша — просто средство оптимизации. Никакой индекс цитирования никогда не определит подлинную значимость работ исследователя. Скорее, наоборот. Если бы, мое обращение получило статус научного сообщения, то индекс цитирования был бы заоблачным. И неважно, что большинство откликов хамские и гневно-ругательные (выделено мной. — Г.Р.)» [24].

И все-таки, хочется, очень хочется сравнить «себя любимого» с коллегой, почувствовать себя в лидерах (пусть, и соцсоревнования...), подняться на пьедестал, получить «медаль» (как только мы задаем то или иное ранжирование, чиновник сразу «привязывает» его к распределению материальных благ...). Что же делать? Могу предложить **новый показатель**, который позволит ранжировать естествоиспытателей по их цитируемости, но не будет связан с карьерным ростом и финансированием. Назову его «период полураспада опубликованных идей» — через сколько лет среднегодовая цитируемость работ ученого (например, за последние 10 лет), после прекращения (по тем или иным причинам) его научной деятельности, уменьшится в два раза. Иными словами, как быстро его забудут... Сегодня его (учёного) ни чем не наградишь, но шанс остаться в памяти потомков «Коперником», «Эйнштейном» или тем же «Лысенко» — есть.

Не устану повторять, что лучше всего вклад естествоиспытателя может оценить только научное сообщество. Классический пример, который нам демонстрирует математики, — приглашение докладчиком на Всемирный конгресс. Это — признание.

Ответственный редактор научного приложения «Независимой газеты» Андрей Ваганов мрачно предрекает: «Возможно, что уже к зиме нынешнего года, Российская академия наук, как организация, обладающая собственной исследовательской базой и системой подготовки кадров, прекратит свое существование. Зато останутся исследователи с высоким Хиршем. Недаром на днях министр науки и образования РФ Ольга Васильева с гордостью заявляла, что, по ее мнению, «по макропоказателям, что бы ни говорили, наша наука находится как раз на взлёте». А в качестве доказательства министр

привела такие данные: доля публикаций научных статей исследователей из России превысила 2,44% от базы данных Web of Science, что выше заложенных в «майских указах» показателей... 22 июня этого года, на встрече с группой академиков, президент РФ Владимир Путин подчеркнул: «22 июня — день начала Великой отечественной войны. День, когда враг вероломно напал на нашу Родину. И не могу не вспомнить огромный вклад, который внесла советская, российская наука в победу над врагом... Очень многое тогда было сделано советской наукой для того, чтоб победить этого коварного врага, противника». Все правильно. Но тогда эффективность науки оценивалась не по индексу Хирша, и не по «макропоказателям» министра Васильевой» [25].

Завершу ответы на вопросы газеты «Самарское обозрение» (и пару своих) словами экономиста, дальневосточного академика Павла Минакира [26]: «В 1940-1950-х годах Академия наук обеспечила не только спасение страны, но и её лидерство в новом ядерно-космическом мире. Но это благодаря тому, что в 1913 году Российскую академию наук никто не «реформировал», хотя начиналась мировая война, и в России все было импортное. В 2040-2050-х мир перейдет в новую технологическую эру, возникнет новая цивилизация. А в 2013 году Российскую академию наук «реформировали», несмотря на то, что весь мир непрерывно наращивает свои усилия именно в области фундаментальных наук. И если все-таки Россия сумеет достойно войти в этот новый мир, даже не лидируя, но все же сохраняя достоинство, то случится это вопреки нынешним «околонаучным реформаторам», — благодаря самоотверженности и преданности науке и Отчизне тех, кого ныне клеймят «немоощными старцами» и загоняют в «неошарашки»».

Отдельные плюсы реформы РАН (например, в законе декларируется, что РАН является официальной экспертной площадкой для государства) с лихвой перекрываются минусами. Убежден (и не только я [8, 17, 27-29 и др.]¹⁰), что в результате принятия закона об Академии наук государство и общество совершили стратегическую ошибку, исправить которую быстро не удастся.

Но не будем терять оптимизма (хотя бы по Марку Твену: «Двадцатый век отличается от девятнадцатого тем, что в девятнадцатом слова «оптимист» и «дурак» не были синонимами»). Владимир Путин на заседании Совета по науке и образованию 8 декабря 2014 г. так подвел его итоги: «Нам нужно, как это ни печально, но, может быть, тоже в ручном режиме отыскать эту золотую середину, объединяя, но ничего не разрушая, не дай бог. Мы ещё в одном месте ничего, может быть, как следует не создали, другое уже разрушили, то, что нарабатано там веками. Ни в коем случае этого делать не будем. Но сближать, взаимно дополнять друг друга

10. Надеюсь, две работы чл.-корр. РАН Юрия Батурина [28, 29] будут интересны всем, особенно, молодым журналистам.

не только возможно, а обязательно нужно делать, аккуратно, не разрушая, а только наращивая наши возможности. Надеюсь, что по такому пути мы с вами и пойдём». Прямо «вторая часть Марлезонского балета»: текст почти из предвыборной программы Владимира Фортова, а не интервью Андрея Фурсенко...

И совсем уже заканчивая статью, приведу один интересный факт. Главным трудом педагогической теории чешского основоположника научной педагогики, писателя, общественного деятеля, епископа Чешскобратской церкви, систематизатора и популяризатора классно-урочной системы Яна Коменского [Jan Amos Komenský; 1592-1670] считается книга (1657 г.), полное название которой звучит следующим образом: «Великая дидактика, содержащая универсальное искусство, учить всех всему, или верный и тщательно обдуманый способ создавать по всем общинам, городам и селам каждого христианского государства такие школы, в которых бы все юношество того и другого пола, без всякого, где бы то ни было, исключения, могло бы обучаться наукам, совершенствоваться в нравах, исполняться благочестия и таким образом в годы юности научиться всему, что нужно для настоящей и будущей жизни» [30, с. 242]. Блестяще! Нашим бы чиновникам «от образования и науки» да такую прозорливость, как только в одном названии книги великого педагога-гуманиста!

2. Тольятти

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева Н. А. Не могу поступаться принципами / Н. А. Андреева // Советская Россия. — 13 марта. — 1988. — С. 2.
2. Фурсенко А. О перспективах российской науки: взгляд со Старой площади / А. Фурсенко, А. Бикбов // Сайт газеты «Известия». — 25 дек. — 2014. — рнф.рф/ru/node/1216.
3. Розенберг Г. С. О перспективах российской науки: взгляд из провинции / Г. С. Розенберг // Газ. «Flora Foliumii». — 7 февр. — 2015. — № 7 [142]. — С. 2–8. — <https://sites.google.com/site/torbofail/>.
4. Розенберг Г. С. Еще раз о РАН, ФАНО, ВАК и других буквосочетаниях / Г. С. Розенберг // Самарская Лука : проблемы региональной и глобальной экологии. — 2014. — Т. 23. — № 3. — С. 24–35.
5. Розенберг Г. С. 13 февральских тезисов о 290-летию Российской академии наук (сквозь «экологическую призму») / Г. С. Розенберг // Российской академии наук — 290 лет. Экологическая наука на Волге : история, состояние перспективы. Тольятти : Кассандра, 2014. — С. 12–18.
6. Розенберг Г. С. Институт экологии Волжского бассейна РАН / Г. С. Розенберг, С. А. Сенатор // Российская Академия наук. Хроника протеста. Июнь–июль 2013 г. — М. : Журнал «Русский репортер», 2013. — С. 122.
7. Макфедьен Э. Экология животных. Цели и методы / Э. Макфедьен. — М. : Мир, 1965. — 375 с.
8. Рубцов А. В. Спецоперация в РАН : зачем академию превращают в игрушку / А. В. Рубцов // Forbes. — 2013.01.07. — <http://www.saveras.ru/archives/3131>.
9. Хрущев Н. С. О строительстве и благоустройстве в колхозах / Н. С. Хрущев // Газ. «Правда». — 4 марта. — 1951. — <http://ihistorian.livejournal.com/325726.html>.
10. Мазур Л. Н. Аграрное развитие и сельское расселение в России в XX в. / Л. Н. Мазур // Документ. Архив. История. Современность : Сб. научных трудов. Вып. 7. — Екатеринбург : Уральский ун-т. — С. 190–225.
11. Никитаева Е. Б. Исчезающая деревня (1960 — середина 80-х годов) / Е. Б. Никитаева // Судьбы российского крестьянства. — М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 1995. — С. 436–462.
12. Касымов А. Человек с образованием / А. Касымов // Газ. «Вечерняя Уфа». — 24 сент. 1971. — С. 4.
13. Экологическое образование и образованность — два «кита» устойчивого развития. — Самара и др. : Самар. гос. экон. ун-т, 2014. — 292 с.
14. Kneller G.F. Introduction to the Philosophy of Education. N. Y. : John Wiley and Sons, 1971. 128 p.
15. Педагогика школы. — М. : Просвещение, 1977. — 383 с.
16. Кара-Мурза С. Система ЕГЭ является контрпродуктивной / С. Кара-Мурза // Русская народная линия. — 2011. — http://ruskline.ru/news_rl/2011/09/22/.
17. Рогов С. М. Новая шоковая терапия и «реформа РАН» : реалии российской науки / С. М. Рогов. — М. : Наука, 2013. — 77 с.
18. Ланьшина Т. А. Проблемы сохранения конкурентоспособности национальной инновационной системы США / Т. А. Ланьшина // Россия и Америка в XXI веке (научный электронный журнал). — 2014. — № 1. — <http://www.rusus.ru/?act=read&id=404>.
19. Лазуткина Д. Объединение вузов : Если связать двадцать кроликов за лапы — слон не получится. — 2012. — <http://amitar.ru/news/obrazovanie/262-obedinenie-vuzov.html>.
20. Майсак О. С. SWOT-анализ : объект, факторы, стратегии. Проблема поиска связей между факторами / О. С. Майсак // Прикаспийский журнал : управление и высокие технологии. — 2013. — № 1 (21). — С. 151–157.
21. Золотов Ю. А. Выборы в Академии наук / Ю. А. Золотов. — М. : Физматлит, 2011. — 208 с.
22. Рубцов А. В. Наука и власть / А. В. Рубцов // Отечественные записки. — 2014. — № 1 (58). — С. 193–205.
23. Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого (сборник статей по библиометрике). — М. : МЦНМО, 2011. — 72 с. — <http://www.mcsme.ru/free-books/bibliometric.pdf>.
24. Степанов Ю. После нас — хоть потоп? Последействие к обращению / Ю. Степанов // Взгляд-инфо. — 2017. — <http://www.pda.vzsar.ru/blogs/3418>.
25. Ваганов А. Академию наук предлагают разрушить руками самих академиков / А. Ваганов // Независимая газета (НГ-Наука). — 6 июля. — 2017. — http://www.ng.ru/science/2017-07-06/100_randestroy.html.
26. Минакир П. Что останется после блицкрига / П. Минакир // Эксперт. — 28 окт. — 2013. — № 43 (873).
27. Три года реформы РАН : неподведенные итоги. — М. : tjulyclub.org, 2016. — 162 с.
28. Батурич Ю. М. Похвала ФАНО. Искусствоведческий комментарий к академической реформе / Ю. М. Батурич // Новая газета. — 18 марта. — 2016. — № 28. — С. 14–16.
29. Батурич Ю. М. «Охота на Снарка», или Охота на РАН. Попытка осмысления абсурда происходящей реформы Академии наук / Ю. М. Батурич // Независимая газета — Наука. — 23 марта. — 2016. — № 056 (6670). — С. 14–16. — http://www.ng.ru/auka/2016-03-23/12_hunt.html.
30. Коменский Я. А. Великая дидактика / Я. А. Коменский // Избранные педагогические сочинения : В 2-х т. — М. : Педагогика, 1982. — Т. 1. — С. 242–476.

Михаил Вязовой С лейкой и блокнотом...

Не бывает такого, чтобы эта песня многократно не прозвучала в День Победы с экранов ли телевизоров, с эстрады под открытым небом, со сцены театра или просто в кругу друзей. Слышал, как ее играли (именно играли — в образах и лицах) молодые вокалисты столичного ансамбля «Республика». Ребята смогли донести и передать дух того времени, когда и была написана «Песня военных корреспондентов». Думаю, все вы много раз слышали ее:

От Москвы до Бреста
Нет такого места,
Где бы не скитались мы в пыли.
С лейкой и с блокнотом,
А то и с пулеметом
Сквозь огонь и стужу мы прошли...

Написал стихи на музыку Матвея Блантера знаменитый советский поэт Константин Симонов, который в годы лихолетья военным корреспондентом «Правды» побывал на всех фронтах Великой Отечественной. С тех пор как-то само собой и утвердилось «Песня военных корреспондентов» неофициальным гимном журналистов и фоторепортеров. Вот и мы, «коммуновцы», когда собираемся все вместе на День печати, обязательно вспомним и напоем:

Без глотка, товарищ,
Песню не заваришь,
Так давай по маленькой нальём.
Выпьём за писавших,
Выпьём за снимавших,
Выпьём за шагавших под огнем!

Нет, не утратили ни своей свежести, ни проникновенности, ни актуальности стихи из «Песни военных корреспондентов». Вот мне и подумалось, что строчка из Константина Симонова «С лейкой и с блокнотом» как нельзя лучше подойдет к очерку о фотожурналистах «Коммуны». Это как бы предисловие. Ну а теперь — сам очерк.

Об авторе: Михаил Петрович Вязовой родился в 1947 году в селе Тумак Астраханской области. Окончил музыкальное отделение училища культуры в Чечено-Ингушской АССР и отделение журналистики Воронежского госуниверситета. Работал заведующим отделами фотоиллюстраций в газетах «Молодой коммунар», «Воронежский курьер», «Независимый курьер». В «Коммуне» — с 1986 года: фотокорреспондент, заведующий отделом фотоиллюстраций. Одновременно почти четверть века преподает на факультете журналистики ВГУ изобразительную журналистику. Участник и лауреат международных, Всесоюзных и Всероссийских фотоконкурсов. Автор фотоальбома «Воронеж и воронежцы» (2010).

Первым фоторепортером газеты «Воронежская коммуна» (с 1928 года) являлся Константин Михнюк. Константин Васильевич родился в Воронеже в феврале 1898 года. Родительский дом располагался в районе современного Дома-музея А. Л. Дурова. Отец его работал ветеринарным врачом, умер рано. Мать была классной дамой в гимназии, пережила мужа ненадолго: в 1920 году Костя остался сиротой.

После реального училища с 1919 по 1922 год он продолжил своё образование в художественном техникуме, находившемся вблизи Каменного моста, по адресу: улица Дзержинского, 26. Вместе с Костей Михнюком изобразительному искусству учился и будущий писатель, художник и журналист Владимир Кораблинов. В повести «Азорские острова» он пишет об этом так: «...В этот вечер позировал Костя Михнюк, двадцатилетний, розовый, голубоглазый Аполлон, в зеленой с желтым кантом фуражке реального училища. Впоследствии он войдет в историю воронежской печати двадцатых годов как первый фоторепортер, как автор знаменитого портрета И. В. Мичурина — в шляпе, с папироской в мундштучке, чуть прищурившийся от солнца, — портрета, обошедшего все журналы, газеты и школьные учебники. В девятнадцатом году Костя играл на скрипке, писал чувствительные, под Вергинского, стихи и всерьез собирался сделаться художником».

По нашим сведениям, в «Воронежскую коммуну» Константин пришёл в 1922 году. Вначале он вырезал на линолеуме клише, а потом, когда появилась цинкография, стал и цинкографом, и фоторепортёром. Его снимок «Мать и дитя», опубликованный 31 июня 1927 года, стал своеобразным гимном материнству советской эпохи. К. Михнюк был и первым автором фоторепортажей. Особенно запомнился его фоторепортаж из школы-коммуны для незрячих «У слепых детей».

Снимки вплоть до 1927 года встречаются на газетных полосах довольно редко. Всё больше — заставки, рисунки, карикатуры, сделанные в основном художницей Натальей Ивановной Бессарабовой. Так, 25 февраля 1925 года в газете появилась фоторепродукция картины Н. Бессарабовой «Сцена в октябре 1919 года...» До этого художники, наоборот, делали гравюры с фотографии, а уже потом изготавливали типографское клише. Наталья Ивановна

Бессарабова училась в Воронежских художественно-технических мастерских у известных художников А. А. Бучкури и С. В. Сырейщикова.

Тогдашний редактор газеты «Воронежская коммуна» Михаил Иванович Лызлов проявлял большую заботу о кадрах рабочих и сельских корреспондентов. В его бытность в газете печатали конкретные призывы-задания внештатным авторам. Так, 30 апреля 1926 года на первой полосе напечатано: «Редакция «Воронежской коммуны» просит сельских и уездных корреспондентов присылать фотографии, иллюстрирующие общественно-политическую жизнь и быт деревни. В настоящее время наиболее интересны вопросы сева и восстановления хозяйства. Помещенные в газете фотографии будут оплачиваться». Один штатный фотокорреспондент газеты Константин Михнюк, конечно, не мог охватить всю огромную Воронежскую область. Лызлов ввёл и специальную рубрику «Уголок рабочего». Чтобы привлечь к сотрудничеству фотолюбителей, решил провести общегородское собрание фотографов, организовал занятия с внештатными авторами в доме Рабпроса. С 5 февраля 1925 года газета печатается на ротационной машине, что позволило увеличить формат издания.

Летом 1926 года, когда журналисты «Воронежской коммуны», два Михаила — Лызлов и Казарцев — издали свой авантюрный детектив из эпохи Гражданской войны «Черный осьминог», то гравюры для обложек делал всё тот же художник и фотограф Константин Васильевич Михнюк.

До войны фотографий, как я уже говорил, в газетах было мало, в основном — портреты вождей, причём сугубо официальные. Авторство их определить трудно. А вот в одном номере газета «Неделя» (воскресное приложение к газете «Коммуна») от 17 февраля 1929 года поместила сразу шесть анонимных фотоснимков, в другом — под рубрикой «В Ботаническом саду» опубликовала фотоэтюды, подписанный Константином Михнюком.

Восьмого марта 1929 года на пятой странице «Коммуна» напечатала вертикальный фотомонтаж из четырёх фигур рабочих. Надпись гласит: «На заводе Коминтерна эти люди признаны достойными для занесения на чёрную доску». А воскресное приложение к газете «Коммуна» — «Неделя» — 17 февраля поместила шесть фотографий без указания авторства. На последней странице — фотоэтюды «Зима в деревне». Фото некоего Л-ва. Или вот снимок из Таловского района и подпись: «Сотрудник редакции беседует с крестьянами в избечитальне». Кто? Где? О чём беседовали? Неизвестно.

В 1924 году в Ленинграде в залах бывшей императорской Академии художеств состоялась обширная фотовыставка просветительского характера. Около трёх тысяч экспонатов распределялись по разделам: «Фоторепортаж и социальная хроника», «Художественные», «Научно-технические», «Специальные» — снимки, полученные из фотографических обществ Москвы, Киева, Воронежа, Твери.

В том же году «Воронежская коммуна» предоставляет свои страницы для сквозного фоторепортажа «С фотоаппаратом по Воронежу». Сам факт размещения на разных страницах серии фотографий, объединённых одной темой, говорит о многом. Обычно газетные страницы в те годы были, что называется, слепы, то есть обходились без иллюстраций. Исключения составляли номера, посвященные съездам и конференциям. В этом случае газета публиковала портреты делегатов и руководителей страны. А здесь, в рядовом газетном номере, через все страницы проходит фоторепортаж. К сожалению, почти все, за редким исключением, снимки были анонимными, то есть без указания имени фотографа.

В июне того же 1924 года вышло Постановление ЦИК СССР «О порядке воспроизведения и распространения бюстов, барельефов, картин и т. п. с изображением Ленина». В нём говорилось: «В целях недопущения искажения облика вождя запретить размножение, продажу и выставление в публичных местах перечисленных видов изображений Ленина, кроме фотографических, но не исключая фотомонтажа, без соответствующего разрешения особых комиссий... Лица, виновные в нарушении настоящего постановления, подлежат привлечению к уголовной ответственности». «Краткая инструкция по охране государственных тайн в печати» 1930 года запрещала публиковать рисунки и фотографии, изображающие процесс раскулачивания, но разрешала печатать снимки с изображением бывшего дома кулака, в котором, например, открыта школа. И потому те далекие времена оставили нам мало фотографических свидетельств, поэтому с особым интересом вчитываемся в биографии известных людей. Вот, например, в мае 1925 года в Воронеж на гидросамолете прилетел журналист Виктор Борисович Шкловский. В редакции газеты «Воронежская коммуна» он познакомился с Андреем Платоновым, и по области они уже летали вместе. Они побывали в Рогачевке, Боброве, Богучаре. У богучарского краеведа Николая Дядина сохранилась фотография, на которой у гидросамолета стоят несколько человек. Один — начальник милиции Лавров, второй — в пиджаке и галстуке — Шкловский, третий — в темной гимнастерке и картузе — Платонов. Кто стоит внизу с фотоаппаратом — неизвестно.

Однако вернемся к биографии Константина Михнюка. Он в 1927 году пытался создать в областном центре новое фотографическое общество (хотя в городе подобное существовало уже с 1904 года). По этому случаю в понедельник первого августа 1927 года провели организационное собрание. К сожалению, других сведений о дальнейшей работе общества найти не удалось.

В 1930-е годы литературным сотрудником ОблРОСТА был писатель и журналист Николай Задонский. Однажды они вместе с фотокорреспондентом Константином Михнюком забрались на крышу

магазина «Утюжок» и с этой высокой точки любовались панорамой города. А Михнюк сделал панорамный снимок проспекта Революции.

Со своей будущей женой, Валентиной Васильевны Эннатской, Константин Михнюк познакомился ещё в техникуме, а поженились они в 1924 году. В конце 20-х большая семья Эннатских из голодного Воронежа переезжает жить в Москву. Валентина поступила в столицу в текстильный институт на факультет по рисунку тканей. В 1931 году уезжает из родного города, расставшись с «Коммуной», и Константин Михнюк.

В начале 1931 года над воронежской фотографией сгустились тучи — по так называемому «Делу краеведов» осудили четырёх фотографов: В. Веселовского, И. Иванова, А. Щукина, Г. Фомина. Переезд К. Михнюка в Москву, возможно, спас его от репрессий. В столице он устроился в «Крестьянскую газету», где работал фотокорреспондентом. В 1936 году оформлял на ВДНХ первую в стране сельскохозяйственную выставку. Для этого ему пришлось много поехать по стране. Побывал на Севере, в Коми АССР. В сорок втором его призвали в армию, и он стал фотокорреспондентом в прифронтовых газетах. Награждён медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За Победу над Германией». До пенсии Константин Васильевич трудился в Щелковском фотоателье Подмосквья, а в последние годы жизни был фотографом на общественных началах. После войны несколько раз приезжал в родной Воронеж, встречался со своими друзьями-литераторами Владимиром Александровичем Кораблиновым, Ольгой Капитоновной Кретовой. Кстати, портреты воронежской писательницы, помещенные в её книгах, в большинстве своём сделаны Константином Михнюком.

Снимки первого фоторепортёра «Коммуны» до сих пор хранятся в семейных альбомах воронежцев. Его фотоработы бережно хранят старейший библиотекарь-методист Воронежского педагогического университета Ольга Сергеевна Петровская, москвичка Ирина Суханова, родственники писательницы Ольги Кретовой...

Константин Васильевич Михнюк умер в посёлке Загорянский Щелковского района Московской области 25 августа 1979 года. После его смерти, а затем и смерти его жены, от него почти ничего не осталось для потомков. Дом, где он жил последние годы, был продан, кто-то взял себе в коллекцию фотоаппаратуру, а его дневниковые записи предала огню родня.

Имя первого фоторепортёра «Коммуны» скорее всего кануло бы в Лету, если бы не писатель и художник Владимир Кораблинов и воронежский краевед Вадим Булатов. Первый оставил о нем воспоминания, а второй по крупицам собрал сведения о нашем коллеге. В 2015 году на 12 странице благотворительной газеты «Город счастья» под рубрикой «Фотоальбом» опубликована заметка Вадима Булатова «К. В. Михнюк». Автор поместил 12 фотографий, автопортрет, который сохранил краевед Па-

вел Попов, знаменитый снимок И. В. Мичурина, портрет кумира тех лет певца Александра Вертинского и сюжеты из жизни довоенного Воронежа.

Вадим Булатов — фотоллаборант, затем фотограф НПО «Энергия», учился на заочном отделении журфака ВГУ, курсах фоторепортёров при Фотоцентре Союза журналистов Москвы, публиковался в воронежских изданиях. Учредитель газет «Виктория», «Город счастья», которые некоторое время выходили в Воронеже.

После К. В. Михнюка фотокорами в газете «Коммуна» работали Ханаан Исаакович Копелиович, Валерий Александрович Рудковский и Анатолий Михайлович Грабор. Валерий Рудковский памятен тем, что, кроме основной работы в газете, ещё вел занятия фотокружка. Кружковцы занимались в доме на проспекте Революции, где потом размещался диетический магазин. Первые профессиональные навыки получил здесь и будущий известный воронежский театральный фотограф Николай Сергеевич Варламов.

Из воспоминаний сына Анатолия Грабора — Германа — мы знаем, что его отец был сильным, ловким и смелым. В молодости работал в передвижном цирке шапито — акробатом, канатоходцем. С 1936 по июль 1941 года — травильщиком в цинкографии типографии газеты «Коммуна» и одновременно фотокорреспондентом «Коммуны». В большом жилом доме издательства (на Театральной улице) они жили на третьем этаже. В квартире всегда находилась деревянная тренога с деревянным фотоаппаратом «Фотокор». Фотолaborатория размещалась в чулане. Печать тогда была контактная, так что больших помещений не требовалось. Маленькому Герману запомнилась темная занавеска на двери в импровизированную фотолaborаторию и большой красный фонарь. Как только началась война, отца забрали в разведку, и вскоре он погиб в боях под Москвой. На обелиске братской могилы в селе Мошки среди большого списка павших бойцов есть и имя Анатолия Грабора, воронежского фотокорреспондента и заведующего цинкографией издательства газеты «Коммуна».

Ханаан Исаакович Копелиович в редакции газеты «Коммуна» трудился с 1928 по август 1946 года. После освобождения Воронежской области от немцев он некоторое время работал фотокором в осторожской газете «Новая жизнь», где в своё время в конце тридцатых годов публиковался и Давид Фрейдлис.

Семья Копелиовичей жила в центре Воронежа на улице Никитинской, дом 38а. Частым гостем у них был журналист, издатель и фотолубитель Владимир Викентьевич Нейно — автор удивительных лирических и одновременно исторических фотографий. Его творческое наследие ещё ждёт своего исследователя.

Из архивной копии штата редакции газеты «Коммуна» на 5 октября 1942 года узнаём, что Ханаан Копелиович работал в редакции заведующим

отделом иллюстрации с октября 1928 года с окладом 600 рублей. Сохранилась опись оборудования фотолаборатории редакции, где среди прочих перечисляются фотоаппараты типа «лейка» — четыре штуки, добавочные объективы — четыре, а также две машинки для магниевой вспышки. От себя добавлю, что магниевая вспышка даёт больше дыма, чем света.

В Москве в 1931 году создается государственная организация «Союзфото», которая занималась выпуском фотоиллюстраций для газет, журналов, книжных издательств и других потребителей информации. Перед войной издательство ОГИЗ выпустило набор почтовых открыток с видами Дома отдыха «Дивногорье». Указано авторство: И. Н. Попов-Воронежский.

В январе 1934 года в системе «Союзфото» образовано фотографическое издательство «Фотоиздат» как самостоятельное хозрасчётное предприятие. А 2 июля 1936 года Воронежский обком ВКП (б) издал постановление об организации Воронежского отделения «Союзфото». В областном центре оно выпускало агитационные открытки, виды города, фотографии памятников и других достопримечательностей. В основном на снимках не указывались их авторы, но были и исключения. Так, Х. Копелиович и С. Антюфеев сняли физкультурниц мединститута на демонстрации в Воронеже 7 ноября 1937 года. Они же вдвоем снимали другой физкультурный парад, четыре фотографии с которого «Коммуна» опубликовала 8 июля 1936 года. Под снимком здания обкома ВКП(б) и облисполкома стоит подпись московского фотожурналиста Георгия Липскерова. На других открытках видов Воронежа есть фамилии фотографов И. Цырлова, Д. Терпугова,

Е. Даровского, Н. Новикова.

Воронежский фотограф Иван Цырлов — автор известного снимка «Довоенный «Утюжок». Эта коричневая, в цвете сепия, фотография одного из красивейших зданий довоенного Воронежа пользовалась особой популярностью среди горожан. В Российском Государственном архиве кинофото-документов (РГАКФД) представлена информация по четырём снимкам фотографа Ивана Цырлова. Один из них — «Соревнование гранатомётчиков спортивного общества «Буревестник» в Воронеже в декабре 1938 г.», подписан так: фото И. Цырлов, фотограф Фотохроники ТАСС. До этого Цырлов работал в областном фототресте, который был ликвидирован в ноябре 1938 года (Постановление СНК СССР от 27.11.1938 года).

С тех далеких времен сохранилось мало фотодокументов. Один из них очень хорошего качества — групповой портрет сотрудников редакции газеты «Молодой коммунар», сделанный 12 июня 1934 года. Студийный снимок 26 журналистов, выполненный контактным способом с такого же негатива, сохранил для потомков лица наших предшественников. Любопытно, что в углу снимка как штамп написано: фото АТК. Что стоит за этой аббревиатурой, выяснить не удалось. Молодежная

газета во все времена была кузницей кадров для областной партийной газеты «Коммуна». В семейном фотоальбоме воронежского журналиста Владимира Викентьевича Нейно есть фотография, сделанная за три дня до войны. Здесь же пояснение, написанное рукой Нейно: «Летом 1941-го мы с Ниной поехали на зачетную сессию в Воронежский пединститут. С нами была дочь Татя и бабушка Анна Климовна. Жили у Вани Гребенникова. В один из дней я зашел в редакцию «Молодого коммунара», где Гена Черемухин сфотографировал меня, Федю Гайдукова и Алешу Шапошника. Это было 19 июня 1941 года. Мы не знали, что до войны остались считанные часы». Впоследствии Алексей Шапошник стал редактором «Коммуны».

Но вернемся к коллизиям судьбы Копелиовича.

Во время войны Ханаан Копелиович вместе с пишущими журналистами В. Докукиным, С. Догадаевым, В.Пчелиным выезжал на фронт, на оружие оборонительных рубежей, где они собирали материал для публикаций о фронтовых буднях воронежцев и их самоотверженной работе в прифронтовом тылу. Газета выходила в свет, несмотря на оккупацию, редакция находилась вначале в Анне, а затем в Борисоглебске. Кстати, далеко не все периодические издания имели право публиковать эксклюзивные материалы из Действующей армии. В сентябре 1942 года Главное политуправление Красной Армии выпустило «Положение о работе военных корреспондентов на фронте». В нём было чётко сказано: «Право иметь постоянных корреспондентов на фронте предоставляется Совинформбюро, ТАСС, Всесоюзному радиокомитету, редакциям газет: «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Красный флот», «Сталинский сокол», «Комсомольская правда». Республиканским и областным газетам разрешается иметь своих корреспондентов на фронте только в том случае, если военные действия происходят на территории данной республики или области». Некоторые снимки Копелиовича в «Коммуне» в те годы подписаны так: «Фото военного корреспондента Х.Копелиовича».

В альбоме воронежского журналиста Владимира Нейно хранится фотография, на которой двое мужчин стоят по колено в воде. Интерес представляет подпись под ней: «Учитесь из ничего добывать мыльную пену, — говорит Хоня Копелиович — фотограф областной газеты «Коммуна». Летом 1942 года в Анне размещались Воронежский обком партии и редакция «Коммуны». Я выехал в Анну по делам и встретился с Хоней Копелиовичем. Нас сфотографировал Боб Иваницкий — фотокор «Комсомольской правды». Через год, в июле 1943 года, Борис Прокопьевич Иваницкий погибнет на Южном фронте. Самолёт, в котором летел журналист, был атакован немецкими истребителями.

У Ханаана Копелиовича был сын Борис, который работал на заводе Коминтерна, и дочь Таня, увлекавшаяся музыкой. Из записной книжки тогдашнего начальника областного Управления по печати и страстного фотолюбителя Владимира

Викентьевича Нейно узнаём, что он «купил Б. Копелиовичу книжки и учебники для дочери. Приходила Тамара Копелиович, взяла учебники для внучки». Внучка Ольга хорошо рисовала. В доме Копелиович-Карповых была большая библиотека. Многие книги были с автографами писателей, например, Владимира Кораблинова «В заповедном лесу», Михаила Булавина «Боевой девятнадцатый год» и другие.

Летом 1946 года, накануне Дня воздушного флота, фотокорреспондент «Коммуны» Ханаан Копелиович готовил репортаж об авиаторах. Снимал на поле колхоза «Первое мая» и из кабины самолета. Это был его последний полет: два самолета столкнулись в воздухе. На центральной аллее Коминтерновского кладбища среди воинских захоронений стоит каменный памятник — восемь фамилий летчиков и девятая — фотожурналиста Копелиовича. Писатель Юрий Гончаров был на похоронах летчиков, разбившихся в небе над Воронежем. В гробу вместе с горелой землей лежало все, что осталось: остов фотокамеры ФЭД, ключ от фотолаборатории да

задник ботинка. У Тамары Карповой-Копелиович на память о муже остались лишь фотографии, удостоверение военного фотокорреспондента да медаль «За Победу над Германией». После этого трагического случая редактор газеты «Коммуна» Алексей Петрович Шапошник предложил Тамаре Карповой занять место мужа. Так Тамара Ивановна Копелиович (Карпова) заменила на боевом посту своего мужа и проработала на этом нелёгком поприще более двадцати лет, с 1946-го по 1968 год.

Родилась Тамара Карпова 16 января 1913 года. В газете «Молодой коммунар» 23 января 1968 года появилась публикация Светланы Власовой «Художник и летописец», своеобразный творческий портрет Тамары Ивановны. Из этого материала мы узнаем, что до редакции Тамара успела поработать инженером на железнодорожном транспорте, но ее всегда привлекала фотография. Снимали тогда простыми, но надежными дальномерными камерами. У Тамары были «ФЭД» и «Киев». У мужчин — трофейные «лейки». Пленка — толстая и горячая, так что хлопот с ней было много. Фотографии Копелиовича и Карповой есть в областном краеведческом музее, в Госархиве, фотоотделом которого долгое время заведовала жена фотокорреспондента «Коммуны» Михаила Кузьмича Евстратова Мария Гавриловна.

Тамара Ивановна оставила нам портреты многих воронежских фотографов. Так, на групповом снимке, снятом на стадионе «Динамо» в 1950 году, запечатлены: кинооператор Ростовской студии кинохроники Василий Дмитриевич Константинов, который вместе с братом Николаем в 1941 году избрал лучшую отечественную кинокамеру «Конвас», названную так по начальным слогам фамилии и имени автора — Константинов Василий. Рядом — фотокор газеты «Коммуна» Михаил Евстра-

тов, фотокор «Молодого коммунара» Александр Чернявский, собкор «Советского спорта» Александр Рагозин, лаборант-фотокорреспондент «Коммуны» Семен Ефимович Назаров.

Военный фотокинооператор Назаров привез с войны много широкоплечных камер. В 50-е годы он работал руководителем-лаборантом фотокружка воронежского городского Дома пионеров. Его документальный фильм «Спасибо вам, люди» занял первое место на Московском фестивале любительских фильмов. Назаров был учителем и наставником юного тогда студента пединститута, а в будущем фотожурналиста Михаила Волкова.

На другом групповом снимке, сделанном в 1958 году на празднике песни, который проходил на стадионе, мы видим работницу типографии Анну Дмитриевну Сидельникову (Горину), фотокора ТАСС Антона Зенина, фотокоров «Коммуны» Петра Дмитриевича Калитина, Тамару Ивановну Копелиович и Семена Ефимовича Назарова (последний перед войной работал в отделении ТАСС в Воронеже), фотокора «Молодого коммунара» Анатолия Фёдоровича Галкина и водителя редакции газеты «Коммуна» Василия Сидоровича Нежелского.

Из рассказов Тамары Карповой знаем, что в то время в «Коммуне» был свой клуб журналистов, столовая (клуб и столовая располагались отдельно на Театральной улице), своя ложа в театре (!), лодочная станция, разумеется, автомашины и, не поверите, самолет. Она помнила и фамилию летчика-испытателя А. Н. Гусарова. 29 марта 1938 года в «Коммуне» была опубликована его фотография вместе с лейтенантом В. Л. Глебовым. Даже на праздники московских артистов доставляли в Воронеж и обратно на редакционном самолете. Тамара Карпова фотографировала Предсовмина Молотова, маршалов Василевского, Буденного, космонавта Феоктистова, народного артиста СССР Леонида Утесова, скрипача Давида Ойстраха и, конечно, визиты иностранных делегаций. Воронежская область большая, в сельских районах машин было мало, так что в командировки чаще всего летали на самолёте или ездили на лошадях. Снимала она начало строительства Нововоронежской АЭС, обеспечивала снимками выездную редакцию на заводе СК имени Кирова. А в декабре 1959 года Тамара Карпова опубликовала в газете статью — рецензию на снимки читателей газеты «Точка зрения фотографа», в которой продемонстрировала хорошее владение словом.

Как-то подсчитал: с января по август 1948 года в «Коммуне» напечатано около 200 фотопубликаций. Больше всего опубликовано снимков Тамары Карповой, Серафима Антюфеева и Давида Фрейдлиса. Хотя, понятно, фотоизображений тогда было меньше, чем в наше, донельзя иллюстрированное время.

Темы публикаций фоторепортёра Серафима Антюфеева в тот период соответствовали текущему моменту: группа делегатов областного совещания

передовиков сельского хозяйства; четыре портрета лучших людей Шишовской МТС; колхозные депутаты первой сессии Воронежской области; студенты Воронежского железнодорожного техникума за работой. Наиболее ответственные фотосъёмки, как то: конференции, совещания, снимали два фотокорреспондента — Серафим Антюфеев и Давид Фрейдлис. Выражаясь современным языком, работали в пуле.

В очередную годовщину освобождения Воронежа, 25 января, в 1948 году газета опубликовала две фотографии «Бои на улицах Воронежа» Н. Колли и один снимок В. Егорова. Известно, что Николай Григорьевич Колли фотографировал в Воронеже Осипа Мандельштама в годы его ссылки.

А вот с Давидом Фрейдлисом произошла трагедия — он задохнулся в фотолaborатории от дыма. Пленки тогда, в начале 50-х, были горючими. Давид сушил их над электропечкой и задремал. Пленки задымались, и журналист погиб от едкого дыма. О Давиде Фрейдлисе сведений до обидного мало. В семейном альбоме Владимира Викентьевича Нейно есть фотография, на которой трое мужчин читают газету. На обороте снимка написано: «На память другу о совместной службе Володе Нейно от Давида Фрейдлиса. 19.01.1936 года. Я, курсант ОБС, зашел в редакцию газеты «Будь готов!». Встретился со Степаном Долгополовым и Юрием Коршем. Додя Фрейдлис сфотографировал нас».

Фотокорреспондент «Коммуны» Серафим Петрович Антюфеев родился в Воронеже в 1903 году. Окончил воронежскую мужскую гимназию на Малой Дворянской улице (ныне в этом здании 28-я школа). Перед войной работал на заводе «Сельмаш», но на фронт ушёл уже из «Коммуны», куда и вернулся после демобилизации в 1946 году. Он от Воронежа дошёл до Берлина, был фотокорреспондентом дивизионных газет. Жил вместе с женой Полиной Афанасьевной в самом центре Воронежа, на проспекте Революции, в доме, где раньше была аптека №15. Окно его кабинета выходило на соседний Дом народного творчества профсоюзов. Фотографий Серафима Антюфеева осталось мало. У преподавателя одного из воронежских вузов внучатой племянницы Серафима Антюфеева — Татьяны Геннадьевны Лихачёвой (кстати, родственницы народного художника РСФСР Михаила Лихачёва) — сохранились семейные снимки и всего лишь две фотографии Серафима Антюфеева, снятые в военное лихолетье. На одной из них весной 1943 года запечатлен младший лейтенант Антюфеев с автоматом ПППШ и лошадью на фоне деревьев. На втором плане видна кладь с фотопринадлелностями, которые позволяли в полевых условиях печатать карточки для дивизионной газеты. После войны Серафим Петрович Антюфеев заболел и умер в 1957 году. Детей у них с женой не было.

В послевоенные годы под фотографиями в «Коммуне» появляются новые фамилии: Иван Нарциссов, Иван Маркин, Александр Рагозин, Михаил Подвигин, Антон Зенин, Петр Калитин,

Серафим Антюфеев, Иван Цырлов, Николай Варламов. Заведующая цинкографией типографии газеты «Коммуна» Анна Горина вспоминала: «В те годы редкий номер газеты обходился без большого (на три колонки) портрета отца всех народов Сталина. Бывало, сделаем клише и трясёмся: всё ли хорошо? Оттиски несем в редакцию, показываем главному редактору Алексею Петровичу Шапошнику. Тот сначала смотрел сам, а потом, чтобы подстраховаться, показывал ещё кому-нибудь из журналистов». Однажды (в начале 50-х) газета опубликовала фотографию кандидата в депутаты маршала Василевского с клише, которое было зеркально перевёрнуто. Подумаешь, ордена не на той стороне груди, но переполох был большой. Тираж газеты пошёл под нож, журналистов и полиграфистов наказали.

Фотограф из Липецка Иван Нарциссов служил военным фотокорреспондентом в дивизионных, фронтовых и армейских газетах, прошёл всю войну от Ельни до Берлина, получил ранения и контузию. Политрук капитан Нарциссов Победу встретил вместе с поэтом и журналистом Михаилом Светловым в газете Девятого отдельного гвардейского танкового корпуса. После войны Иван Александрович работал в липецкой молодёжной газете, создавал фотолетопись мирной жизни. В 2011 году в Липецке издан фотоальбом «Война крупным планом. Фронтовые архивы Ивана Нарциссова».

В Воронежском технологическом институте долгое время вместе с Виктором Шумиловым работал фотограф Валентин Кривинец. Вдвоем в 70-е годы они часто устраивали в Воронеже фотовыставки, на которых экспонировались качественные снимки большого размера. В конце 70-х — начале 80-х в Воронеже активно работала фотосекция Союза журналистов. Кроме плановых творческих отчетов фотожурналистов, которые выставлялись в витринах домов на проспекте Революции и окнах здания Союза журналистов, секция организовывала выставки для воинских частей «Край, в котором ты служишь» и фотовыставки к памятным датам, например к «40-летию Победы» и «400-летию Воронежа». В 60-е и 70-е годы в областном центре регулярно проходили выставки фотолюбителей «Край воронежский». Их организаторами совместно выступали областное Управление культуры и Воронежское отделение Союза журналистов СССР. В этой работе активно участвовали фотожурналисты газеты «Коммуна» и члены городского фотоклуба «Экспресс» Дворца культуры железнодорожников.

Однако вернемся к биографиям воронежских фотожурналистов. Александр Иванович Рагозин (1911–1996) работал собственным корреспондентом газеты «Советский спорт» по югу России с 1932 по 1962 год. Он не только писал, но и много и интересно фотографировал. Жил с семьёй в доме на разрушенной окраине, где не было ни воды, ни света. Выручали друзья-«коммуновцы». В их редакционной фотолaborатории он и плёнки проявлял, и снимки печатал. Дружил с Хоней Копелиовичем.

В местной печати Рагозин публиковался редко, однако это обстоятельство не мешало ему общаться с коллегами — Анатолием Галкиным, Михаилом Евстратовым, журналистами Александром Гридчиным, Леонидом Скорнецким и другими. С 1963 года корпункт «Советского спорта» в Воронеже закрыли, и А. Рагозин стал инструктором областного спорткомитета. В те годы он часто публиковал в воронежских газетах и статьи, и фотографии. В 1996 году его не стало. Его дочь, Елена Александровна Рагозина, долгие годы работала журналистом, корректором в «Коммуне». Она называет имена коллег отца: фотографа железнодорожного техникума Павла Николаевича Сергета, фотографов Анатолия Галкина, Антона Зенина, Бориса Шебашова, Михаила Подвигина.

Анатолий Фёдорович Галкин был, пожалуй, самой яркой личностью послевоенной воронежской фотожурналистики. Фронтовик, перед войной окончивший курсы фотокорреспондентов при Фотохронике ТАСС, он и среди коллег, и среди железнодорожников чувствовал себя достаточно уверенно. Работал он фотографом Юго-Восточной железной дороги. Успевал делать и текущую техническую съёмку, и снимки для дорожной газеты «Вперёд», областной «Коммуны». Словом, никакой работы не чурался, наоборот, всегда помогал начинающим фотографам. По его инициативе при кружке ДК железнодорожников, которым руководил Пётр Мельников, выделилась группа любителей, ставшая вскоре основой фото клуба «Экспресс». Галкин был одним из первых среди воронежских фотографов участником фотографических выставок и конкурсов и печатался в центральной прессе. Так, в 1958 году в Москве на Всесоюзной выставке экспонировался его снимок «Для мирного атома». Другая его фотография «Во имя жизни» была представлена на международной выставке в Югославии. В 1959 году на первом послевоенном вернисаже, который проходил в областном музее изобразительного искусства имени И. Н. Крамского, Анатолий Галкин был представлен уже несколькими снимками, за что был награждён дипломом и ценным призом. В 60-е годы в зале Борисоглебского краеведческого музея состоялась персональная выставка его работ. Автор рецензии «Мастерство» среди других фотографий выделил пейзаж «Небесные соседи», на котором уходящая ввысь высоковольтная опора с фигурой человека изображена на фоне облачного неба, по которому летит самолёт... Анатолий Фёдорович на открытии своей выставки в Борисоглебске встречался с фотолюбителями и поделился опытом работы в фотожурналистике. А он тогда насчитывал четверть века.

Николай Сергеевич Варламов (20.10.1916–17.02.1990) во время войны был фотографом особого отдела Юго-Западного фронта, снимал зверства фашистов и разрушенный Воронеж. В мирное время он как заядлый театрал свою жизнь посвятил теа-

тру. Вместе с женой Александрой Илларионовной они около 35 лет вели летопись культурной жизни нашего города. Их семейный архив хранит тысячи метров фотоплёнки, на которых запечатлены сцены из многих спектаклей театра драмы имени А. Кольцова, других театров и концертных организаций города. Уже в наше время в Доме актёра состоялась персональная выставка фоторабот Варламовых.

...Современный универмаг «Воронеж» на проспекте Революции занял территорию двух старинных усадеб. Кроме собственно владельцев здесь арендовали помещения фотограф и дагеротипист Иван Саломатин, корсетница Пелагея Скрипчман, булочник Август Бутце и книгопродавец Иван Саввич Никитин. В далёком 1860 году здесь побывал и встречался с И. С. Никитиным будущий писатель Н. С. Лесков. Здесь же размещалось и фотоателье М. Н. Селиверстова, в котором первые уроки светописси получил Николай Варламов. В бабушкиных альбомах читатели могут отыскать снимки, наклеенные на паспарту с маркой дореволюционного селиверстовского заведения. Еще в начале 1950-х годов здесь производились съёмки: вход в павильон был со двора, по деревянной лестнице на второй этаж.

Нельзя не вспомнить и о воронежских фотокодрах — участниках войны. Корреспондент фотохроники ТАСС Михаил Подвигин перед войной снимал с самолёта городские панорамы Сталинграда, а потом его героическую оборону, всю эпопею освобождения города-героя. За это ему в 1975 году присвоили звание почётного гражданина Волгограда. Михаил Иванович в штате «Коммуны» не работал, его сразу пригласили на Воронежское телевидение, где долгие годы он был кинооператором. И всё же несколько его фотопубликаций на страницах нашей газеты читатели могли видеть в 50-е годы.

Другой корреспондент кинофотохроники ТАСС Антон Никифорович Зенин (21.06.1914–28.04.1998) прошёл всю войну от Сталинграда до Берлина, снимал на Центральном фронте, пленение фельдмаршала Паулюса в Сталинграде. После войны работал в Ростовской студии кинохроники по Воронежской области. В настоящее время его фотовыставка хранится в музее завода «Рудгормаш», где одно время работал его сын Виктор. В музее Воронежской медицинской академии есть снимок победного 1945 года. Его автор Антон Зенин сфотографировал юную санитарку, которая держит за поводок лошадь. В Интернете на сайте «Фотографы — военный альбом» я наткнулся на снимок Антона Зенина «Оборона Сталинграда. Советские войска в бою». Пулеметный расчет на огневой позиции среди руин Сталинграда.

О Заслуженном тренере РСФСР серебряном призёре Кубка Европы 1969 года, основателе Воронежской школы по стендовой стрельбе, тренере сборной области по стендовой стрельбе, рекордсмене мира по нырянию под водой на время Борисе Николаевиче Шебашове (1912–1984) можно сказать, что

он — выдающийся спортсмен и фотожурналист. В войну Б. Н. Шебашов был фотокорреспондентом Первого Белорусского, а затем Второго Украинского фронтов. Снимал Маршала К. Рокоссовского и других видных военачальников. В первые послевоенные годы ветераны войны Б. Н. Шебашов и В. Е. Шумилов бок о бок трудились фотокорреспондентами в редакции газеты Воронежского военного округа «Знамя Родины». Сегодня один из самых престижных Кубков в Российском соревновательном календаре носит имя Бориса Шебашова. Накануне 70-летия Победы в Музее-диораме прошла выставка его ранее нигде не опубликованных фотографий из немецкого лагеря для военнопленных «Ламздорф».

Лагерь «Ламздорф» на границе Польши и Германии появился в августе 1941 года. За время войны через него прошло более 200 тысяч советских военнопленных. Из них около 120 тысяч человек погибло от невыносимых условий, было замучено во время пыток, задушено газом. Наши войска освободили лагерь 18 марта 1945 года, но живых людей в нем практически не осталось. Автором этих трагических фотографий и был Борис Николаевич Шебашов.

По-разному складывались судьбы военных фотокоров. В мирное время Борис Шебашов вернулся в большой спорт. А вот майор госбезопасности Александр Хабаров стал фотографом. Говорят, что когда он явился в военкомат становиться на учёт, то облвоенком предложил тому должность начальника службы режима одного крупного оборонного предприятия. На что офицер, грудь которого украшали многие ордена и медали, ответил: «Нет, довольно мне гоняться за шпионами и предателями. До войны я мечтал о фотоаппарате и хочу стать фотографом». Так майор Хабаров, который на фронте мог арестовать генерала, стал учеником фотографа так называемой бытовки. Портреты новоиспечённого фотографа, ставшего мастером первого класса, были замечены не только воронежцами. Уже в 1970-е годы к ордену Боевого Красного Знамени у него прибавился орден Трудового Красного Знамени. Кажется, это был единственный случай в истории России, когда фотографа Службы быта наградили орденом. Фотограф и музыкант Воронежского русского народного хора Владимир Сергеевич Лютиков вспоминал, что когда он учился в фотокомбинате, то курс композиции им читал Александр Петрович Хабаров, который в свою очередь учился у известного московского фотохудожника Моисея Наппельбаума. А ещё Хабаров играл на трубе в оркестре ресторана «Москва», что располагался на проспекте Революции Воронежа!

После войны в Воронежской области было много инвалидов. Некоторые из них, чтобы как-то выжить, стали фотографами. В архангельской районной газете «Заветы Ильича» фотокором работал Александр Чуйко — фронтовик без обеих ног. Он снимал для газеты более 10 лет и передвигался на самодельной деревянной тачке, отталкиваясь от земли деревянными ступами... Второй безногий

фотограф этого же села ныне Аннинского района Владимир Иванович Подтынченко не только снимал односельчан для документов и делал художественные портреты, но и сочинял стихи, публиковал их в районной газете.

Летом 1950 года газета «Правда» в передовой статье «О качестве газетных иллюстраций» озабочилась состоянием фотожурналистики. Всю фотопродукцию тогда поделили на три вида: фотокартины, созданные в ателье или на природе; документальное изображение событий и явлений с обобщением материала (фоторепортаж); фотокорреспонденция (протокольная фиксация события).

Это было одно из первых в СССР проявление интереса к фотографии в СМИ как к самостоятельному роду журналистики.

В годы так называемой хрущёвской «оттепели» страну охватила первая волна фотографического бума. Промышленность наладила выпуск дешёвых фотоаппаратов, а фотокружки и фотоклубы открывались почти на каждом предприятии, в учебных заведениях. Повсюду проходили конкурсы на лучшую фотографию. В 1959 году такой фотоконкурс совместно с областным обществом охраны природы объявила и редакция газеты «Коммуна». Кроме снимков читатели присылали письма, в которых они высказывали желание получить квалифицированные консультации. По итогам конкурса в газете выступили фоторепортёр Тамара Карпова, на тот момент ещё фотолюбитель Анатолий Костин и журналист отдела культуры Юрий Поспеловский.

Среди пишущих журналистов из неплохо владеющих объективом следует назвать М. Г. Домогацких. Михаил Георгиевич окончил Воронежский университет и Высшую дипломатическую школу в Москве. Работал в «Коммуне», затем в «Правде» — корреспондентом в странах Юго-Восточной Азии. Он автор нескольких книг, член Союза писателей СССР. По его собственному признанию, когда он после длительной командировки возвращался «на базу» и через пару дней раскладывал на столе ворох только что отпечатанных фотографий, то они помогали ему не только писать, но и заставляли заново пережить полученные впечатления. Снимал он японской камерой Revu, которая всегда была наготове и служила ему верой и правдой много лет. Теперь эта камера хранится в музее воронежского фотоклуба «Экспресс».

Специальным корреспондентом газеты «Коммуна» Владислав Аникеев отработал чуть больше года, с 1966 по 1967 год. В нашу редакцию он пришёл из «Молодого коммунара», где обратил на себя внимание и как пишущий, и как хорошо снимающий журналист. Жаль, что в «Коммуне» он долго не задержался, вскоре его направили собкором «Советской России» по Дальнему Востоку. После возвращения в Центральное Черноземье Владислав Васильевич обосновался в Туле, где занимал ряд заметных должностей.

Целая эпоха региональной фотожурналистики связана с именем Михаила Кузьмича Евстратова (1926–2006). Он родился в селе под Курском, а в Воронеже появился в 1951 году после службы в аэрофоторазведке Северного флота.

В сорок пятом Михаил стал курсантом военно-морского авиационно-технического училища. С сорок пятого по сорок седьмой кроме учёбы принимал участие в разведывательных вылетах. По окончании училища Евстратов — в составе группы спецназа по аэрофоторазведке Восьмого воздушного Балтийского флота. После — «Коммуна», по 1986 год работал он фотокорреспондентом, затем заведующим отделом иллюстраций областной газеты. На этом посту он сменил Николая Калитина.

Снимал Михаил Евстратов как самые значительные события жизни воронежского края, так и будни простых людей. В 1971 году его командировали фотокорреспондентом воронежской делегации на очередной съезд КПСС. Портреты снимал, как бы не глядя в видоискатель камеры, но так умело чередовал домашние заготовки с репортажной импровизацией, что результат был просто превосходным.

В 1975 году, когда вся страна отмечала 30-летие Победы, Михаил Евстратов разыскал героиню известного снимка Евгения Халдея «Регулировщица Маша» и сфотографировал Марию Шальневу с дочерью на фоне Воронежского оперного театра. Эти два снимка и стали гвоздём праздничного номера газеты на 9 Мая.

Двадцать второго июля 2006 года газета «Коммуна» опубликовала очерк Людмилы Сурковой «Фото М. Евстратова». Кстати, эта подпись 35 лет неизменно появлялась в областной газете. Из очерка мы узнаем, что Кузьмич, как его запросто называли коллеги, был не только фотомастером, но и шутником, и балагуром. Любил литературу, много читал, был бесподобным рассказчиком, мог бы написать целый сборник юмористических рассказов, но был, как и многие творческие люди, несколько ленив и не очень организован. Природный юмор не раз выручал его в затруднительных ситуациях. Однажды его остановил вахтёр режимного предприятия: мол, у фотокора просрочен пропуск. Кузьмич молча достал авторучку, продлил пропуск до конца года и поставил замысловатый автограф, после чего решительно направился через проходную. А вот ещё случай. Когда один большой начальник, выйдя на пенсию, заблудился в своём городе, Евстратов тут же съязвил: «Иначе и быть не могло — он же никогда не ходил пешком, его возили на машине». Иногда он, чуть открыв дверь кабинета, мог прямо с порога заявить: «Отдохните! А то перетрудитесь, выплачивай вам потом больничный...» Его отсутствие на работе замечали все и сразу. И все ждали, когда он вернётся из командировки и нарушит тишину своим голосом.

Полистаешь «Коммуну» тех лет — и видишь, какие интересные сведения содержали выступления Михаила Евстратова на исторические темы.

Под рубриками «Любопытная старина», «Страницы прошлого», «Это интересно» выходили публикации краеведческого характера. Используя уникальные архивные материалы, Евстратов сообщал читателям немало фактов и сведений давно минувших дней.

Кроме светописи у него была ещё одна слабость — кошки. Он их любил, кормил и холил.

Однажды когда Кузьмич был в хорошем настроении, он уступил моей просьбе и дал на время свою японскую камеру с объективом. Каково же было его удивление, когда, получая назад фотоаппарат, он вдруг обнаружил его сверкающе-чистым. Я же брал его в довольно неприглядном виде.

Михаил Евстратов умел дружить и часто общался с коллегами — художниками Масабином Ахуновым, Григорием Гончаровым, Юрием Рачинским, журналистами Владимиром Евтушенко, Александром Пятунинным, Валентином Кожевниковым, Вадимом Мезенцевым, Федором Суриным, Олегом Шевченко, Борисом Подкопаевым. Умер он в мае 2006 года, не дожив до 80 летия всего сорок дней. Фотоархив М. Евстратова хранится в личном фонде Государственного архива Воронежской области.

В семидесятые годы прошлого века в Воронежской области продолжалась череда фотоконкурсов. Так, в совместном фотоконкурсе редакции газеты «Коммуна» и областной организации Союза журналистов СССР призерами тогда стали ветеран войны Александр Курачёв, фотохудожник Евгений Хмелевцев, фотожурналист Валентин Кожевников и фотолюбитель Виталий Сулов. Поощрительными дипломами были награждены фотолюбители Михаил Волков, Анатолий Рыжков, Валерий Андреев.

В августе 1975 года сразу несколько солидных организаций, в том числе облздравотдел, облсвопроф, областной комитет по телевидению и радиовещанию, редакции газет «Коммуна» и «Молодой коммунар», организовали фотоконкурс «Здоровье», в котором могли участвовать все желающие. Конкурс планировалось провести в два тура. А по итогам — наградить победителей премиями, лучшие фотоработы выставить для всеобщего обозрения в Доме санитарного просвещения ко Дню медицинского работника.

Под Новый, 1976 год «Коммуна» совместно с областным советом Всероссийского общества охраны природы объявила фотоконкурс на лучший снимок, посвящённый природе и фауне Воронежской области. Два этапа конкурса по замыслу организаторов должны были выявить самые лучшие фотоработы, авторы которых будут отмечены премиями, а фотографии могут попасть на ВДНХ СССР.

В последний день января 1979 года газета опубликовала заметку будущего журналиста, а тогда студента отделения журналистики ВГУ Николая Тарасенко «В объективе — событие». В ней он рассказывал об очередной отчётной выставке фотоклуба «Экспресс», который на ту пору уже 15 лет

успешно работал в воронежском Дворце культуры железнодорожников. В тексте он называл фамилии авторов запоминающихся работ. Отрадно, что среди них есть и фоторепортёры-газетчики: Алексей Колосов, Михаил Вязовой, Николай Стребков, Сергей Волошин.

В конце 60-х годов прошлого века Николай Кондратьевич Крутских был одним из активных членов фотоклуба «Экспресс». Ветераны до сих пор вспоминают его жаркие споры с геологом и страстным любителем светописы Валерием Лозовым о том, что есть творческая фотография? В начале 70-х Николай Крутских уже фотокорреспондент газеты «Коммуна». К своему делу он относился основательно и очень серьёзно. Его работы были для того времени новаторскими, динамичными и выразительными. Они как бы ворвались на страницы газеты прямо из жизни. Запомнились его спортивные сюжеты, тонкие и полные наблюдений пейзажные зарисовки. К сожалению, в газете он проработал недолго — в 1973 году его сменил Владимир Трофимович Майоров. Интересно и то, что спустя сорок лет в дверь фотоклуба «Экспресс» вновь постучался уже пожилой человек — это был Н. К. Крутских. Так мастер вернулся в художественную светописы. Посетил он и редакцию газеты «Коммуна». Молодое поколение с уважением смотрело на ветерана, а мы, старики, искренне прижимали его к груди. На этот визит журналист Виктор Силин откликнулся портретным очерком «От доярки до шахини», в котором живописал жизненные коллизии Николая Крутских. Любовь к фотографии Николай Кондратьевич пронёс через всю жизнь. Что бы он ни снимал — пейзажи настроения, жанровые портреты или спортивные состязания — он, как и подобает Мастеру, делает это с любовью и чувством меры. В настоящее время маэстро Крутских довольно успешно осваивает технику цифровой фотографии.

Теперь о другом мэтре — о Владимире Трофимовиче Майорове. Он родился 7 июня 1932 года в глухом брянском селе Бежецы. Нужду и голод познал с детства, наверное, поэтому он так любил всех угощать. После трёхгодичной службы в армии — а служил он на территории Воронежской области — ему-то и приглянулись наши чернозёмные места.

До «Коммуны», которой он отдал ровно четверть века, Владимир Майоров успел поработать в районных газетах Брянской области, несколько лет был фотокором многотиражной газеты Воронежского облпотребсоюза, а с 1968 по 1973 год служил военным фотокорреспондентом Группы советских войск в Чехословакии. Рассказывают, что там за фотографии охотничьих сцен он получил благодарность Генсека Л. И. Брежнева. Мои неоднократные попытки выведать у Трофимыча подробности той встречи долго были безрезультатны, но некоторые детали он всё же рассказал. Как-то во время общего ужина Леонид Ильич Брежнев же-

стом пригласил фотографа сесть рядом и поинтересовался, чем он может отблагодарить журналиста за прекрасные снимки. «После секундного замешательства я неожиданно для себя самого выпалил: «Леонид Ильич, позвольте мне получить несколько снимков обратно, но с вашей личной печатью на каждом снимке». Так фотограф Владимир Майоров стал в Черноземье единственным обладателем отриски личной печати Генерального секретаря ЦК КПСС.

Владимир Майоров легко сходилась с людьми, причём чем выше по иерархии был человек, тем быстрее Трофимыч располагал его к себе. В редакции это поняли сразу и все ответственные фотосъёмки поручали только ему. Надо сказать, что журавлей в небе он не ловил, но фотосиницу держал в руках крепко. Происходившие события снимал не так много, как мы, но всё главное оказывалось у него на плёнке. Как члену КПСС Майорову поручали фотографировать воронежские делегации на партийных конференциях и съездах. Вечерами он проявлял в московской гостинице «Россия» плёнки, чтобы тут же отправить их ближайшим поездом в Воронеж. Их уже с нетерпением ждали коллеги, и вскоре московские снимки лежали на столе редактора «Коммуны» Владимира Евтушенко.

Бывало, по ночам в фотоотделе мы срочно изготавливали для гостей подарочные фотоальбомы. Майоров принимал в этом деле самое активное участие. Он мог делать всё — руки у него были золотые. Ещё Трофимовичу удалось пробить в издательстве ЦК КПСС полный набор профессиональной фотоаппаратуры. После этого случая авторитет Владимира Майорова поднялся ещё выше. В 1986 году в зале Дома журналистов состоялась персональная выставка Владимира Майорова. Отзывы о ней были только похвальные. А вот с его снимком «Сельский детектив» произошёл целая история: генерал МВД, увидев на страницах «Коммуны» неряшливого тучного милиционера в донельзя памятой форме, разгневался и распорядился провести служебное расследование...

В год 70-летия Советской армии в Доме печати на ул. Генерала Лизюкова, 2, состоялась вторая персональная выставка Владимира Майорова «Стоп-кадр: армейские будни». Эта экспозиция опровергла мнение о том, что тематические выставки ограничивают творческие возможности автора. Кроме военной техники, жанровых сюжетных снимков армейской жизни, Майоров представил портретную фотогалерею полководцев и рядовых бойцов, серию памятников воинам, павшим в Великой Отечественной войне. А вот сцены охоты командного состава Группы советских войск в Чехословакии, в которой участвовал сам Леонид Брежнев, не выставил. Посчитал нескромным...

Один снимок с той выставки и сейчас стоит перед моими глазами. На первый взгляд, обычная вешалка: висят шинели, полковничьи папахи, а в центре несколько возвышается генеральская. Фотография называется «Субординация».

Трофимыч в юности считался заядлым мотоциклистом, а в Воронеже он приобрёл «Волгу» ГАЗ-21 небесно-голубого цвета. Его машина, как и гараж, отличались блеском и чистотой, и мы, его коллеги, по-хорошему завидовали мастеру, который так достойно прожил нелёгкую жизнь. Владимир Трофимович увлекался охотой, любил компанию, умел дружить искренне и бескорыстно. Когда он ушёл на пенсию, третий этаж редакции на Лизюкова, 2, где располагалась фотолаборатория, как-то осиротел...

Трудные послевоенные годы дали отечественной фотожурналистике три яркие личности, причём так уж случилось, что все они из одного села и учились у одного учителя Тресвятской средней школы — Николая Васильевича Ларченко.

Троица — это Василий Песков, Анатолий Рябко и Анатолий Костин. Василия Пескова нынче знает весь читающий и снимающий мир. Выпускник филологического факультета ВГУ и Воронежского аэроклуба А. Рябко — легендарный фотолетописец отечественной военно-воздушной авиации, автор нескольких удивительных фотокниг. Фотохудожник Анатолий Рябко бросил якорь на Кубани. С воронежской журналистикой на всю жизнь связал себя лишь Анатолий Костин.

Анатолий Митрофанович Костин (1935–2009) прожил большую насыщенную жизнь. Детство провёл в селе Орлово Новоусманского района, затем жил в посёлке станции Тресвятская. Песков и Костин жили на соседних улицах села Орлово и учились в разных классах, но общались и дружили. Их сближению способствовали не только природа, соседство огородов, но и увлечение фотографией. Вначале из линз трофейного бинокля они смастерили проектор и вечерами показывали ребятам диафильмы. Затем в их руки попал фотоаппарат «Фотокор». Началась долгая возня с пластинами, экспозицией, химикатами. Учиться было негде, и многое приходилось осваивать методом проб и ошибок.

После службы в армии Анатолий Костин заинтересовался радиотехникой и к фотографии несколько поостыл, до той поры пока в руки к нему не попала книга лауреата Сталинской премии Юрия Екельчика «Изобразительное мастерство в фотографии». Книга далекого 1951 года долгое время была настольной книгой тех фотолюбителей, которые творчески относились к своему увлечению. В 1957 году возобновили выпуск журнала «Советское фото», на прилавках магазинов появились фотоальбомы, видовые открытки, иллюстрированные журналы. Друг и земляк Анатолия Костина Василий Песков стал символом отечественной и фотожурналистики, автором многих уникальных фотокниг, таких как «Шаги по росе», «Отечество», «Земля за океаном», «Путешествие с молодым месяцем», «В гостях и дома» и других. Песков сделал всё для «стирания граней» между фотографической и литературной журналистикой. И хотя

публиковался Василий Песков в «Комсомольской правде», несколько раз его фамилия под снимками появлялась и на страницах «Коммуны». Ещё одно обстоятельство сближает известного журналиста с «коммуновцами», это то, что Василий Михайлович был частым гостем нашей редакции, много и интересно рассказывал о своих путешествиях по всему миру.

Анатолий же Костин тем временем добросовестно трудился: сначала наборщиком в типографии, а затем фотокорреспондентом. Успел поработать в «Молодом коммунаре», «Коммуне», газете железнодорожников «Вперед», редактировал и выпускал «Воронежский епархиальный вестник». Анатолий Митрофанович отличался аккуратностью, дисциплинированностью, коммуникабельностью и обязательностью, что первостепенно в нашей профессии. Многие его публикации выделялись чёткостью и выразительностью композиционного видения. Особую страсть он питал к динамичным, диагональным композициям, причём почти всегда он обрезал свои снимки, оставляя небольшой белый кант — фирменный знак Мастера.

Одно время Анатолий Костин работал бильд-редактором и ответственным секретарем, что также говорит о его недюжинных журналистских способностях. Он создал удивительные по силе проникновения портреты писателя Гавриила Тропильского, журналиста, своего земляка и друга Василия Пескова, писателя и редактора Евгения Дубровина, космонавтов Анатолия Филипченко, Андриана Николаева и Виталия Севастьянова, певицы Марии Мордасовой и многих простых людей. Персональные выставки Анатолия Костина состоялись в Союзе журналистов (1985) и в редакции газеты «Молодой коммунар» (2004). О фотокоре Костине была интересная публикация Эдуарда Ефремова в газете «Воронежская неделя».

Кроме увлечения фотографией, Костин собирал досье на знаменитых людей и искренне, как ребёнок, радовался, если ему удавалось что-то прояснить в биографиях великих. Ещё он любил природу и не любил пятницу. Обычно в этот день звонили из обкома и обязывали его быть на съёмках где-нибудь в сельской глубинке...

Выпускник первого набора отделения журналистики филологического факультета Воронежского университета Анатолий Митрофанович Костин был душой компании, любил пошутить и часто рассказывал забавные случаи из своей жизни. Умение посмеяться над собой — не такое уж редкое свойство моих коллег. Так, однажды Костин, заикаясь, рассказал о том, как они с внештатником Борисом Петровым посетили авторемзавод. Первым в кабинет директора зашёл Костин и, сильно заикаясь, стал интересоваться запчастями для редакционной «Нивы». Директор сначала ничего не понял, но когда на помощь фотокору пришёл контуженный и слегка разбитый параличом Петров, директор (игравший в КВН молодой человек) решил, что его разыгрывают. Он начал им подыгрывать и лов-

ко изобразил заику... Костин от неожиданности опешил (по жизни он заикался), но через секунду выдал чётко, совершенно не заикаясь: «Завтра в обкоме партии вам, товарищ директор, объяснят, как надо принимать журналистов партийных изданий...»

Другая, не менее занятная ситуация произошла в тот год, когда у Костина появилось фоторужьё с прикладом и курком. Как настоящее! Всё бы ничего, да Анатолий Митрофанович решил отправиться с ним на съёмку Пленума обкома КПСС. Объектив 300 миллиметров не позволял снимать вблизи, поэтому фоторепортер забился в дальний угол и даже слегка спрятался за занавеску. Он успел сделать несколько кадров и... потерял сознание. Очнулся в соседней комнате лежащим на столе, карманы были вывернуты, фотоаппарат разобран. От волнения Костин стал заикаться ещё больше, так что прояснить он толком ничего не мог. Оказалось, что чекисты приняли его ружьё за гранатомёт. Выручило не редакционное удостоверение, а поручительство редактора «Коммуны» Владимира Евтушенко, который был членом бюро обкома партии и сидел в президиуме пленума.

Теперь поговорим о наших внештатных фотокорреспондентах: Александре Курачеве, Александре Бровашове, Викторе Шумилове, Владлене Вороненкове, Михаиле Волкове, Владимире Петросяне, Александре Петрове, Николае Окосьяне, Пётре Желамском, Юрии Оросе. Самый старший из них — Александр Курачёв, успел принять участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны. Под стать ему и Николай Окосьян, который был моложе всего на несколько лет. Виктор Шумилов — вообще легенда патриотической темы региональной журналистики. Но в «Коммуне» он, к сожалению, печатался довольно редко. Владлена Вороненкова можно представлять как свободного художника. Несомненно, он был настоящим фотхудожником, не совсем оцененным современниками. Владимир Петросян и Пётр Желамский успели поработать в нашей газете на других должностях, но тем не менее свои обязанности они успешно совмещали с любимым увлечением, имя которому — светопись. Александр Петров кроме фотографии серьёзно увлекался радио и музыкой. Со временем эта страсть перетянула его на Воронежское телевидение, где он стал звукооператором.

Фотокорреспондент петропавловской районной газеты Александр Бровашов в этом списке занимает особое место. Такого самозабвенно влюблённого в природу журналиста в нашем окружении больше не было. Если можно так выразиться, он был Василием Песковым местного уровня. Не зря же он дружил с Василием Михайловичем, и тот неоднократно бывал в гостях на петропавловской Толучеевке. Художественно выверенные ландшафты, мир живой природы и профессиональные комментарии к снимкам Александра Бровашова довольно часто публиковались не только в «Коммуне» и «Во-

ронезской неделе», но и в солидных московских журналах.

Михаил Кузьмич Волков оставил о себе добрую память. Честный и порядочный человек, он прожил нелёгкую жизнь. Много снимал, писал статьи и воспоминания о военном детстве, учил школьников и студентов, но до конца в журналистике он не реализовался.

Не сложилось.

Так бывает.

Тем не менее мы с благодарностью вспоминаем Михаила Волкова, который всегда радушно и гостеприимно привечал коллег. Он часто многих вспоминал: фотографа объединения «Работница» Александра Чернявского, военного летчика и фотографа Геннадия Копылова, фотолюбителя и корреспондента газеты Воронежского завода радиодеталей Владислава Мишина, а ещё Бориса Чебышева, Александра Серова, Александра Маслова, Михаила Трухачева, Александра Бурлова, Василия Силаева.

Ещё одно яркое имя в фотожурналистике — Виктор Малород, автор замечательных репортажей и портретов. Виктор Григорьевич родился 14 апреля 1951 года на Урале. После школы окончил Нововоронежский энергетический техникум по специальности «радиотехника». Работал на строительстве пятого энергоблока Нововоронежской АЭС. В это же время Виктор Малород стал публиковать фотографии в районных газетах Новой Усмани и Каширского. В 80-е годы работал фотокорреспондентом каширской районной газеты «Красные зори» и довольно регулярно публиковался в областной «Коммуне». Он участник нескольких фотографических выставок-конкурсов, награжден дипломом Воронежской организации Союза журналистов России. К 60-летию Великой Победы в Нововоронежском Дворце культуры состоялась его персональная фотовыставка, на которой экспонировались выразительные фотопортреты сельских тружеников и работников Нововоронежской АЭС.

Он из числа трудоголиков, которые каждодневно тянут нелегкий газетный воз. Николай Стребков — выпускник отделения журналистики филфака ВГУ — вошёл в воронежскую журналистику как-то тихо и скромно. Но талант не скроешь. Его фотопубликации, снимки и текст выгодно отличались от обычного потока прямолинейных и часто поверхностных иллюстраций. Он как никто может остановиться, оглядеться и сделать кадр, который войдёт в историю на многие лета. Долгие годы Николай Васильевич трудился в дорожной газете «Вперёд», затем в «Молодом коммунаре», но подлинного расцвета его фототворчество достигло в «Коммуне». Здесь он раскрылся как тонкий портретист, лирик-пейзажист и крепкий фоторепортер, не пропускающий кульминацию события, а вскрывающий её внутренний, порой скрытый смысл.

Кроме служения тринадцатой музе на ниве журналистики у Николая Васильевича есть ещё одна, но пламенная страсть: много лет он руково-

дил народным фотоклубом «Экспресс» Воронежского Дворца культуры железнодорожников. Этому объединению креативных фотографов от роду уже больше полувека. За плечами опытного Мастера не одна награда российского и международного уровня, но и сегодня, находясь на заслуженном отдыхе, Николай Васильевич пишет историю воронежской фотографии в лицах.

В юбилейном для фотографии 1989 году, когда мир отмечал 150-летие изобретения светописы, «Коммуна» посвятила этому несколько публикаций. Седьмого февраля газета объявила о фотоконкурсе, посвященном юбилею светописы. Двенадцатого октября напечатана зарисовка о калачеевском фотохудожнике Викторе Игошкине. Пятнадцатого ноября журналист Юрий Поспеловский поместил большой отчёт о фотовыставке в Доме актера. Авторами этой уникальной театральной фотогалереи являлась супружеская пара Варламовых — Николай Сергеевич и Александра Илларионовна. Этой же выставке посвятил свою публикацию «Профессия и призвание» сотрудник областной научной библиотеки имени И. С. Никитина Борис Фирсов.

В ноябре газета откликнулась и на международную выставку «Уорлд пресс фото», которая после Москвы и Ленинграда экспонировалась в воронежском Выставочном зале на улице Кирова. Так, впервые широкая публика российской провинции познакомилась с современными направлениями мировой журналистской фотографии.

В том же году в областном центре состоялся фотографический вернисаж известного литовского фотохудожника Заслуженного деятеля искусств Литвы, члена Международного союза фотохудожников FIAP Римантаса Дихавичюса. Наверное, впервые в стенах воронежского Выставочного зала можно было видеть не только пейзажи и жанровые сценки, но и портреты в стиле «ню».

Фотокорреспондент «Коммуны» Олег Рябченко работал в «лихие 1990-е» и запомнился одновременно мужественным и профессиональным поступком: он вместе с ещё одним воронежцем Алексеем Лазаревым в конце сентября 1993 года отправился в столицу, чтобы своими глазами увидеть и зафиксировать расстрел «Белого дома». Надо ли говорить, что их фотоматериалы прошли на ура во всех воронежских СМИ. Кстати, Алексей Лазарев через несколько лет получил из рук президента Бориса Ельцина премию «Золотое перо» и возможность работать в «Комсомольской правде». Олег же Рябченко предпочёл бизнес.

А вот Сергей Губанов пришёл в газету из службы быта. Однако снимать в фотоателье долго ему не пришлось, побороло желание фиксировать жизнь как она есть. И вот уже много лет Сергей Юрьевич успешно трудится фотокорреспондентом воронежских газет. Несколько лет — в конце 90-х, начале 2000-х годов — Губанов трудился в редакции «Коммуны». Им были сделаны первые цифровые сним-

ки, которые сегодня составляют основу цифрового фотоархива редакции. Его острый взгляд и журналистское чутьё были замечены и отмечены. Губанов — лауреат премии областной Думы и областной администрации в 1998 году, призер городского фотоконкурса в номинации «Новости года», «Событие», «Влюбленные», участник регионального конкурса «Фотограф. Новый век».

Ну а теперь пришла очередь рассказать мне и о себе.

И хотя родился я в Астраханской области, а двадцать лет прожил в Чечне, себя считаю воронежцем, где живу и тружусь с 1971 года. Начинать фотографом на заводе имени В. И. Ленина, затем — в строительном тресте № 5. В 1979 году окончил отделение журналистики филологического факультета Воронежского государственного университета. Двадцать лет преподавал курс фотожурналистики и фоторекламы на факультете журналистики. Работал фотокорреспондентом воронежских газет «Молодой коммунар», «Воронежский курьер», «Независимый курьер». Первая же моя публикация в прессе появилась в газете «Комсомольское племя» (г. Грозный) в далёком уже 1967 году. В 70-е годы за ряд публикаций в журнале «Журналист» меня приняли в члены московского фотоклуба «Фотожурналист».

С 1971 года по настоящее время являюсь членом воронежского фотоклуба «Экспресс», последние годы — председатель правления этого творческого объединения. Веду отдел иллюстраций областной газеты «Коммуна». Являюсь автором более десяти публикаций по истории и проблемам изобразительной журналистики, участник и призер около 60 выставок-конкурсов художественной и документальной фотографии. Таких, как Десятый международный конкурс «За социалистическое фотоискусство», «Пентакон — ORVO», Прага (1977), международный конкурс «Малый формат-75», Варшава; международный конкурс «Щит города Брно» (1975, 1981, 1985); 63-й фотосалон в городе Клиши (Франция); международный фотоконкурс «Молодежь и социализм», Прага; Всесоюзная выставка, посвященная XXVII съезду КПСС, Москва; Фотоюморина в Болгарии, София (1988); Межклубная выставка художественной фотографии «Даугавпилс-85». А также участник коллективных фотовыставок в Николаеве (1984), Перми (1986), Куйбышеве (1986), Днепропетровске (1986), Москве, (1972, 1976, 1977, 1985, 1986, 1995), Луцке (1986), Армавире (1980, 1995), Североморске (1986, 1987), Саратове (1987), Нарве (1987), Гродно (1982), Запорожье (1986), Гомеле (1985), Мурманске (1987), Воронеже (2007), Нововоронеже и других городах нашей страны.

Помнится, в 1986 году я организовал на третьем этаже тогдашнего Дома печати на улице Генерала Лизюкова, 2, свою персональную выставку. Она как бы подводила итог моей десятилетней работе в молодёжной прессе. Газета «Коммуна» 31 мая откликнулась на своеобразный фотоотчёт заметкой художника газеты Анатолия Лося «Фоторепортёр

Михаил Вязовой». Осенью того же года редактор «Коммуны» Владимир Яковлевич Евтушенко пригласил меня в «Коммуну». Затем были творчески насыщенные годы работы в главной газете региона. Наиболее выразительные снимки, созданные за эти годы, вошли в авторский фотоальбом «Воронеж и воронежцы», который вышел в свет в издательстве «ЭКОС» в 2010 году. В 2011 году по совокупности сделанного на ниве фотожурналистики и художественной светописи я стал лауреатом премии в номинации «Достояние культуры Воронежа».

Не могу не вспомнить хотя бы некоторые курьёзные случаи из моей газетной практики. Дело было в июне 1991 года. В Воронеж впервые прибыл первый президент России Борис Ельцин. В аэропорту его встречала свита руководителей и журналистов. Я, как обычно, взял камеру и новую вспышку. Вечер, через час стемнело, а самолет все не прилетает. И вот, наконец, лайнер с первым лицом государства выруливает к нам, встречающим. Все устремляются к президенту. А я от горя чуть не плачу: отечественная вспышка с моей японской камерой оказалась несовместимой. Что делать?! Принимаю единственно верное, хотя и рискованное решение: ловить чужие блицы. Ставлю выдержку на В, диафрагму от фонаря — 5,6 и ловлю момент, когда сработают вспышки коллег. Успел снять несколько кадров. Два из них оказались вполне приличными — резкими и хорошо освещенными сразу несколькими блицами. Наутро коллеги даже завидовали мне: как это я умудрился осветить президента с трех сторон?

Вторая история — вообще казус. Чечня, февраль 1994 года. Утром всех иностранных и российских журналистов запустили в президентский дворец, отобрали средства связи и сказали: «Ждите, вечером вас пригласят на пресс-конференцию с Джохаром Дудаевым». Понятно, что все изнывали от вынужденного безделья. «Повезло» лишь мне. Среди охранников встретился чеченец, мой однокурсник по училищу культуры, который активно принялся угощать нас вином из президентского буфета. Понятно, что к вечеру я был уже «не тот». Пригласили в кабинет. Всех обыскали, кроме меня. По углам — автоматчики, у некоторых «воинов ислама» ещё и пулеметы и гранаты. Атмосфера напряженная, и снимать было неудобно — лучшие места заняли журналисты европейских СМИ. И тут меня провало: встал и, обращаясь к президенту, выпалил: «Дорогой Джохар, что-то вас из-за стола плохо видно. Будьте любезны, подложите что-нибудь под сиденье и наденьте на голову генеральскую фуражку. Вот, теперь совсем другое дело!» — бесцеремонно сказал я, щелкая затвором.

Встреча продолжалась недолго, каждый мог задать только один вопрос. Когда она закончилась, сборкор «Комсомолки» Виктор Ткачук бухнул: «Ну, ты, Водяной, и даешь... я думал, тебя арестуют».

Отрезвление пришло в гостинице «Кавказ». Стал готовиться к завтрашнему дню и решил перемотать пленку. Кручу головку обратной перемотки

и — о, ужас! — она так легко вращается, как будто пленки в камере нет. Так оно и оказалось. Пленку я вытащил еще утром, а новую забыл вставить. Пришлось утром покупать все местные газеты и переснимать официальный портрет президента. После этого случая дал себе зарок: на съёмке — ни капли спиртного.

Однажды отправился в командировку на служебном автомобиле в будничной рабочей одежде. Приехали в Россошь. Коллеги пошли в райком партии, а я из-за своего непрезентабельного внешнего вида решил далеко от машины не отлучаться. Купил булочку, бутылку кефира и только расположился на скамейке, как кто-то легонько толкнул меня в бок: «Что, паря, бомжуешь?» Я чуть не подавился, а незнакомец продолжал: «Ничего, не тужишься, я вначале тоже стеснялся своего незавидного положения...»

Другой случай также был связан с костюмом, слава богу, не моим. В мае в нашей редакции появилась молодая прехорошенькая особа. И нам вдвоём предстояло сделать репортаж с заседания областного партийно-хозяйственного актива. На вопрос Аллы: «Как одеваться?» я ответил: «Как в театр». И она явилась в большой голубой шляпе, розовой блузке с декольте, мини-юбке, а на ногах — туфли на высоченных каблучках. Понятно, что весь мужской состав в зале смотрел не на президиум, а на мою спутницу. Её робкие попытки спрятаться за мою спину успехом не увенчались. Так, сама того не ведая, она чуть не сорвала важное политическое мероприятие.

Ещё одна история случилась на Северном Кавказе. И угораздило же нас, троих воронежских журналистов, оказаться в «горячей точке». Горы — справа, значит, нам налево. Решили путь сократить и пройти через заросшее бурьяном поле, но что-то меня остановило. Уж больно заросшая оказалась тропинка, даже паутина на ней не порвана. Свернули в сторону к лесополосе. Через час вышли на российский блок-пост, где нас встретили очень настороженно. Обыскали, проверили документы.

— Почему наблюдатель на перекрёстке не сообщил о вас?

— Так мы через поле шли.

— Как через поле, оно же заминировано?!

Мы вмиг будто остолбенели...

Время неумолимо. В фотожурналистику приходят молодые и одаренные. И один из них — Константин Толоконников.

Впервые мы познакомились с ним заочно на городской выставке «Мир глазами молодых». После второго тура отбора разложили снимки призёров по номинациям и обнаружилось, что безусловным лидером состязания является Костя Толоконников. Он стал победителем сразу в четырёх номинациях. Особо хороши были снимки с высоты птичьего полёта. Такое ощущение, будто сам стоишь на горе и перед тобой необъятные дали... Толоконников, тогда студент пятого курса Воронежского техниче-

ского университета, два года обучался творческой фотографии в молодёжной студии Андрея Паукова (Центр дополнительного образования «Созвездие»). Затем четыре года мы с Константином работали в фотоотделе «Коммуны». Не могу сказать, что я его учил, так, скорее, опекал и присматривался к нему, пытался понять, почему он снимает не так, как в своё время учили меня. Словом, парень вырос, и хорошо, что перерос своих учителей. Дело не только в тех достижениях и фотографических высотах, которых, безусловно, достиг Константин. А их у него немало. Только за два года его творческое портфолио пополнилось сразу несколькими наградами российского и международного уровня. В 2008 году фотокорреспондент газеты «Коммуна» Константин Толоконников стал победителем регионального конкурса на соискание премии имени Василия Кубанёва в номинации «Творческая фотография», получил президентскую премию по поддержке талантливой молодёжи в рамках национального проекта «Образование». На следующий

год он стал дипломантом Четвёртого всероссийского фестиваля художественного творчества «Я вхожу в мир искусства», а на инновационном форуме «Селигер-2009» он стал номинантом российского форума «Прорыв». На форум победителей он представил серию фотографий «Город, в котором я живу».

В 2015 году Константин Толоконников — победитель фотоконкурса «Самая красивая страна». В номинации «Живая история» он выставил серию пейзажей «Времена года», за что и был награжден премией Русского географического общества.

Толоконников — мастер новой волны, нового поколения фотографов-художников, которые своё слово ещё не сказали. Хочется думать, что фотография для них — это не только работа, а способ выразить свои мысли, чувства, настроения. Так, как это было и у нас, представителей старшего поколения фотокорреспондентов газеты «Коммуна».

г. Воронеж

Геннадий Жирков «Без живописца и градыровального мастера обойтись невозможно будет...»¹

В Воронежском художественном музее им. И. Н. Крамского хранится уникальное собрание гравюр эпохи Петра Великого. В 2010 г. работники музея издали ее каталог в виде альбома, представляющего полностью всю эту коллекцию. Ее экспонаты рассматриваются, что естественно для музея такого типа, как произведения искусства.² Но если мы заглянем в далекий XVII в., то поймем, что в таком подходе проявляется определенное осовременивание исторических фактов. В контексте той эпохи гравюра была многофункциональна. В этом смысле Россия аккумулировала западноевропейский опыт.

Многие художники при королевских дворах Европы, выполняя роль хроникеров, вели изобразительную летопись общества тех лет, отражали в своих произведениях светские приемы, приемы послов, сцены коронаций, охоты, рыцарских турниров и т. д. В начале XVI века появился тип «рисованных газет» или «газет-репродукций», что связывают с именами знаменитого художника Альбрехта Дюрера и Ханса Закса.³ В период Реформации в Германии 1520-х годов огромное значение имела листовая агитационная литература, иллюстрированная графикой: большое распространение получили листки, политические памфлеты, религиозные трактаты и др. «Купцы, ремесленники, подмастерье покупали на рынках гравюры, наклеивали на стены своих домов. В графике выработался ясный и простой, связанный с фольклором, всем понятный художественный язык». В создании этих злободневных информационных произведений участвовал тогда сподвижник Лютера,

такой блистательный художник, как Лукас Кранах. В 1521 г. всю Германию обошла его сатирическая книжечка из 30 гравюр с текстами, обличающая римский католицизм, папу и духовенство.⁴

К началу XVII в. в борьбе за власть, к примеру, в период регентства Софьи Алексеевны (1682–1689) и в России гравюра уже использовалась.⁵ Называя гравюру средством массовой пропаганды, историк А. П. Богданов замечает, что гравюра «родилась в условиях обострения политической борьбы», в результате синтеза двух культурных явлений: гравированных «печатных листов и литературных панегириков». «Гравюры религиозного и светского содержания, распространявшиеся по отдельности или переплетенными в тетрадки, выполняли, как и в Западной Европе, роль «книг для бедных». Уже в XVII в. такие картинки иностранного и отечественного производства продавались в Москве в Овощном ряду, а также на Спасском мосту и покупались не только частными лицами, но и для царевичей, для обучения и для развлечения».⁶ В Киево-Могилянской коллегии (затем Академии) при проведении дискуссий использовались тезисы в виде конклюдии (буквально — вывод, заключение), представлявшей собой большого формата гравюру; была традиция подношения ректору поздравительного панегирика — другого типа конклюдии.

Эта отечественная и зарубежная практика употребления гравюр была знакома Петру I с детства. Но он в ходе Северной войны (1700–1721 гг.) существенно расширил сферу применения гравюры. Он понял ее информационные и пропагандистские возможности, *доступность гравюры, как носителя информации для тех, кто не знает русского языка, кто неграмотен.*

К этому же толкала Петра та информационная изоляция, в которой находилось его государство. Достоверных сведений о России из первых рук иностранцы нигде почерпнуть не могли. В этом смысле интересен урок, полученный Петром от бургомистров Гамбурга, которых он в грамоте, посланной им в ноябре 1701 г., обвинил в лживых сообщениях о России. В ответе из Гамбурга в марте 1702 г. вы-

1. Слова принадлежат Петру I.

2. Петровская гравюра. Из собрания Воронежского областного художественного музея им. И.Н. Крамского: альбом-каталог. — Автор-составитель М.А. Кривонова / под ред. В.Д. Добромирова. — Воронеж: Издательство «Квартал», — 2010, 272 с., илл. Ссылки на гравюры собрания даются в тексте статьи по этой книге — (№ гравюры)

3. Вороненкова Г.Ф. Путь длиною в пять столетий: от рукописного листка до информационного общества. Национальное своеобразие массовой коммуникации Германии. М., 1999. С. 45.

Об авторе: Жирков Геннадий Васильевич — доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета.

4. Werner Schade. Die Malerfamilie Cranach. Dresden, 1974. P. 75 (монография-альбом Вернера Шаде «Семейство художников Кранахов»).

5. Богданов А. П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. Сб. ст. 1981 г. М., 1982. С. 225–246.

6. Там же. С. 227–228.

ражалось сожаление о том, что были опубликованы «недостойные и противные вымышленные и разсеянные неправые вести», но одновременно говорилось, что почерпнуть известия о России неоткуда, а потребность в правдивой информации о ней есть: «...желают они (редакторы выходивших в Европе изданий. — Г. Ж.) особливо при настоящей войне из вашей Царского Величества провинции вестей достати, яко и нам из противных мест приходят, и мы бы такие ваши вести верно и радостно написали, дабы желатели новых вестей разумети могли истинную правду».⁷

Собственно эта потребность в точной информации для ее повсеместного распространения послужила одной из причин создания Петром *системы печати в России*.

Противник по Северной войне фактически сразу же стал сопровождать боевые действия информационной войной и имел при этом успех.⁸ В пограничных районах России был распространен Манифест Карла XII, изображавший Петра I как агрессора, нарушившего мирный договор с Швецией, напавшего на шведские города без всякого на то основания и истязавшего жителей этих городов. Король обещал не допустить такого варварства и гарантировал всем их жителям королевскую милость. В Европе распространялись на разных языках агитационные печатные письма, листки и газеты, в которых искажалась информация и проводилась мысль о том, что Россия ведет «оную войну без правительных и законных причин».⁹

Когда русские войска в ноябре 1700 г. потерпели серьезное поражение под Нарвой, шведы распространяли две гравюры о победе Карла XII над «варварами»,¹⁰ а также обидную для чести русского государя информацию; была изготовлена медаль с изображением русского царя, бросившего шпагу, бегущего из-под Нарвы в сваливавшейся с головы шапке и утирающего слезы платком. На медали была выгравирована евангельская надпись: «и исшед вон, плакося горько».¹¹ (Такого типа

сатирическая медаль экспонировалась на выставке в Эрмитаже в 2009 г.)¹² В унисон со шведской пропагандой европейская пресса много писала о поражениях этих варваров-русских. Так, выходившая в немецком городе Фрейнштадте газета «Секретные письма серьезных людей о замечательных предметах государственного и ученого мира, состоящие из двенадцати различных почт на 1701 год», рисуя русские войска в публикациях, как толпу татар, малодушных трусов, предрекала: «Лифляндия делается театром многих кровавых дел и как таковая будет наводнена толпою татар и других восточных народов. Однако должно предполагать, что шведы своим храбрым и правильно устроенным войском победят это множество и с честью окончат войну, что уже предсказано хорошим началом».¹³

В этих условиях русской дипломатии трудно было отстаивать честь страны. Ее голос получил вполне полное отражение в письме князя П. А. Голицына, побывавшего в Вене весной 1701 г. и почувствовавшего на себе тамошнее отношение к России: «Всякими способами надобно домогаться получить над неприятелем победу. Сохрани Боже, если нынешнее лето так пройдет. Хоть и вечный мир учиним, а вечный стыд чем загладить? Непременно нужна нашему государю, хотя малая виктория, которою имя его по-прежнему по всей Европе славилось. Тогда можно и мир заключить, а теперь войскам нашим и управлению войсковому только смеются».¹⁴

В недавнем прошлом, в 1896 г. войсками Петра I был взят Азов. Этому событию в Европе было посвящено несколько медалей, прославляющих русского царя. На одной из них, изготовленной в Саксонии Христианом Вермутом, на оборотной стороне была надпись, свидетельствующая о том, какой большой отклик в Европе получили победы России над Турцией: «Открыв ворота Крыма, Азов в июле и Перекоп в июле взял...».¹⁵

К этим событиям был причастен Воронеж, который Петр превратил в короткий срок в центр кораблестроения. «4-го ноября 1896 года в Преображенском селе государь собрал думу, в которую приглашены были и иностранцы, — пишет историк Н. И. Костомаров. — Эта дума, по воле государя, постановила такой приговор: всем жителям Московского Государства участвовать в постройке кораблей. Вотчинники, как духовные, так и светские, помещики, гости и торговые люди обязаны

7. Цит. по: Тоцев А.И. Внешнеполитические и социально-коммуникативные условия возникновения русской периодической печати // Просветительская миссия журналистики: К 300-летию русской печати. Сб. ст. Вып. 3 / Под ред. Г.В. Жиркова. — СПб.: СПбГУ, 2004. С. 134 (лексика документа).

8. См. подробнее: Жирков Г.В. Информационная Северная война // Журналистика: исследования-методология-практика. Сб. ст. / Отв. ред. Г.В. Жирков. — СПб.: Роза мира, 2004. С. 25–50.

9. Туманский Ф. Собрание разных записок и сочинений. Часть II. СПб., 1787. С. 225; Назаров А. Первый век шведской прессы: информационная монополия почтовой газеты // Медиа@альманах. 2003. № 2. С. 58–59.

10. Гравюры из музеев Швеции были представлены на выставке в Государственном историческом музее // Полтавская баталия 27 июня 1709. Выставка 19 июня — 28 сентября 2009 года. Буклет. М., 2009. С. 8, 11.

11. Ключевский В.О. Соч. в 8 томах. Т. 4. М.: Изд-во соц.-эк. лит., 1958. С. 54.

12. См.: «Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения: каталог выставки / Государственный Эрмитаж, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». — СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. № 155. С. 234.

13. Витберг Ф.А. Мнения иностранцев-современников о великой Северной войне // Русская старина. 1893. Август. С. 275–277.

14. Соловьев С.М. Соч. Кн. VIII: История России с древнейших времен. Т. 15. М., 1993. С. 36.

15. См.: Медали и монеты Петровского времени. Из коллекции Гос. Эрмитажа. Л.: Изд-во «Аврора», 1974. С. 29.

были в определенном числе строить сами корабли, а мелкопоместные помогать взносом денег». ¹⁶ Такое решение, как и многие другие в ходе петровских реформ, вызывали в обществе не только поддержку, но и значительное сопротивление. В Воронеже Петр нашел себе радетельного помощника в лице архиерея Митрофана. «Из великорусских архиереев один только Митрофан воронежский, — замечает Н. И. Костомаров, — действовал в духе преобразователя, находил планы Петра о заведении флота спасительными для Русского государства и все деньги, какие у него накопились, жертвовал на дело кораблестроения». ¹⁷

Поражение под Нарвой поставило под сомнение начинания Петра, а развернутая шведами пропаганда против России получала определенную почву. И, как только Россия стала одерживать первые победы, Петр I сразу же приступил к изданию печатной информации. В Воронежской коллекции гравюр тех лет есть одна из первых гравюр, выпущенных в ходе Северной войны (139). Она составная часть предпринятой тогда царем, можно сказать, информационной атаки.

13 октября 1702 г. была одержана победа под Нотебургом, старинной русской крепостью Орешек, которую шведы захватили еще в 1612 г. Она имела важное стратегическое значение как форпост выхода России в Балтийское море. ¹⁸ Для начала Петр I использует веками апробированный путь доставки информации — письма и налаженный при его отце Алексее Михайловиче А. Л. Ординым-Нащокиным, возглавлявшим русское правительство, регулярный почтовый тракт, ямскую гоньбу и сеть агентов. ¹⁹

На другой день после победы, 14 октября Петр I пишет и посылает 8 писем-сообщений о победе своим сподвижникам (И. А. Мусину-Пушкину, Т. Н. Стрешневу, Ф. М. Апраксину и др.). Сообщения кратки и стереотипны: совпадают слово в слово или почти, имеют место обозначение — Нотебурх. ²⁰ В отличие от других посланий в письмах А. А. Виниусу и «А. Стейльсу вместе с другими лицами» есть замечательные исторические слова с незначительным разночтением: «Правда, хотя и зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, разгрызли, но не без тягости, ибо многие наши медные зубы от того испортились». Чуть позже 18 октября Петр I посылает письмо к польскому королю Августу II, рассказывая несколько подробнее о взятии им «самой знатной крепости». Место, откуда

послано письмо, обозначено знаменательно: «Из завоеванной нашей наследной крепости Орешек». Тогда же царь Петр отправляет сообщения такого рода голландскому и прусскому резидентам. ²¹

Конечно, письма имеют конкретный адресат, но Петр I понимает, что и его сподвижники, и резиденты станут источниками важной информации для других. Напомним, что тогда в человеческом общении в связи с узким кругом носителей информации письма имели иное коммуникативное значение. Они обычно содержали не только интимную, личностную информацию, но и сообщения из жизни общества. И позднее, как показывает переписка царя, он постоянно будет практиковать тиражирование однотипных посланий о важных событиях разным адресатам. Кроме того, получившим письма Петра I была понятна и роль произошедшего события: даже в ответах резидентов оно рассматривается как выход России к морю. Фандер-Гулст (Голландия) пишет: «...Вы взятием сея крепости себе гавен на Балтийском море открываете». Георг Яган фон-Кейзерлинг (Пруссия) подчеркивает, что приход к морю «обещает процветание торговли и благосостояния подданных». ²²

О таком событии естественно надо было рассказать более полно, показать другим странам и своему народу всю его важность. 15 и 16 декабря Петр I принимает известные указы, являющиеся теми документами, которые дают основание говорить об **учреждении периодической печати в России в 1702 г.** ²³ Повеление Петра I от 15 декабря 1702 г., записанное боярином И. А. Мусиным-Пушкиным, руководившим Монастырским приказом, гласило: «Куранты, по нашему Ведомости, которые присылаются из разных государств и городов в Государственный Посольский и в иные приказы, из тех приказов присылать те ведомости в приказ книг печатного дела, а как те ведомости присланы будут и еще на печатном дворе печатать и те печатные ведомости, что останется за подносом — продавать в мир по надлежащей цене». В указе от 16 декабря царь приказывал: «По ведомостям о воинских и о всяких делах, которые надлежит для объявления Московского и окрестных государств людям печатать куранты, а для печати тех курантов» присылать из всех приказов без промедления на Печатный двор ведомости, то есть в указе делается акцент на то, что ведомости будут источником информации и для отечественной, и для зарубежной аудитории. ²⁴

16. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Т. 3. Господство Дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. XVIII столетие. Петроград: изд-во П.П. Сойкина. 1915. С. 15–16.

17. Там же. С. 37.

18. См. об истории борьбы за крепость: Кирпичников А.Н., Савков В.М. Крепость Орешек. Л.: Лениздат. 1972.

19. См.: Вигилев А.Н. История отечественной почты. М.: Издат-во «Связь». 1977.

20. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2 (1702–1703). СПб., 1889. С. 90–94, 415.

21. Там же. С. 94, 96, 415–416. Стейльс (Стелц) — английский купец.

22. Там же. С. 415. Использование стереотипных писем Петром после разгрома запорожцев и особенно после победы под Полтавой см.: Т. 9. Вып. 1. М.–Л., 1950. С. 193–194, 226–284.

23. См. подробно: Жирков Г.В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб.: Роза мира, 2003.

24. Покровский А.А. К истории газеты в России // Ведомости времени Петра Великого. Вып. 2. 1708–1719 гг. М., 1906. С. 61; Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1 собрание. Т. IV. М., 1830. № 1921.

В сложившейся ситуации и в соответствии со своим характером Петр не мог отложить на какое-то время выпуск московских ведомостей. Тем более, что накопленный ранее материал дал возможность сразу же осуществить замысел: 16 декабря 1702 г. появляется первый номер ведомостей, составленный из заграничных новостей, «присланных чрез почту» еще 5 декабря. На другой день выходит второй номер, названный «Ведомости Московского государства» и начинавшийся отчетом о триумфальной встрече в Москве Петра I-победителя, взявшего крепость Нотебург, переименованную им в Шлиссельбург — город-ключ, открывавший выход России к морю.²⁵ В нем сообщалось, что Петр I «преславно победив шведа на разных местах, многие грады крепкие и землю его опустошив, в полон офицеров благородных многое число и солдат побрал... завоеванные шведские артиллерия многое число привез которую взял в Мариенбурге и Слюсенбурге». Говорилось о благородстве русского царя: пленных «многих добротным своим сердцем на свободу пустил». Кроме того, в газете помещена важная заметка «В Слисенбурге» о деятельности А. Д. Меншикова, назначенного губернатором возвращенного стране города: «Господин Губернатор много крепости прибавил и хлебных запасов много приготовил».

Петр I придавал важное значение тому, как проходило празднование победы. Он считал, что праздник имеет большое воспитательное значение: он закрепляет в памяти народа событие, создает впечатление соучастия в нем и дает представление о том, что усилия царя и народа были потрачены не зря, страдания искуплены. Царь не жалел средств на организацию таких праздников. «Лутчеб те миллионы на ферверк издержаны были... — замечал Петр I, — **нечто б дивное и памяти достойная вещь была, и народ, в тот час великий plezier имел**».²⁶

При триумфальной встрече в Москве после взятия Нотебурга было организовано торжественное шествие; улица (Мясницкая), по которой оно проходило, была устлана красным сукном, царь ехал в золоченой карете, а за ней волочился шлейф шведских знамен. Этим празднованием была вписана новая страница в формирующуюся традицию прославления воинской доблести и патриотического воспитания народа.²⁷

Это — все факты о долгожданной победе под Нотебургом, помещенные в номере только что созданной газеты. В противостоянии с европейской

прессой такой информации явно было недостаточно. Иностранная печать много писала о поражениях русских. Петр обращается к уже утвердившейся в практике Европы и опробованной в России такой оперативной форме подачи информации как летучий листок, позволявший сконцентрировать внимание на одном событии, рассказать о нем подробно и обстоятельно. Нарушая церковный обычай не работать в рождественскую неделю, Царь не только заставляет трудиться над выпуском листка других, но и сам работает над ним. **27 декабря 1702 г. выходит в свет первое из сохранившихся печатное издание России «Юрнал или поденная роспись, что в мимошедшую осаду под крепостью Нотебургом чинилось сентября с 26-го числа в 1702 году**».²⁸ Этим изданием был начат выпуск — реляций и журналов — боевых листков Петровской эпохи (журнал — старинное написание слова журнал, однозначное слову «реляция»).

Подчеркнем особо: **1702 год — был рубежным для русской журналистики. С него она начинает свое летоисчисление, более чем свой 300-летний путь.**

В журнале хронологически последовательно и с документальной достоверностью воссоздаются военные события с 26 сентября по 14 октября 1702 г., когда происходила осада и взятие крепости Нотебург. Поражает реализм и детализация описываемого. Вот для примера некоторые эпизоды:

«В 27 день, по утру о 7 часахъ, пришло войско наше под Нотебургъ и уставило обозъ свой. Того же дня порутчикъ гранадерской Преображенскаго полку Яков Борзой в апрошахъ или шанцахъ пушечным ядромъ убит».

«На 1 день Октября о 4-хъ часахъ по утру, тысяча человекъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ въ суда посажены, и на другую сторону Невы посланы, где неприятельский шанць и окопъ стояли, дабы оные взять, и проходъ на другой сторонъ занять, и в том щастливое спосъшествво получено, безъ потеряния единого человека, потому неприятели тот час при мужественномъ переъздъ нашихъ бѣгъ восприяли, единожды только выстрѣливъ».

«В 10 день октября одному пушкарю нашему отстрѣленъ из пушки большой палець у руки на батаріи».

Столь же реалистично и обиденно показаны действия противника, упорно оборонявшего крепость.

Во всех боевых действиях активно участвовал сам царь. Вот что писал историк Н. Г. Устрялов в 1860-е годы: «Так как Нотебург стоял на острове среди Невы, более 100 сажен от берегов, то, предвидя неизбежность штурма, Петр заблаговременно приказал перетянуть Свирские лодки из Ладожского озера в Неву, приготовленную в лесу просекою версты на три. Дело было многотрудное: царь оду-

25. Копии первых номеров Ведомостей см.: Жирков Г. В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб.: Роза мира, 2003. С. 183–187.

26. Цит. по: Соболев Н. А. Старинные гербы русских городов. М., 1985. С. 38.

27. Харлампович К. В. «Ведомости Московского государства» 1702 года // Известия Отделения русского языка и словесности Российской академии наук. Т. XXIII. (1918). Кн. 1. Петроград, 1919 (1921). Приложение. С. 15.

28. Копию журнала см.: Жирков Г. В. Эпоха Петра Великого... Приложение. С. 178–181.

шевлял солдат, сам трудился как простой работник, и в 24 часа до 50 лодок появились ниже крепости близ Русского лагеря, к великому изумлению шведов».²⁹

В журнале Петр I выступает наряду со всеми как Капитан бомбардирский и никак по сравнению с другими воинами не выделяется: «А тогожь вечера о 8 часах (4 октября. — Г. Ж.), от вышеименованнаго капитана бомбардирскаго на острове, который межъ крепостію и нашими шанцы обрѣтается, пост занят, и по учиненном окопѣ тремя стами челоуѣки осаженъ». За этими скупыми строками стоит довольно рискованное предприятие: захват под неприятельским огнем острова и укрепление на нем. Вот как (подробнее и несколько эмоциональнее) раскрыт один из боевых эпизодов с участием царя, его смелость и бесстрашие в походном журнале полководца Б. П. Шереметева: 29 сентября Петр I, «взяв с собою несколько солдат, пришел под город к берегу реки Невы, шанцы начел и опроси учинил, такоже и батарей, где имел неусыпный труд, а паче же в самом жестоком огне от неприятеля из города был». Затем, поставив пушки и мортиры, Петр I «открыл непрестанную пальбу по городу» — днем и ночью.³⁰

Если попробовать забыть дистанцию в 300 лет, то можно сказать, что осада Нотебурга выписана в жанре современного репортажа, в котором эпизод следует за эпизодом, события переданы динамично, достоверно, автор явно их участник, но в отличие от современного репортера он остается за кадром, не лезет в него назойливо: для него главное — события. Он — еще летописец, а не публицист и мифолог.

Одним из основных авторов этого первого печатного издания был сам Петр. По свидетельству И. А. Мусина-Пушкина, «первый лист поднесен был его Величеству на апробацию, на котором его Величество собственною своею рукою исправлять и к печатанию отдавать изволил, и оный лист хранится в типографской библиотеке». Действительно, на рукописи журнала есть следы его редактирования царем, что засвидетельствовано киноварной записью: «Сей перевод рукописный прислан от Великого Государя за его царским правлением. В лето Господне 1702 месяца декабря 27. Числом 12 листов». Петр правил не только слог, ошибки, но и вносил в текст уточнения. Так, к словам «железных мортиров» он добавил слова «и пушек»; в другом случае уточнил о пушке, что она «лита при деде царя Иоана Васильевича» и т. д.;

Уже в декабре 1702 г. царь повелел сделать 9, а затем 6 медных досок для гравирования «новозавоеваннаго г. Шлиссельбурга». Адриан Шхонебек изготовил гравюру «Осада крепости Шлиссельбург» (139). 21 января 1703 г. Петр I посылает экземпляры

только что выполненной гравюры с изображением осады Шлиссельбурга в Амстердам бургомистру Николаю Витзену и адмиралу Корнелию Крюйсу, затем две гравюры в Стамбул послу П. А. Толстому. Любопытный ответ царь получает от Н. Витзена: «Повседневное зрение (гравюры. — Ред.) напоминает и представляет мне непрестанно храбрость и российское ратоборство души».³¹ Этими словами бургомистр как бы подтверждает выполнение Петром I поставленной перед собой задачи — дать новое восприятие о возможностях России.

И гравюра, как и листок, появилась в свет под присмотром царя. Тогда же он ввел в практику создание указателей к планам-схемам сражений и гравюрам — «числ толкование» или «литеры, которые значат места, как бой начался и кончился». К примеру, Петр написал такое «числ толкование» к плану-гравюре на взятие Нотебурга: «1: Город Нотебурхъ, которой по взятіи преіменованъ Шлютебургъ. 10: Просьченойлъс. Сквозь которой волокли лотки. 14: Апроши (шанцы). 15: Кетель с мартіры полковника Гошки. 16: Две батаріи маеора Гінтера. 17: 18: Кетель капітана бомбардірскаго преображенскаго Полку (то есть, Петра I). 19: Три бреша (проломы). 20: батаріи зарьчныя. 22. Лотки с пріступными охотніки. 23. Помочь охотнікамъ». Указатель завершался комментарием: «Таковым образом, чрез помочь Божію отечественная крепостьсія возвращена, которая была в неправдівыхъ (неприятельских) рукахъ 90 лѣтъ» (139).³²

По размеру Журнал в 4 раза превосходит первые два номера ведомостей. Ведомости от 2 января 1703 г. состоят из 4 страничек книжного формата по 27 строк. Журнал представлял собой листок современного журнального формата из 2 страниц, разделенных каждая на 2 колонки. Он сначала имел тираж 1000 экз. (500 экз. с русскими цифрами, 500 — с арабскими), но, вероятно, Петру показалось этого недостаточно, так как был большой дополнительный тираж.³³ Журнал был разослан русским дипломатическим представителям в Вену, Гаагу, Копенгаген, Париж и др.

В честь славной победы была написана «комедия» на взятие Орешка. О ее создании дьяки Посольского приказа известили театрального распорядителя Иоганна Кунста уже 24 октября 1702 г., когда не прошло и двух недель после события. О ее предстоящем представлении сообщалось в одной

31. Письма и бумаги... Т. 2, С. 119–120, 128, 455; Кротов А. Взятие шведской крепости Нотебург. СПб., 1896; Алексеева М. А. Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 186.

32. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 66; Погорелов В. Материалы и оригиналы Ведомостей 1702—1727 гг. // Библиотека Московской Синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. IV. М., 1903. С. 5.

33. Тираж был не востребован (не было системы распространения). В одном из синодальных реестров 1752 г. о ненужных книгах и листах говорится о том, что 3462 экземпляра этого журнала пошли на обертку вновь выходящих изданий. См.: Пекарский П. П. Указ. соч. С. 66–67.

29. Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858–1863. Т. 4. Ч. 1. С. 199.

30. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2 (1702–1703). СПб., 1889. С. 422.

из первых рекламных печатных афиш — летучем листке «Торжество мира православного», рассказавшем о программе представления и распространении по Москве.³⁴

Петр I посчитал необходимым показать со всей полнотой не только это событие, но и реакцию на него в других странах, в том числе и в Швеции. Говоря современным языком, он провел с помощью Ведомостей мощную пиар-кампанию вокруг победы под Нотебургом. В номере от 2 января 1703 г. этому событию отведена из 4-х целая страница. Любопытно, что в информации «из Ниена (Ниеншанца) во Ингерманляндской земле октября в 16 день» крепость названа Орешком (явная правка редакции). Этим проводится мысль о том, что освобожденные от шведов земли исконно русские: «Мы здесь живем в бедном постанвлении понеже Москва в здешней земле зело не добро поступает и для того многие люди от страха отселе в Выборг и в Финляндскую землю уходят, взяв лучшие пожитки с собою. Крепость Орешек высокая, кругом глубокою водою объята, в 40 верстах отселе, крепко от московских войск осажена...» Еще в 6 номерах даны отклики иностранной прессы на битву под Нотебургом, чем подчеркивается внимание общественного мнения Европы к событию.

Большой интерес представляет отражение в газете развернувшейся между Петром I и Карлом XII **информационной войны**: «Царь некоторых полоняников назад отослал и чрез письма везде разгласити велел и жителям Лифляндским ведомо учинити указал, что все безчинства против указа его учинены и что он их если они похотят в его защищение принять изволит и от всех податей и налог свободит...» Со своей стороны, «против того генерал Шлиппенбах иное письмо по всей земле всенародно объявити приказал» (но оно благоразумно редакцией не оглашается). Это сообщение дополнено выгодной для России публикацией «Из Гамбурга декабря в 5-й день»: «Сие истинно есть, что полковник Шлиппенбах, крепость Нотебург, от 1612 году и так 90 лет под владением свейским бывшую, москвичам октября в 13 день сдати принужден был...»

Одновременно Ведомости печатают заметки из стана врага, еще полные оптимизма: «Из Нарвы в 31 день: сентября в 26 день московские войска 10 тысяч на сей стороне Невы при Нотебурге между русским и ингерманляндским рубежи пришли и стали тамо и учили шанцы делать, за 500 шагов от крепости на сей стороне реки. Войско наше с генералом Кронортом стоит на той стороне реки между Нотебургом и не всю имеет пехоту и конницу, и пушечный снаряд и возбраняет русским войскам переправы на Неве реке, которые наудачу туда пройдут ли. Намерены крепости той Нотебургу, пушками досаждают, но что вся из камня построена и войска добрые в ней в осаде суть и вновь 90 человек в ту введено и тако ныне нечего опасаться».

34. Быкова Т.А., Гуревич М.М. Описание изданий, напечатанных кириллицей (1689-1725). М., Л., 1958. С. 87–88.

Такие публикации, появившиеся в газете после сравнительно давно произошедшего события, тем не менее, имели глубокий смысл. Они показывали силу поверженного противника, прочность взятой крепости, вселяли оптимизм перед предстоявшими новыми сражениями.

На закрытие номера от 15 января 1703 г. было поставлено сообщение из Амстердама, где умело в ходе развернувшейся информационной войны используются в газете слухи и через какое-то время их опровержение: «декабрьское сообщение добавляет, что москвичи Выборг осадили, но больше уверяют в том, что они из замка Нотебург вывезли пушки, порохом взорвать его велели и под Нарву пришли». Так преподнесенный полуслух-полуправда оставляет полное впечатление об успешности боевых действий москвичей, усиливает его. 2 февраля в газете опять помещено сообщение по слухам (из Стокгольма), где после названия крепости Нотебург поставлено старое его наименование Орешек. 16 февраля ведомости уже разоблачают слухи, но через иностранные источники, которым явно больше поверят и на Западе, и отчасти на Востоке.

Наконец, в одной из последних в 1703 г. новостей о Нотебурге в июле из Ревеля говорится уже о настроениях от побед России: «и о том печалимся, что Москва уже укоренилась в земле нашей взятием Нотебурга и Канец, Ямы... крепкие города своими людьми усадили, и с сильным войском вперед идти намерены в Ингерманландскую землю...»

Приведенные примеры, которые можно множить, раскрывают целенаправленную работу выпускающих Ведомости по усилению политического звучания фактов, их активное осмысление и продуманную их подачу. Как показывают опубликованные петровской газетой отклики на победу зарубежной прессы, проведенная Петром I политическая кампания соединенными усилиями Ведомостей и журнала о взятии Нотебурга, распространенного значительным по тем временам тиражом, раскрыла значение первой победы русских войск над шведскими, внесла определенные коррективы в представления Европы о возможностях России, ее монарха и русского войска.

Победа под Нотебургом была увековечена выпуском медали за взятие Шлиссельбурга. В тех условиях одним из средств информирования и пропаганды были и медали, содержавшие краткий комментарий события, которому они посвящались. Это была первая в России наградная медаль, которая была вручена всем участникам штурма крепости — и офицерам, и солдатам. На ее лицевой стороне был помещен портрет самодержца Петра I, на обратной — показан штурм крепости, сопровождаемый словами царя: «Был (Орешек) у неприятеля 90 лет, взят 1702 (года) октября 21» (техническая ошибка в цифре — должно быть 12 октября). В. А. Дуров, ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, замечает: «Местоположение крепости, позиции осажденных

и осаждающих переданы настолько детально, что сама по себе медаль может служить источником для изучения этого события. Нотебург располагался на острове у истоков Невы. Овладеть им можно было, только преодолев водное пространство... в штурме участвовали только добровольцы, «охотники». Эти «охотники» были посажены в заранее подготовленные лодки и под прикрытием русских артиллерийских батарей пошли на штурм. На медали изображены крепость, окутанная клубами дыма от взрывов; орудия русских, обстреливающие Нотебург (показаны даже траектории полета снарядов); множество лодок с «охотниками», с разных сторон идущими на штурм».³⁵

Активное участие Петра I в написании, редактировании, выпуске журнала и гравюры о взятии Нотебурга обеспечило их высокое качество и содержательность. Фактически этим была создана модель для последующих изданий такого типа. Журналы и реляции с планами-гравюрами и без них выходили почти после каждой победы над противником, при взятии крепостей: в 1703 г. — Новых Канец, в 1704 г. — Дерпта (Юрьева), Нарвы, в 1705 г. — Митавы, в 1706 г. — при Калише, под Добрым, в 1708 г. — при деревне Лесной, в 1709 г. — под Полтавой, при взятии Ревеля, в 1710 г. — Элбинга, Выборга, Корелы, Риги, Арнсбурга и др. (48, 49, 76, 122–124). Наряду с Ведомостями это был самый распространенный тип изданий петровской эпохи.

После успехов 1702–1704 гг., когда Россия возвратила себе почти все территории, захваченные Швецией в начале XVII века, довольно долго шла маневренная борьба, при которой Карл XII сумел заставить всех союзников Москвы выйти из войны. Шведская пропаганда получила возможность утверждать, что победа войск Карла над петровской армией недалеко. Даже разгром 28 сентября 1708 г. отряда генерала Левенгаупта вместе с большим обозом боеприпасов у деревни Лесной, ставший прелюдией последующих побед и названный Петром I «матерью Полтавской баталии», был представлен ею как победа. Основанием этому послужила реляция самого Карла XII. Но информационное поле Европы было уже другим: скрыть реальную информацию из России было невозможно. Дипломат Б. И. Куракин сообщал с иронией Петру I о распространении за рубежом «пасквиля» (фельетона) следующего содержания: «Стокгольм: играю-играю, все выигрываю, а прибыли не имею».³⁶

Петр I сразу же после победы повелел гравюру Питеру Пикарту (1668–1737) «вырезать на медных досках журнал с надписанием баталии, бывшей сентября 28 числа нынешнего 1708 года при дерев-

не Лесная». При этом сам Петр I сделал набросок плана сражения и переслал его через царевича Алексея Петровича гравюру. 25 октября гравюра была готова. Сразу же отпечатали 100 экземпляров журнала, в ноябре-декабре его тискали ежедневно и было выпущено более 500 экземпляров. Журнал назывался «Объявление баталии меж его Царским Величеством Российским и шведским генералом графом Левенгоуптом при деревне Лесной от Пропойска в двух милях сентября в 28 день 1708 года» (выходные данные: Москва, 26 октября 1708 г.). Он представлял собой большой лист (размером 75:53 см.), на одной стороне которого был помещен сверху гравированный на меди план сражения «Баталия с генералом Левенгоуптом» (размером 35:42 см.), под ним был напечатан текст в двух вариантах гражданским шрифтом и кириллицей. Кроме того, реляция была издана на голландском языке для иностранцев. Этот боевой листок расклеивался по Москве и рассылался по городам страны.³⁷

Самой большой и грандиозной была политическая кампания, проведенная Петром I по случаю победной Полтавской битвы. Царь был основным автором боевого листка о ней. Он же озаботился, чтобы листок был иллюстрирован точным планом сражения (50, 53, 58, 75, 456). 2 августа 1709 г. он послал собственноручный «чертеж о бывшей виктории у Полтавы» и приказал «вырезать доску и напечатать таких десятков пять или шесть». Через месяц 4 сентября план Полтавской баталии «купно с реляциею» был отпечатан и послан Петру I. Боевой листок назывался «Обстоятельная реляция о главной баталии меж войск его Царского Величества Российского и Королевского Величества Свейского, учинившейся неподалеку от Полтавы. Сего июня в 27 день 1709-го лета». По своему типу листок был таким же, как и предыдущий, хотя его текст и план-гравюра имели больший размер (52,5:64 см.). Листок был набран кириллицей. Реляция о Полтавской битве неоднократно переиздавалась на разных языках и распространялась среди иностранцев. Она была разослана по губерниям и епархиям. Так, в Рязанской епархии «Обстоятельная реляция» о Полтавской битве была получена 17 июля 1709 г. В одном из документов тех лет сказано: «В соборе, после литургии, всенародно (ее) читали и молебное пение 5 дней со звоном во весь день исправлено ж, и в монастырях и по всем церквам оное было...»³⁸

С помощью боевых листков и гравюр Петр I предметно, быстро и достаточно оперативно про-

35. Дуров В.А. Наградные медали России первой четверти XVIII века // Великие русские победы в медали и гравюре. К 300-летию юбилею Полтавской битвы 27 июня 1709 года в Северной войне 1700–1721 годов. Каталог медалей и гравюр из собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. — М., 2009. С. 40.

36. Григорьев Б. Карл XII, или пять пуль для короля. — М.: Молодая гвардия, 2006. С. 275.

37. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 1. М., Л., 1948. С. 213, 832–836; Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 73. В 1720-е годы по заказу Петра художник П.Д. Мартин-младший создал об этой победе картину, ставшую основой гравюры (см. в каталоге № 77).

38. Историческое обозрение Рязанской епархии / Сост. Водвиженским. — М., 1820. С. 205; Пекарский П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 195; Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. 1. Сборники / Описал А. Орлов. М., 1896. С. XI.

пагандировал за рубежом успехи русского оружия и тактического искусства полководцев России. Их более конкретный адресат — собственное войско. Для его командиров журналы и реляции служили средством обобщения опыта стратегии и тактики боя, закрепления практики его ведения на суше и на море, взятия крепости и др.³⁹ Для солдат они давали примеры поведения в бою, были источником их мужества, отваги, боевого мастерства.

Патриотическое воспитание народа — более широкая цель этих петровских листов. Они призывали служить Отечеству, быть преданным патриотом России; показывали, что их царь не щадит жизни своей в борьбе с врагом, в отстаивании интересов страны, что он и его войско своими ратными подвигами прославляли Родину. С другой стороны, эти листки были такими документами, которые помогали народу понять, куда идут средства, постоянно собираемые с него.

Петр искал возможность донести до читателя информацию более оперативно. В ходе Северной войны в 1703–1704 гг. он создает Походную гравировальную мастерскую во главе с Питером Пикартом.⁴⁰ Граверы И. Зубов, Л. Бунин, В. Томилов сопровождали армию и отражали в рисунках и гравюрах ее боевые сражения. Их «сложные натурные композиции» отправлялись в Москву в мастерскую А. Шхонебека. «Так возникли, — пишет Е. И. Гаврилова, — превосходные листы с изображением осады и штурма Нотебурга и Ниеншанца (1703), Юрьева и Нарвы, а также выполненный Пикартом первый вид новопостроенной крепости Санкт-Петербурга (1704)».⁴¹ Работавших в походной типографии художников-графиков можно назвать **первыми русскими военными репортерами**.

Одновременно Петр заботился и о том, чтобы с помощью гравюр пропагандировались и прославлялись победы русского оружия. По его приказу с этой целью в 1715–1717 гг. граверы были направлены в города, возвращенные России. Местные власти должны были всячески помогать им в работе, в итоге которой были изготовлены виды Выборга (А. И. Ростовцев, одна из лучших гравюр), Риги (Г. Девит), Пернова (П. Пикарт), Ревеля, Нарвы, Нейшлота. Кабинет-секретарь А. В. Макаров писал, например, коменданту Риги: «Царское величество указал послать от селы доносителя сего письма гравировального мастера Гендрика Девита для рисования рижского прешпекту и когда оной Девит у вас явится, тогда изволте приказать рижским инженерам, чтобы они с ним в том деле обще трудились и сделали б на том абрисе с которой стороны была

атака и бомбардирование и где были батареи и касели и все, что к тому принадлежит и по окончании того абриса изволте его отправить сюда, таков отдан приказ и ревельским обер комендантам 14 мая».⁴²

Постоянно в поле зрения петровской печати были и морские сражения, главные из которых проходили под руководством царя-флотоводца. Гравюры о них представлены в собрании Воронежского художественного музея наиболее полно. Среди них — гравюры о блестящей победе русского флота над шведским в бою у полуострова Гангут 27 июля 1714 г. Петр I придавал ей такое же значение, как и победе под Полтавой. Редакция Ведомостей выпустила «Реляцию о случившейся морской баталии между российской авангардиею с швецкою эскадрою» гражданским шрифтом в Петербурге, церковно-славянским — в Москве. Она была издана на немецком языке в Лейпциге. Реляция была украшена гравюрой П. Пикарта (107).⁴³

В сентябре состоялась торжественная встреча Петра I после победы. В связи с этим был специально подготовлен праздник и военно-морской парад, устроены двое триумфальных ворот, состоялся фейерверк, был напечатан листок-конклюдия «Объявление нынешнего триумфального входа его Царского Величества в Санкт-Петербурх, которой каким образом будет, и то указывает по нумерам ниже сего». Об этом же событии П. Пикарт, А. Зубов, Г. Девит создали гравюры, подробный отчет был помещен в газете «Europaische Fauna», выходившей в Лейпциге.⁴⁴

Петр I сам руководил Гангутским сражением: в Ведомостях он представлен как Петр Алексеев сын Михайлов — «шаутбенахт» корабельного флота, то есть контр-адмирал. Всем было известно, что этот чин имеет только царь. Газета в своей реляции показала возросшее тактическое и боевое мастерство военачальников молодого русского флота. Благодаря выполненным ими маневрам, бесстрашию моряков, шведская эскадра была разбита, а ее контр-адмирал взят в плен. «Воистину нельзя описать мужество наших, как начальных, так и рядовых», — констатировала редакция Ведомостей (1714. 21 августа). Сенат приветствовал героя сражения Петра I и за верную службу Отечеству присвоил ему следующий воинский чин — вице-адмирала.⁴⁵

42. Иогансен М.В., Кирпичников А.Н. «Петровский Шлиссельбург» (по новооткрытым архивным материалам) // Русское искусство первой четверти XVIII века: Материалы и исследования. М., 1974. С. 46.

43. Музей располагает частью гравюры см.: Петровская гравюра. Из собрания Воронежского областного художественного музея... С. 59; полная гравюра есть в книге: Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 136.

44. Морозов А.А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве петровского времени // XVIII век: Сб. 9. Проблемы литературного развития в России первой четверти XVIII века. Л., 1974. С. 337–338.

45. Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996. С. 164–177.

39. Погорелов В. Материалы и оригиналы Ведомостей 1702 — 1727 гг. // Библиотека Московской Синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. IV. М., 1903. С. 5.

40. Макаров В.К. Из истории петровской гравюры (Походная гравировальная мастерская 1703–1704 гг.) // Книга: Исследования и матер. Кн. 4. М., 1961. С. 272–274.

41. Гаврилова Е.И. Графика // Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 4. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 158.

В декабре 1714 г. А. Зубовым была закончена гравюра «Вид Васильевского острова и триумфального ввода шведских судов в Неву после победы при Гангуте». Это было настоящее художественное произведение, показывающее первый военно-морской парад в новой столице: по Неве проходят под парусами, с пальбою русские суда и десять судов, отбитых у шведов; у пристани и по Троицкой площади изображено шестие военнопленных во главе с шатбенахтом Н. Эреншёльдом и войск Петра I.

Ко дню парада был выпущен листок с программой этого морского праздника.⁴⁶ В 1715 г. вышла в свет новая гравюра А. Зубова «Баталия близ Гангута», представлявшая само сражение (52). В 1720-е годы Петр

I заказал еще одну гравюру, посвященную этому незабываемому событию, французскому мастеру: Морис Бакуа исполнил по оригиналу Мартена Младшего гравюру «Морская баталия у Гангута».⁴⁷

Освещением в печати первой морской победы была положена традиция, получившая продолжение. В коллекции гравюр Воронежского художественного музея есть две гравюры Алексея Зубова о второй большой победе на море 27 июля 1720 г. — при Гренгаме — «Торжественный ввод в Санкт-Петербург четырех шведских фрегатов, взятых в плен в сражении при Гренгаме» и «Сражение при Гренгаме 27 июля 1720 г.» (57, 58), а также 4 гравюры Ивана Зубова, посвященные Ботику Петра Великого — морской реликвии, хранящейся до сих пор в Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге (70-73).

Апофеозом морской темы является освещение в печати командования Петром I четырьмя соединенными флотами — русским, английским, голландским и датским. Это был звездный час его флотоводческой деятельности. «По сигналу царя-адмирала авангардию составили 16 английских кораблей, кордебаталию (среднюю часть) датчане в числе 17 кораблей, арриергардию составили 13 русских фрегатов. Вне линии, против середины кордебаталии шел под царским штандартом корабль «Ингерманландия», и за ним отдельная линия из 4 русских фрегатов и шняв — легких посыльных судов. 25 голландских кораблей, 3 английских, 2 датских и несколько русских составили отдельный отряд».⁴⁸ Основной задачей союзных сил было запретить шведскую военную гавань Карлскрону.

Об этом событии рассказывалось в номере газеты «Санктпитебургх. Ведомость. Из Копенгагена от 26 августа», но основным источником информации стала реляция

«Ведомость в письме его царского тайного советника и барона Шафировва к его светлейшему князю

Меншикову. Из Копенгагена в 7 день августа, 1716, писано».

Эта реляция вышла в Петербурге 3 сентября с гравюрой на меди, имевшей надпись «Линеа де баталии соединенных флотов, которые под высокою его Царского Величества Всероссийского командою, обретаются». В ней подчеркивалось: «Такой чести никоторый монарх от начала света не имел, что его Величество изволил ныне командовать четырёх государств флотами».

Насколько большое значение Петр I придавал всей этой печатной, пропагандистской деятельности, говорит то, что он сам постоянно участвовал в распространении такого типа изданий. Это делало их особенно ценными: получить из рук Петра I такой подарок значило оставить его на вечную память в семье, в своем роду. В делах Санкт-Петербургской типографии за январь 1715 г. есть следующая запись: «Напечатано морской баталии на александрийской большой руки бумаге с подпечатанным наборным юрнalom той же баталии... Поднесено Царскому Величеству 70, а в том числе без подбору юрнала 50... а 20 вышеупомянутые с юрналами в церкви Царскому Величеству, которые изволили раздавать господам министрам».⁴⁹ Эти факты показывают, что журналы и реляции могли выходить и с гравюрами и без них; что они распространялись в людных местах, особенно у церквей. Их содержание использовалось в проповедях священников. Боевые летучие листки продавались в книжных лавках при типографиях. Например, в Петербургской лавке за 1715-1718 гг. было реализовано 1016 разных реляций.

При этом многие листки «подносились» бесплатно. 27 февраля 1709 г. И. А. Мусин-Пушкин напоминал Ф. Поликарпову, который только что отпечатал реляцию о сражении при Рашевке: «На Москве знатным персонам поднеси по прежнему обыкновению, как духовным, так и мирским и в народ продавать вели». Поскольку тогда переписать издание было дешевле, чем напечатать, жизнь некоторых реляций продолжалась и в рукописном виде. Так, в сборнике рукописей под одной обложкой вместе с другими произведениями «купецкий человек» из Великого Устюга собрал 19 копий, в том числе реляций о взятии Нарвы, Дерпта и др.⁵⁰

Существенным и новым достижением описываемого нами информационного процесса Петровской эпохи было **сочетание в нем текстовой и изобразительной информации**. Впервые столь серьезное внимание было обращено на эту особенность массовой коммуникации. Петр I считал необходимым иллюстрировать любую печатную продукцию. В период его правления в России складывается настоящая школа гравирования, подго-

46. Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 134.

47. См.: Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 138.

48. Князьков С. Из прошлого Русской земли: Время Петра Великого. М., 1991 (репринт с издания 1909 г.). С. 169-170.

49. Калязина Н.В., Комелова Г.Н. Русское искусство Петровской эпохи. Л., 1990. С. 197.

50. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2. М., 1952. С. 721; Лупов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 138, 109.

товленная на отечественной почве и обогащенная европейским опытом. Мастера-граверы этой школы хорошо представлены в коллекции Воронежского художественного музея.⁵¹

Первым русским гравером считают Леонтия Бунина, создавшего «сюиту Страстей и листы для Синодики». В 1647 г. в Москве была напечатана по рисунку иконописца Г. Благушина гравюра «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», исполненная в Голландии.⁵² Ее можно рассматривать как предтечу петровских боевых гравюр.

На заре своей деятельности Петр пригласил к себе на службу известного голландского гравера Адриана Шхонебека (1661–1705), который стал работать в Москве с 1698 г. в Оружейной палате (136–164), где была создана гравировальная мастерская и где выросли русские мастера Алексей Зубов, Петр Бунин и др. В научной искусствоведческой литературе существует мнение о том, что Шхонебек — «поверхностный рисовальщик, искажавший оригинал». Он якобы ничего не создал.⁵³ При этом не учитываются по крайней мере два момента:

— в эпоху Петра Великого только налаживалось массовое, хотя и относительно, производство гравюр (и «для продажи в народ»), сам уровень технических возможностей в России тех лет;

— гравюра должна была отражать текущие события; она была рассчитана на информирование аудитории. Это был социальный заказ.

Мастерская Оружейной палаты готовила разнообразную изобразительную продукцию к триумфальным приемам царя и фейерверкам, регулярно проводившимся после побед Петра I, а также техническую и военную гравюры, карты и др. В 1702 г. был принят на государеву службу новый талантливый гравер Питер Пикарт, работавший в гравировальной мастерской Печатного двора. У него тоже были ученики: Зубов, Василий Томилов и др. Они обеспечивали выпуск реляций (журналов) о боевых сражениях.

Именно по указаниям Петра были предприняты попытки иллюстрирования и газеты. Так, номер Ведомостей от 20 сентября 1722 г. открывался гравюрой с видом на Неву, Петропавловскую крепость и Троицкую площадь. Гравюра есть в Воронежском собрании (1032). Петровские боевые листки, реляции сопровождалась картами, схемами и гравюрами. К некоторым из них, наиболее важным, царь присылал собственные схемы, планы, например, о сражениях за Нотебург, под деревней Лесной (77), «чертеж о бывшей виктории у Полтавы» (50, 53, 75).⁵⁴

51. См. подробно: Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л., 1990; Петровская гравюра. Из собрания Воронежского областного художественного музея... С. 21–77.

52. Типографский календарь на 1922 год / Под ред. И.Д. Галактионова. — Петербург: ГИЗ, 1922. С. 105.

53. Там же. С. 105.

54. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1. М., 1950. С. 333; Вып. 2. М., 1952. С. 1162.

Понимание того, что характер изображения существенно влияет на восприятие аудиторией текста, привело Петра I к идее изменить его графику, создать гражданский алфавит и шрифт. Эта деятельность Петра, его подход к печатному делу получили обобщение в указе об учреждении Академии наук и университета от 22 января 1724 г., где подчеркивалось: «Без живописца и градыровального мастера обойтись невозможно будет, понеже издания, которые в науках чиниться будут (ежели оные сохранять и публиковать), имеют срисованы и градырованы быть».⁵⁵

Среди светских летучих листков выделялись синтезирующие изображение и текст, искусство (гравюра, поэзия, проза) и общественно значимую информацию листки-гравюры на злободневную тему, о значительном событии, и конклюдии. Получила распространение и такая разновидность летучего листка, как **гравюра** — тиражированное произведение искусства, имевшее тогда обычно и коммуникативное, информационное значение. Такой листок легко воспринимался неграмотной, малограмотной и иноязычной аудиторией. Все имели возможность лицезреть боевую хронику далекой эпохи: в гравюрах тех лет, прославлявших победы России, изображены осады крепостей и замков, битвы на суше и на море, виды завоеванных и возвращенных Родине городов. К 1720 г. число таких листов-гравюр достигло 50.⁵⁶

Они выполняли тогда как информационную, пропагандистскую функцию, так и эстетическую, использовались как произведения искусства. Ими украшали стены комнат и спальни Зимнего дворца, жилые офицеров и горожан, избы поселян. Абрисы (офорты) наклеивались на холст, натянутый на простые белые рамы и так продавались. С этой целью абрисы неоднократно дорисовывались. В описи продукции, проданной в 1715–1718 гг. книжной лавкой Печатного двора, значатся абрисы Полтавской баталии (9 экз.), взятия Нарвы и Выборга, награвированные вновь на простой бумаге и продаваемые по 6 денег (47 экз.).⁵⁷ Листки и гравюры о наиболее важных военных победах, к примеру, о сражении с генералом Левенгауптом (77), о Полтавской битве, Гангутском морском бое (52, 59), тиражировались постоянно. В архивах Печатного двора сохранилось на этот счет немало документов:

55. Проект положения об учреждении Академии наук и художеств, утвержденный Петром I. 1724. Января 22. // История Академии наук СССР. Т. 1. М., 1958. Приложение № 1. С. 432. С этого времени начинается отсчет истории отечественного университета как учебного и научного центра.

56. Куприянова Т.Г. Печатный двор при Петре I. М., 1999. С. 110; Русская светская гравюра первой четверти XVIII века / Сост. В.К. Макаров. — Л., 1973. С. 114; Макаров В.К. Из истории петровской гравюры (Походная гравировальная мастерская 1703–1704 гг.) // Книга: Исследования и матер. Кн. 4. М., 1961. С. 274.

57. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 692.

«В 1716 г. марта в 1 день по писму дома царского величества служителя Василия Мошкова для посылки в Берлин напечатанных в 40 листах пищевой бумаги баталий Полтавской»...

«В 1716 г. марта в 1 день по писму... для посылки в Берлин, напечатанных на 40 листах пищевой бумаги вшествия с викториєю в Москву и Санкт Питербурх и взятых шведских городов 25».

В сентябре 1720 г. кабинет-секретарь А. В. Макаров отправил в Голландию послу князю Б. И. Куракину «подносных листов 100 картин, печатанных градированными досками всех баталий прешпектов».⁵⁸

Гравюры издавались не только в России, но и за рубежом. Так, Петр I заказал изготовить во Франции по рисункам художника Мартина Младшего гравюры «Полтавская баталия» и «Битва близ Гангута». При этом уделялось большое значение и тексту, который давал конкретную информацию с учетом новой аудитории. Листок-гравюра, посвященный разгрому шведов под Переволочной, в русском варианте гласил: «Изображение конечного разрушения шведской армии от российского войска после главной Полтавской баталии случившейся недалеко от Переволочны где она без всякого супротивления ружье свое положила состоящая в 18000 пред нашими 9600 болше июня в 30 день 1709 году». 26 марта 1722 г. Василий Долгоруков сообщал Петру I, что заказанные во Франции гравюры о победах под Лесном, Пропойском, при Гангуте готовы.⁵⁹

Русские послы и агентура достаточно широко распространяли в разных странах и переводные летучие листки, и гравюры, как наиболее доступную зарубежной аудитории информационную продукцию, обладавшую силой изобразительного искусства. Эта же продукция, как составной элемент информационной войны, поставлялась за рубеж и из России. С ее помощью другие государства, особенно участники Северной войны: Голландия, Дания, Польша, а также Турция, оповещались о росте могущества России, ее влияния на мировую политику. Именно в эти страны чаще всего посылались подносные, как правило, послам, дипломатам летучие листки — гравюры и конклюдии, книги.

«В первой четверти XVIIIв. русская графика в качестве самостоятельного вида искусства занимает одно из ведущих мест в художественной культуре, — пришла к выводу искусствовед Е. И. Гаврилова, отмечая при этом и ее информационно-пропагандистское значение. — Утверждение абсолютизма, начавшиеся государственные преобразования потребовали пропаганды петровских реформ, наглядного воплощения новых политических и просветительных идей. Одним из действенных средств прославления обновляющейся России

стала графика, решавшая в то время не только прикладные, но и идеологические, просветительские задачи».⁶⁰

Особое место в графике и пропаганде тех лет занимала **конклюдия** — одновременно и тип летучего листка, отражавшего особенности культуры петровской эпохи, пронизанной чертами барокко, которое тогда испытывало расцвет. Для барокко характерна тенденция к сближению различных видов искусства и их взаимопроникновение, в том числе слова и изображения. Смысл конклюдии вытекал из их совокупности, их сочетания и сопоставления, где текст играл важную и композиционную роль. Его помещали в картушах, рамках, в качестве реплик героев, девизов и т. д. Конклюдия пронизывало сопоставление, контраст: низ и верх, небо и земля, свет и тьма, добро и зло, Бог и дьявол.

Искусствовед-историк М. А. Алексеева рассматривает конклюдии как особый вид произведений сложного аллегорического содержания, для которого свойственно сочетание множества разнородных элементов: портреты, виды городов и сражений, тексты, играющие существенную роль в композиции, картуши, орнамент, гербы. Важным качеством изобразительного ряда этого жанра было «сочетание земного с небесным», духовного со светским. В 1717 г. по инициативе одного из церковных сподвижников Петра Феофана (в миру — Елеазар Прокопович; 1681–1736) П. Пикарт изготовил конклюдия «Петр I в родословии» (108). В качестве образца гравер обратился к известной иконе Симона Ушакова «Древо Московского государства, похвала Богоматери Владимирской». Используя ее изобразительный сюжет «древа», Пикарт поместил фигуру Петра I на высокий постамент, на фоне баталий и в окружении портретов русских царей и великих князей. Текст конклюдии написал Феофан Прокопович. В том же году А. Ф. Зубов гравюрует «Конклюдия о престолонаследии», посвященную Екатерине Алексеевне. В этом листке текст занимал более трети его площади.⁶¹

Из синтетичности конклюдии вытекала ее смысловая многослойность, что делало ее похожей «на книгу и на древнерусскую книжную миниатюру», отчасти икону, поскольку **«слово в живописи как бы останавливает время»** и происходит «совмещение времен», обращение к вечному.⁶² Текущее событие, которому посвящалась конклюдия, включало ее в коммуникативный и информационный процессы; делало ее достоянием не только

60. Гаврилова Е.И. Графика // Очерки русской культуры XVIIIвека. Ч. 4. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 157.

61. Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 12, 125.

62. Алексеева М.А. Жанр конклюдии в русском искусстве конца XVII — начала XVIIIв. // Русское искусство барокко: материалы и исследования. М., 1977. С. 7–29; Кукушкина Е.Д. Текст и изображение в конклюдии Петровского времени // XVIII век. Сб. 15. Русская литератураXVIII века в ее связях с искусством и наукой. Л., 1986. С. 21–36.

58. Куприянова Т.Г. Указ.соч. С. 102; Приложение. С. 150–152.

59. Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 169; Куприянова Т.Г. Указ.соч. С. 112; Пекарский П.П. Указ. соч. С. 601.

искусства, но и журналистики тех лет. Конклюзии достаточно характерный подтип летучего листка для того периода. Известный русский гравёр И. Ф. Зубов (1677–1743 гг.), творчество которого тоже представлено в воронежской коллекции (66–74), сделал несколько конклюзий для Славяно-греко-латинской академии, отразивших в сложной аллегорической форме ее программы. Он же создал «большие конклюзии»: прославляющую победы Петра I в Северной войне и в 1715 г. — на рождение потомства Петра I, двух царевичей («Пресветлому царскому Богом сопряженному союзу»).⁶³

Значительное место в числе листов-гравюр занимают **панегирики**, прославлявшие победы русского оружия. Они вписываются в общую систему популяризации и проведения Петровских реформ, где панегирик стал «важным инструментом», опирающимся на традиции Церкви. Панегирическая проповедь в это время приобрела несколько иное значение. Главной ее задачей становится прославление царя. «В контексте общественных ритуалов, в которых визуальный аспект (иконография, жестика, одежда) играл первостепенную роль, — отмечает итальянский исследователь Риккардо Николози, — панегирик выполнял скорее дополнительную функцию, но вместе с тем он стал важной вехой в развитии панегирического жанра в России. Феофан Прокопович, Стефан Яворский, Гавриил Бужинский и др. наполнили панегирическую проповедь и прославляющую речь новым общественно-политическим содержанием и вывели эти жанры за пределы придворной культуры». Р. Николози называет панегирик — «одним мощнейших механизмов пропаганды Петровской эпохи». ⁶⁴

Празднование побед в Московском государстве Петр I превратил в особый, разработанный при участии самого царя ритуал панегиристов: стихотворцев и публицистов, типографов, художников-гравёров. Листки такого типа дифференцировались на триумфы (с изображением триумфальных ворот), фейерверки, панегирики-приветствия и слова духовных публицистов. Они были лишь текстовым, знаковым выражением того значительного коллективного действия, близкого по своему характеру к народному карнавалу, сопровождавшего каждый ратный успех Петра I и его войска. Чаще всего это были парады Победы — в Москве или военно-морские парады — на Неве — заранее подготовленный праздничный ритуал, включавший:

— строительство триумфальных ворот, их число определялось значимостью победы (138, 459); к примеру, в воронежской коллекции представ-

лена типичная гравюра «Врата триумфальные строены трудами школьных учителей» (1710 г.); — информационное обеспечение: сообщение в Ведомостях и реляциях — летучих листках, переводимых по возможности на иностранные языки, в выпуске гравюр и конклюзий, медалей и др.;

— торжественное шествие через триумфальные ворота — парад войск или флота в сопровождении боевых трофеев и военнопленных; так, в воронежской коллекции представлена наиболее распространенная гравюра «Торжественное вступление русских войск в Москву после Полтавской победы 21 декабря 1709 г.» (104);

— церковный церемониал, который включал торжественную встречу иерархом царя — при стечении большого числа народа, произнесение иерархом проповеди в честь монарха и его побед. Уже митрополит Стефан Яворский сказал Слово о взятии Нотебурга, насыщенное аллегорическими сравнениями, но при этом он уже использовал светский элемент — известное петровское выражение о том, что крепкий Орешек был успешно разгрызен, и то, что он получил знаменательное название Шлиссельбург — ключ-город. Основным же панегиристом побед Петра I будет Феофан Прокопович⁶⁵. Выступления духовного публициста во время победных торжеств имели важное коммуникативное значение тогда, когда Церковь играла самую значительную роль в народной жизни. Слова и Приветствия Прокоповича печатались тиражом 300–600 экз.

— символический фейерверк (114, 137, 144 — 146); в воронежской коллекции представлена интересная гравюра «Фейерверк и иллюминация 7 мая 1724 года в Москве во время коронации имп. Екатерины Алексеевны» (74).

— наконец, обильный праздничный стол.⁶⁶

Произведения, сопутствовавшие празднованию Победы, вобрали в себя опыт духовной литературы (панегирики, слова) и светского искусства той эпохи — гравюры, обычно воплощавшей шествие победителей с их трофеями через триумфальные ворота и изображение фейерверка. Историки-библиографы относили их к афишам того времени, что подчеркивает их коммуникативный характер. Вот, к примеру, некоторые названия такой продукции: «Изъявление торжественного входа нынешнего 1709-го года...»; на немецком языке «Beschreibung des triumphirlichen Einzugs, welcher. Cz. Maiestat in der Residenz Moscau den 21 December etc. Zn. Wien gedruckt im Iannuarii anno 1710 (4 снн.)»; «Изъявление фейерверка. 1710 году генваря в 1 день», «Объявление нынешнего триумфального входа, его Царского Величества в ворота, которой каким образом

63. Алексеева М.А. Гравюра петровского времени. Л., 1990. С. 88, 93, 140, 152–153. В собрании Воронежского художественного музея представлены 4 гравюры, посвященные ботике Петра Великого (№ 70–73, с. 44–46).

64. Николози Риккардо. Петербургский панегирик XVIII века: Миф — идеология — риторика. — М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 24–25, 81.

65. Самарин Ю. Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники. Рассуждение, писанное на степень магистра философского факультета первого отделения, кандидата Московского университета. М., 1844. С. 104–105.

66. См. подробнее: Жирков Г.В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики... С. 92–95.

будет, и то указывает по номерам ниже сего» (8 сентября 1714, Санкт-Петербург) и т. д.

Листки издавались, как правило, в виде разных подтипов конклюдий: триумф (триумфальные ворота: документально-художественное воспроизведение события, включавшее шествие через арки победы — гравюра и поясняющий ее символический текст), фейерверки (гравюра и текст), гравюры-конклюдии частных лиц (художников, поэтов, типографов и др.), нередко в стихах. В этих летучих листках главную роль играло изображение, составной частью которого была и религиозная, духовная символика. Так, передний фасад триумфальных врат Славяно-греко-латинской академии, построенных в честь Полтавской победы, олицетворял «храм Воинской Добродетели», а задний — «храм Чести». «На боковых гранях барабана триумфальных врат» было изображено чествование российского императора в храме Воинской Добродетели». ⁶⁷

Синтез изображения в стиле барокко и документального текста удачно был воплощен в «Книге Марсовой», что сближало ее с таким типом издания, как «увраж» (с фр. яз. ouvrage — работа, труд, произведение) — роскошное издание большого формата, обычно состоящее из гравюр ⁶⁸. Одним из типичных примеров такого синтеза можно назвать произведение А. Ф. Зубова, открывавшее Книгу Марсову, где изображение Петра трактуется как причастное к небесному: его голова нарисована на фоне облаков, на нее опущен луч божественного сияния, проходящий через лавровый венок славы, который несут два трубящих ангела, чтобы возложить его на Петра I. Справа изображен орел, в его лапах — молнии, предназначенные врагам царя. В глубине конклюдии просматривается вид сражения, по сторонам в качестве его участников предстают античные боги: Нептун и Марс, обсуждающие ход битвы, и Геракл, занесший дубинку над врагом. ⁶⁹

Первоначально Книга Марсова задумывалась как хроника военных действий и побед петровских войск. В ее основу легли выходившие с 1702 г. боевые листки — журналы и реляции, листки-гравюры. Идея такого издания зародилась у Петра I уже

после взятия Нотебурга ⁷⁰. Но Петр I заболел и о том, как будут потомства воспринимать его ратные дела. «Книга Марсова» стала первой ступенью в написании истории петровской эпохи. ⁷¹

И все-таки ее выпуск в большей степени имел ближние цели — информационные, пропагандистские, так как она была фактически панегириком деятельности Петра, прославляла содеянное им в ходе Северной войны.

Вариант Книги Марсовой 1712–1713 г. включал 16 пронумерованных таблиц, изготовленных по гравюрам, сделанным еще в Оружейной палате и на Печатном дворе и подогнанным к единому формату. 19 апреля 1714 г. Петр I побывал в Петербургской типографии, рассматривал Книгу Марсову и внес в нее коррективы, пометки, сохранившиеся на экземпляре, хранящемся в Библиотеке Академии наук. Судя по ним, по редакционной переписке, Петр I не один раз обращался к текстам Книги Марсовой. После этого посещения типографии царь приказал украсить ее видами завоеванных городов и изображениями праздничных фейерверков. Публикацией в ней листов-триумфов и фейерверков Петр как бы закреплял впечатление читателя от знакомства с боевым листком. Событие получало тройное прочтение: гравюры — план сражения (48, 49) и вид города, текст боевого листка, гравюры с комментарием — триумф, триумфальные ворота и фейерверк.

Книга Марсова считалась законченной в 1715 г. (второй вариант). 12 апреля 1716 г. М. П. Аврамов, директор Петербургской типографии, писал статс-секретарю А. В. Макарову: «Книга Марсова, вновь собранная перед отъездом вашим из Санкт-Петербурга, чрез вас самих Царскому Величеству поднесена...» ⁷² Но и после этого в нее был включен боевой листок о Гангутской победе 1714 года, а 22 декабря 1717 г. Петр I приказал внести в книгу реляции о Кроншлотской баталии, битве при Боуске, о боях с Шлиппенбахом, при Ницшлоте, Мариенбурге, Аланте; поискать эти реляции на Печатном дворе, «чего здесь нигде не сыскано» ⁷³.

70. Накорякова К.М. Редакторское мастерство в России XVI–XIX вв. Опыт и проблемы. М., 1973. С. 58.

71. См. подробно: Жирков Г.В. 1) Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб.: Роза мира, 2003. С. 86 — 105; 2) «Книга Марсова» — недооцененный шедевр первой типографии России // Триста лет печати Санкт-Петербурга. Материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург. 11 — 13 мая 2011 г. СПб.: ГМИ СПб, 2011. С. 252 — 259; 3) Ровесница БАН в ее фондах: «Книга Марсова» — книга о боевой славе России // Библиотека Академии наук: 300 лет служения науке. Юбилейная научная конференция: С.-Петербург. 27–28 ноября 2014 г. Тезисы докладов. СПб., 2014. С. 33–34; 4) Ровесница БАН в ее фондах: «Книга Марсова» — книга о боевой славе России // Петербургская библиотечная школа. 2015. № 2 (50). С. 13–17.

72. Пекарский П.П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862. С. 304.

73. Походный журнал 1714 года. СПб., 1854. С. 101. Пекарский П.П. Указ. соч. С. 305.

67. Тюхменева Е. А. Искусство триумфальных врат в России первой половины XVIII века. Проблемы панегирического направления. М., 2005. С. 73–74. В приложении к книге на страницах 157 — 212 приведена программа, описание триумфальных врат Славяно-греко-латинской академии — Политиколенная апофеозиз достохвалныя храбрости... Государя нашего царя и великого князя Петра Алексиевича... М., 1709.

68. Словарь иностранных слов. М., 1954. С. 710. Интерес представляет и отечественный опыт XVII века см.: Гаврилова Е.И. Графика... С. 154–157.

69. Книга Марсова. СПб., 1713. Титульный лист. (хранится в Библиотеке Академии наук). Его копия представлена в приложении к книге: Жирков Г.В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб.: Роза мира, 2003. С. 184.

Состав Книги Марсовой продолжал изменяться: он шел вслед за новыми победами русского оружия.

Гравюры эпохи Петра Великого, игравшие тогда важную коммуникативно-информационную роль, послужили славе России. Петр I, высоко оценивая воздействие на народ изобразительного ряда информационного процесса, поставил гравюру на государственную, воинскую службу. Гравюра использовалась Петром в качестве летучих листков, конклюдий, «триумфов», фейерверков и на триумфальных воротах, возводимых обычно по случаю побед русских войск. Эстетические качества гравюры помогали донести информацию о важнейших

событиях в государстве до народа и зарубежной аудитории. Петром I были заложены основы гравировальной школы России, оставившей бесценное наследие, дающее документальное представление потомкам о том времени и ставшее боевой летописью Петровской эпохи. В современных условиях гравюры тех лет, представленные и в Воронежском художественном музее, сохранили свою актуальность: они — богатый документальный источник патриотического воспитания молодого поколения Отечества.

г. Санкт-Петербург

Лев Кройчик Читая классику

Аннотация: в статье рассматриваются концептуальные позиции писателей М. Горького, И. Бунина, М. Зощенко, отразивших в своих произведениях 1917–1924 гг. атмосферу России тех лет. Основной пафос произведений писателей — трагическое воспроизведение эпохи, когда последовательно разрушались нравственные основы повседневной жизни страны в начале 20-х гг. XX века.

Неотвратимое прошлое

События столетней давности сегодня вновь в центре внимания.

Круглая дата — повод для возвращения в прошлое.

Но прошлое — время задуматься о настоящем. Горький — Бунин — Зощенко...

Кажется, эти имена выглядят трудно сочетаемыми по своему творческому освоению мира.

Романтик — реалист — сатирик...

Что между ними общего?

Точка пересечения, на первый взгляд, выглядит случайной — время событий рубежа десятилетий двадцатых годов XX века.

Но есть нечто общее — тоска по хорошему времени.

Тому времени, в котором хочется жить.

А еще — интерес к судьбе человека, на долю которого выпали годы революционных потрясений.

Время испытаний души человеческой.

Поэтому колонка Максима Горького «Несвоевременные мысли», дневниковые записи «Окаянные дни» Ивана Бунина и цикл рассказов Михаила Зощенко «Рассказы Ивана Ильича господина Синябрюхова» стоят рядом, объединенные общим интересом к истории людей, пытающихся не исчезнуть со страниц общечеловеческой летописи жизни.

У каждого из писателей своя интонация в диалоге с аудиторией.

Это, пожалуй, самое важное.

Читайте классиков.

Максим Горький. «Несвоевременные мысли»

— I —

Что случилось с Россией в ночь с 7-го на 8-е ноября (по новому стилю) 1917 года?

Одни говорят «бунт», вторые считают это событие переворотом, третьи — революцией. Дмитрий Быков, автор книги «Был ли Горький?», нисколько не сомневаясь в собственной правоте, пишет: «То, что случилось в семнадцатом, никакой революцией не было вовсе. Не было и переворота. Было прогрессирующее безвластие, которое могло разрешиться либо узурпацией власти, либо захватом страны извне. В этих условиях и победили большевики — просто организовавшиеся первыми»¹.

Исходя из оценки реальных событий, имевших место в те осенние дни семнадцатого года, в стране произошел насильственный захват власти.

Иными словами — переворот.

Раздался холостой выстрел «Авроры».

Вооруженные красногвардейцы и моряки ворвались в Зимний и арестовали членов Временного правительства, власть от которых перешла к Совету народных комиссаров.

Типичный захват власти.

Как замечает Дмитрий Быков: «Горький увидел в происходящем только бунт инстинкта, бунт примитива»².

«В этом взрыве зоологических инстинктов я не вижу ярко выраженных элементов социальной революции, — писал Максим Горький. — Это русский бунт без социалистов по духу, без участия социалистической психологии»³.

Горький, публично называвший себя социал-демократом, пытался спасти социалистическую идею от поругания, а посему отказал пролетариату чувствовать себя непобедимым («Радоваться... нечему, пролетариат ничего и никого не победил <...> буржуазия еще не побеждена. Идеи не побеждают приемами физического насилия»⁴).

Власть, взявшаяся руководить страной, нуждалась в официальной легитимизации.

Нужна была четкая новая формула ее организации.

И она появилась.

Федор Раскольников, выступая в феврале 1918 года на открытии Учредительного собрания, зачитал от имени большевиков декларацию, в которой

1. Быков Д. Был ли Горький. М., 2008. С. 212.

2. Там же.

3. Там же.

4. Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1991. С. 9 (в дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте).

Об авторе: Кройчик Лев Ефремович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории журналистики и литературы ВГУ.

прозвучало словосочетание «Великая Октябрьская революция».

Позже за событиями осени семнадцатого закрепились понятия «Великая Октябрьская социалистическая революция».

Термин «переворот» встречается в советской прессе регулярно в начале второй половины двадцатых годов. Ленин, выступая на заседании ВЦИК 24 февраля 1918 года, заметил: «Приятно и легко было наблюдать, как после Октябрьского переворота революция шла вперед»⁵.

Сталин, Троцкий, Бухарин, Луначарский тоже использовали этот термин, не вкладывая в него негативный смысл, а лишь фиксируя переход от одной группы лиц к другой.

Слово «переворот» прочно осело в эмигрантской прессе и в прессе многих зарубежных стран, когда речь заходила о событиях осени семнадцатого года.

Впрочем использование этого понятия не отменило масштаба социальных перемен, случившихся в России на рубеже двадцатых годов: мир признал, что в нашей стране произошли необходимые перемены, определившие ход развития не только новой России, создавшей в своих пределах принципиально новое государство — Союз Советских Социалистических Республик, но и повлиявшего самим фактом его возникновения на процессы, протекавшие в мире на протяжении всего XX века.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие ученые, исследующие процессы, протекающие в нашей стране в 90-е и последующие годы, видят в них своеобразный контрреволюционный возврат в прошлое.

Повернуть историю вспять — значит осуществить контрреволюцию.

Такова логика хода мировой истории.

Что случилось с Россией?

На смену послефевральскому развитию событий явилась в октябре новая для страны формула государственной власти — диктатура пролетариата.

Хотя сам этот термин не нов.

Карл Маркс пишет в своей работе «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.»: «Социализм есть объявленная непрерывной революцией классовая диктатура пролетариата как необходимая переходная степень к уничтожению классовых различий вообще: к уничтожению всех производственных отношений, на которых покоятся эти различия; к уничтожению всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям; к перевороту во всех идеях, вытекающих из этих общественных отношений»⁶.

Иными словами — весь мир насилия мы разрушили, и на смену разрушенному миру явилась диктатура пролетариата как некая переходная степень в развитии общественных отношений.

Идея «диктатуры пролетариата» согревала сердца тех, кто пришел к власти в октябре семнадцатого: она отменяла ориентацию на демократическое развитие общества.

В основе диктатуры лежит принцип подавления любого инакомыслия.

Кто не с нами, тот против нас.

Тем более что пролетариат, которому нечего терять кроме своих цепей, всегда прав.

Диктатура, если верить словарю, это «ничем не ограниченная власть, опирающаяся на силу господствующего класса»⁷.

Так оно и было в Советской России: сначала жили в условиях провозглашенной диктатуры пролетариата, а затем наступила диктатура одного человека — к концу двадцатых годов в Советском Союзе был сформирован культ личности одного человека — товарища Сталина.

Получается — не таким уж холостым выглядел выстрел «Авроры».

— II —

Крах монархии угадывался в начале XX века.

Князь Н. А. Оболенский писал в 1905 году: «Неудачно веденная война обнаружила несовершенство государственного механизма во всей их болезненной правде. Заложное в среду неудовлетворенного, разочарованного, оскорбленного в самом скромном честолюбии общества неудовольствие это стало концентрически расти и захватывать все классы населения, каждый раз по своему толковавшие о причинах наших внешних и внутренних неудач»⁸.

Это весточка из 1905 года.

Хорошие слова были в лексиконе образованных людей — «честолюбие», «неудовольствие», «болезненная правда», «оскорбленное общество». За ними угадывается очевидное неприятие власти, ведущей страну к катастрофе.

А вот год 1917-й.

«27 февраля. Понедельник.

В Петрограде начались беспорядки несколько дней назад. К сожалению, стали в них принимать участие и войска. Отвратительное чувство быть так далеко и получать отрывочные нехорошие известия <...>.

2 марта. Четверг.

Утром пришел Родзянко <...>. Нужно мое отречение <...>. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из ставки прислали проект Манифеста»⁹.

Так прекратила свое существование русская монархия, не сумевшая удержать власть в своих руках.

Революция победила.

Но — ненадолго. До октября.

Вспоминает В. Набоков:

5. Ленин В. И. Собр. соч. в 35 т. Доклад на заседании ВЦИК 24.02.1918. М., 1981. С. 377.

6. Маркс К. Собр. соч. в 7 т. М.: Л., 1956. Т. 7. С. 91.

7. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984. С. 147.

8. Архив русской революции. М., 1991. Т. 2. С. 9.

9. Дневник Императора Николая II. М., 1990. С. 605, 623.

«Трудно было понять, что происходит и какое назначение имели расставленные войска. Верный своей привычке ... я вынул имеющийся у меня пропуск в Зимний дворец... и беспрекословно был пропущен... и прошел в Малахитовый зал. Там я застал такую картину: в зале находились все министры, за исключением Н. М. Кашкина... Министры группировались кучками. Одни ходили взад и вперед, другие стояли у окна — С. Н. Третьяков... стал с негодованием говорить, что Керенский их бросил и что положение безнадежное.

Другие говорили, что стоит продержаться 48 часов — и подспеют идущие к Петербургу верные Правительству войска»¹⁰.

Это была агония.

Удивляться не приходится.

Писал же Карл Каутский в своей работе «Социальная революция: «Революция, явившаяся результатом войны, служит признаком слабости революционного класса, а нередко и причиной дальнейшего обессиливания его, обессиливания как вследствие тех жертв, которыми она сопровождается, так и вследствие той моральной и интеллектуальной деградации, которая в большинстве случаев следует за войной»¹¹.

Предсказано точно.

Революция катком прошла по России, разрушая ее экономику, культуру, систему образования.

Годы пондобились на восстановление утраченного.

— III —

События октября 1917 года пресса встретила настороженно.

Переворот — это переворот.

Сотрудник газеты «Новая жизнь» (первый номер издания вышел 18 апреля 1917 года) Максим Горький писал в предчувствии новой схватки за власть: «Кому и для чего нужно все это? Центральный комитет съезд большевиков, очевидно, не принимает участия в предполагаемой аванюре, ибо до сего дня он ничем не подтвердил о предстоящем выступлении, хотя и не опроверг их.

Уместно спросить: неужели есть авантюристы, которые, видя упадок революционной энергии сознательной части пролетариата, думают возбудить эту энергию путем обильного кровопускания» (с. 75).

Это — из номера «Новой жизни» от 18 октября 1917 года.

Это — предупреждение об опасности затеваемой аванюры с точки зрения Алексея Максимовича.

Горький, помнящий события 1905 года, предупреждает: очередной революционный взрыв грозит кровопролитием.

Тогда писатель вошел в состав делегации, встречавшейся с премьером Витте, и когда стало ясно, что власть готова подавить выступления ра-

бочих силой, Горький выступил с «Обращением», в котором открыто призвал к борьбе с самодержавием.

Но нынче на календаре был не январь 1905 года, а октябрь 1917-го, и самодержавие уже было свергнуто восемь месяцев назад. В феврале произошла революция, Временное правительство объявило о гражданских свободах, прошли выборы в Учредительное собрание — новые потрясения обществу были не нужны.

Нужна была созидательная работа по совершенствованию государственной власти в стране. Так полагал Горький.

С каждым новым выступлением на страницах «Новой жизни» голос писателя становится жестче. «Ленин, Троцкий и сопутствующие им, уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия» (с. 76).

Это номер 7 ноября 1917 года.

«Воображая себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России — русский народ заплатит за это озерами крови» (с. 83).

Это номер 10 ноября 1917 года.

«Лишение свободы печати — физическое насилие, и это достойно демократии <...>.

Пугать террором и погромами людей, которые не желают участвовать в бешеной пляске Л. Троцкого над развалинами России — это позорно и преступно» (с. 87).

Это номер 12 ноября 1917 года.

Революция созидательна по своей сути или в ее основе лежит стихия всеобщего разрушения, дикое стремление отречься от старого мира во имя невинных иллюзий опоры на зарождение нового общества, свободного от нравственных понятий прежних лет?

Для Горького это вопрос не тактики, а стратегии — вопрос о тех формированиях обновленных революционными преобразованиями духовно-нравственных оснований социалистического строя.

«...Всего больше меня и поражает, пугает то, что революция не несет в себе признаков духовного возрождения человека, не делает людей честнее, прямодушнее, не повышает их самооценки и реальной оценки их труда» (с. 99).

Это номер 19 декабря 1917 года.

Рубрика «Несвоевременные мысли» — хроника переживаний человека, озабоченного судьбой страны, на долю которого выпадает суровая проверка реальностью — как остаться думающей личностью в государстве, где мысль не входит в число приоритетов, где инстинкт едва ли не главный двигатель, определяющий поведение человека в повседневных условиях существования, где образованность и интеллектуальность не выглядят как существенные признаки человеческого достоинства, в стране, где социальное неравенство в зна-

10. Архив русской революции. М., 1991. Т. 1. С. 113.

11. Каутский К. Социальная революция. М., 1918. С. 59.

чительной степени породило и неравенство интеллектуальное.

Лев Николаевич Толстой десятилетиями звал общество к упрощению, но разве эта утопическая идея отменяла мысль о формировании личности, духовно-нравственный потенциал которой опирался бы на интеллектуальную мощь тех богатств, которое скопило человечество за время своего существования?

Пролетарско-крестьянская Россия испокон века мыслила другими категориями — Домострой и церковь формировали в России иное восприятие жизни.

Смысл жизни виделся в покорности, в послушании, в доверии к «отцу-благодетелю», а еще — в «золотой рыбке» сбывшегося счастья, в скатерти-самобранки, отлучавшей веками человека от активного стремления к самосозиданию и самотворению.

И в основе всего — вечное упование на патернализм.

Как ехидно заметил Маяковский: «нам с тобою думать неча, если думают вожди».

Самостоятельно думающее поколение рождается медленно.

— IV —

Одна из центральных для Горького тем в колонках «Несвоевременных мыслей» тема охраны культуры.

Крестьянство спасением культуры не озабочено, пролетариат живет почти исключительно борьбой за собственное существование.

Одна надежда — интеллигенция.

Мыслящий пролетариат.

Сказано было Пушкиным:

Самостояние человека

*Залог величия его*¹².

«Да, да — мы живем по горло в крови и грязи, густые тучи отвратительной пошлости окружают нас и ослепляют многих, да, порою кажется, что эта пошлость отравит, задушит все прекрасные мечты, рожденные нами в трудах и мучениях, все факелы, которые мы зажигали на пути к возрождению».

Но человек, все-таки — человек и, в конце концов, побеждает только человеческое — в этом великом смысле жизни всего мира, иного смысла нет в ней» (с. 104).

Это написано 24 декабря 1917 года.

Панацеи нет, но есть разумный способ излечения общества.

Это — просвещение, образование, наука, культура.

Наверное, на первый взгляд, идея выглядит утопической, но иного не дано.

«Человек оценивается так же дешево, как и раньше. Навыки старого быта не исчезают. «Новое начальство» столь же грубо, как старое, только еще менее внешне благовоспитанно. Орут и топаяют

ногами в современных участках, как и прежде орали. И взятки хапают, как прежние чинуши хапали, и людей стадами загоняют в тюрьмы»¹³ (с. 99).

Это сказано 19 декабря 1917 года.

Спасение — по Горькому — «в развитии всех духовных сил и способностей наших» (с. 99).

И вывод: «Совершилось только перемещение сил физических, но это перемещение не ускоряет роста сил духовных» (с. 99).

Почему так происходит?

Ответ писателя очевиден: «Нет яда более подлого, чем власть над людьми» (с. 99).

Спустя сто лет многое изменилось — мысли человеческие свою созидательную работу продолжают, прогресс открывает новые пределы постижения мира, творчество расширяет границы познания, но по-прежнему насилие над личностью остается одной из самых популярных форм человеческого бытия.

Антон Павлович Чехов писал в одном из своих писем о нравственной программе: «Моя святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода от лжи и силы, в чем бы две последние не выражались»¹⁴.

Это из письма поэту Плещеву, датированного 1899 годом.

Минует почти двадцать лет, но слова, сказанные раньше, своей актуальности не утратят.

В «Несвоевременных мыслях» много таких упований на изменения человека в лучшую сторону.

Социальный парадокс заключается в том, что революция не меняла социально-нравственную сторону повседневной жизни.

«Будьте человечны в эти дни всеобщего озверения, — умоляет Горький» (с. 84).

Куда там!

«Правда» возражает пролетарскому писателю: «Горький заговорил языком врагов рабочего класса» (с. 87).

Это 19 ноября 1917 года.

«Правда» оправдывает разрушение прежнего мира: «Всякая революция в процессе своего поступательного развития неизбежно включает и ряд отрицательных явлений, которые неизбежно связаны с ломкой старого тысячелетнего государственного уклада. Молодой богатырь, творя новую жизнь, задевает своими крепкими мускулистыми руками чужое ветхое благополучие, и мещане как раз те, о которых писал Горький, начинают вопить о гибели Русского государства и культуры» (с. 88).

Ломать — не строить.

Разрушение привлекательно своей простотой.

Стихия уничтожения культурных ценностей отзовется позже в борьбе со всем тем, что не отвечает представлениям идеологов от культуры с творческими поисками художников, с представлениями о путях развития науки.

13. Чехов А. П. Собр. соч. и писем в 30 т. М., 1978. Т. 3. С. 32.

14. Чехов А. П. Собр. соч. и писем в 30 т. М., 1978. Т. 3. С. 11.

12. Пушкин А. С. Собр. соч. в 3 т. М., 1980. С. 2.

Достанется и ученым («кибернетика — продажная девка империализма»), и писателям (Постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград»), и композиторам (Постановление об опере «Великая дружба», статья «Сумбур вместо музыки» — о творчестве Д. Шостаковича).

Перечень этих «забот» велик.

И все это под лозунгами борьбы за обновление жизни.

Горький рано разглядел опасность демонстративного уничтожения традиций во имя искоренения старых представлений о характере человеческого бытия.

Горький борется не с пролетариатом, а с теми, кто от имени пролетариата отменяет достижения культуры, науки, искусства — всех достижений прежних эпох.

«Пролетариат — творец новой культуры» — в этих словах заложена прекрасная мечта о торжестве справедливости, разуму, красоте, мечта о победе человечества над зверем и скотом, в борьбе за осуществлением этой мечты погибли тысячи людей всех классов» (с. 91).

Это сказано 7 декабря 1917 года.

Обратим внимание — за осуществление этой мечты отдали жизни представители всех классов.

Революция провозгласила господство одного класса.

Интеллигенцию вывели за скобки равноправного социального существования.

Поделили страну на пролетариатов и попутчиков (т. е. людей второго сорта).

Отменили быт, объявив его мешанством.

Снесли храмы, отменили сословия священнослужителей.

Выделили в особую группу «лишенцев» — людей, лишенных гражданских прав.

Четко поделили общество на «наших» и не наших».

А что в итоге?

«В силу целого ряда причин, — печально замечает Горький, — у нас почти совершенно прекращено книгопечатание и книгоиздательство, и в то же время одна за другой уничтожаются ценнейшие библиотеки» (с. 92).

Интеллектуальное мракобесие сопровождается мракобесием политическим — «Кадет хотя бы бросить из Учредительного Собрания. Хотя значительная часть населения страны желает, чтобы именно кадеты выражали ее мнение и его волю в Учредительном Собрании, и поэтому изгнание кадет есть насилие над волей сотен тысяч людей» (с. 91).

«Несвоевременные мысли» Горького выглядят вполне своевременными и в наши дни.

Конечно, другая страна, другое общество, другой уровень социальных и экономических потребностей.

Но понятия «достоинство», «справедливость», «вера», «правда» принципиально значимы и в наши дни. Именно эти слова определяют движение отечественной науки, культуры, обра-

зования, технического прогресса — всего того, что определяет характер нашего движения вперед.

Читаем у Горького:

«Развивается воровство, растут грабежи, бесстыдники упражнения во взяточничестве, так же ловко, как делали это чиновники царской власти; темные люди, собравшиеся вокруг Смольного, пытаются шантажировать напуганного обывателя ... Разная мелкая сошка, наслаждаясь властью, относится к гражданину, как к побежденному, т. е. так же, как относилась к нему полиция царя» (с. 93–94).

Полезно перечитывать газеты столетней давности.

Аллюзии не оставляют места иллюзиям. Тем не менее — Максим Горький взывает к разуму.

— V-

Колонки Максима Горького — призыв к созиданию, к творчеству, к поиску новых путей в искусстве, к справедливости, к труду на благо общества.

Общество ждало перемен, а почти все переменны свелись к захвату власти и к слабому представлению, что с этой властью делать.

Отсюда — политический и идеологический раскол общества, породивший в итоге гражданскую войну.

Одно из самых важных устремлений Горького второй половины семнадцатого года — сплочение интеллигенции вокруг знамен, на которых начертаны прекрасные слова — «Культура», «Искусство», «Творчество», «Просвещение», «Наука».

Горькому казалось, что эти знамена способны объединить все созидательные силы общества.

Вчитайтесь:

«Больше всего меня и поражает, и пугает то, что революция не несет в себе признаков духовного возрождения человека, не делает людей честнее, прямодушнее, не повышает их самооценки и моральной оценки их труда» (с. 99).

«Не стоит жить, если не верить в братство людей, жизнь бессмысленна, если нет уверенности в победе любви» (с. 104).

«Христос — бессмертная идея милосердия и человечности, и Прометей, враг Богов, первый бунтовщик против Судьбы — человечество не создало ничего величественнее этих двух символов, созданных стремлением человека к справедливости и красоте» (с. 105).

«Можно с уверенностью сказать, что научные силы России развивают энергичную деятельность, и вся эта чистая, великолепная работа лучшего мозга страны — залог и начало нашего духовного возрождения» (с. 143).

«Интеллигентные рабочие чувствуют, что промышленность — это их дело, что она — основа культуры, залог благосостояния страны, и что для возрождения и развития промышленности необходим рабочему солидный запас научного опыта» (с. 114).

«Истинный путь и смысл культуры — в органическом отвращении ко всему, что грязно, подло, лживо, грубо, что унижает человека и заставляет его страдать. Нужно научиться ненавидеть страда-

ния, только тогда мы уничтожим его. Нужно научиться хоть немножечко любить человека, такого, каков он есть, и нужно страстно любить человека, каким он будет» (с. 155).

«Теперь русский народ весь участвует в создании своей истории — это событие огромной важности, и отсюда нужно исходить в оценке всего дурного и хорошего, что мучает и радует нас» (с. 158).

Из номера в номер вел Горький свою рубрику. Спорил с оппонентами, не боялся критиковать власть, просвещал, увещевал, объяснял.

Последний номер вышел 11 июня 1918 года.

«Дальше — тишина».

Если согласиться с Шекспиром.

«Отряд не заметил потери бойца»?

Разумеется, исчезновение газеты заметили многие.

Но против Революционного трибунала печати не погрешь.

Колонка «Несвоевременные мысли» ждет своего обстоятельного исследования.

И. Бунин. «Окаянные дни»

— I —

Дневник — жанр сокровенный.

Не для чужих глаз.

Диалог с самой собой.

Форма самоанализа.

Дневник писателя — особый разговор: вроде бы — повременная запись, но еще — и заметки на будущее.

Как материал для кропотливого исследователя.

В любом случае дневник — документ времени.

Такая своеобразная кладовая памяти.

Вариант некрополя, заранее подготовленного для себя, любимого.

Возможен и прагматический вариант дневника — готовая к употреблению запись текущих событий.

Документальный очерк, притворяющийся выглядеть дневником.

«Окаянные дни» сочинялись как текст для прочтения.

Чтобы помнили — вот такой была русская революция.

Именно такой и никакой другой.

Иван Алексеевич Бунин к себе относился с большим уважением.

Понимал свое место в литературной жизни России.

Писатель. Художник. Мастер.

Академик по разряду изящной словесности.

Автор стихотворений, рассказов, повестей и романов, которые при своем появлении вызывали интерес общества.

Свидетель того, как это общество деградирует.

Смириться с этим было невозможно.

Так рождаются «Окаянные дни» — документальное свидетельство крушения Отечества, закончившегося Великим Исходом миллионов людей.

Даты и маршрут Исхода: Москва 1918 — Одесса, 1919.

Движение от робких иллюзий на перемены к лучшему до краха иллюзий: надеяться не на что.

Первая запись дневника: «1 января (старого стиля). Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может нечто еще более ужасное. Даже наверное так.

А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы — кого ни встретишь на улице, просто сияние от лиц исходит:

— Да полно вам, батенька. Через две-три недели самому же совестно будет.

Бодро, с веселой нежностью (от сожаления ко мне, глупому), тиснет руку и бежит дальше»¹⁵.

Действительно! Чего нервничать? Еще Горький в «Новой жизни» горячо отстаивает идею здравого смысла, еще выходят какие-то газеты («Русские Ведомости», например), еще согревают душу сообщения о наступлении и германских войск на Москву, еще Эренбург, Вера Инбер читают в поэтических салонах свои стихи, еще заседают «Книгоиздательство писателей», обсуждая свои проблемы.

Но по дороге в Мерзликовский переулок встретила старуха:

«— Батюшка, возьми меня на воспитанье. Куда ж, нам теперь, деваться? Пропала Россия, на тридцать лет, говорят, пропала» (с. 7).

Через тридцать лет наступит время «великого перелома», а потом — размах социалистического строительства, индустриализация и электрификация всей страны. А затем — Великая Отечественная. Возрождение державы. Борьба с космополитизмом. Смерть Сталина. Освоение целины. Гагарин. Моральный кодекс строителей коммунизма. Перестройка. Распад Страны Советов. Рынок.

Много всего будет.

Одно предугадал точно Иван Алексеевич Бунин — раскол в душах людей.

Трагическое столкновение человечности и спокойной жестокости.

Впрочем, предугадывать не пришлось — все на слуху, все на виду.

Как на улицах, так и в домах.

На Лубянке митинг. «Дама поспешно жалуется, что она теперь без куска хлеба, имела раньше школу, а теперь всех учениц распустила, так как их нечем кормить.

— Кому же от большевиков стало лучше? Всем стало хуже и первым делом нам же, народу.

Перебивая ее, наивно вмешалась какая-то намазанная сучка, стала говорить, что вот-вот немцы придут и всем придется расплачиваться за то, что натворили.

— Раньше, чем немцы придут, мы вас всех перережем, — холодно сказал рабочий и пошел прочь» (с. 4).

Мысль о расправе — одна из часто повторяемых в «Окаянных днях». Не Бунин ее придумал. Она витает в тысячах крестьянских селений и рабо-

¹⁵ Бунин И. Окаянные дни. Ярославль, 1971. С. 3 (в дальнейшем все ссылки на это издание даются в скобках в тексте).

чих городов как формула восстановления социальной справедливости.

Народная расправа — справедливое возмездие за все то, что происходило в предшествующие годы. Определенная часть отечественной интеллигенции с этой формулой легко согласилась (Александр Блок, Валерий Брюсов), другая терпеливо и смиренно ждала решения своей судьбы, третья искала спасения за рубежом.

Бунин выписывает в свой дневник сообщения из выходявших в то время газет факты наведения порядка:

«Русское слово» сообщает: «Тамбовские мужики села Покровское составили протокол: «30-го января, мы, общество, преследовали двух хищников наших граждан Никиту Александровича Бучкина и Адриана Александровича Кудинова. По соглашению нашего общества они были преследованы и в тот же момент убиты» (с. 5).

Далее идет сообщение о том, как подобным образом расправились и с двумя ворами.

Бунин грустно замечает: «Подобное теперь читаешь каждый день» (с. 6).

Слово «гражданин» вошло в социальный обиход сразу после Февральской революции.

«Гражданин» по словарю — слово важное, лицо, постоянно проживающее в данной местности, обладающее определенными правами.

Проще говоря, гражданин — человек, равноправный среди других людей.

Но оказывается, что любого гражданина в революционной России можно уничтожить без суда и следствия.

Просто по желанию людей, которые называют себя «обществом».

Страна живет в обстановке постоянно возобновляемого насилия.

Обратная сторона насилия — бесправие.

Беззаконие — картина повсеместная.

И в Москве, и по дороге на Юг, и в Одессе.

Где спасение?

Информационное пространство сжимается. Круг близких людей, чья точка зрения заслуживает доверия, невелика.

Улица заполнена слухами. Уцелевшие гостиные переполнены слухами.

И — постоянные споры о причинах, породивших революция.

Из записей 9 марта 1918 года.

«В.В.В. ... понес опять то, что уже совершенно осточертело читать и слушать:

— Россию погубила косная, корыстная власть, не считавшаяся с народными желаниями, надеждами, чаяниями. Революция в силу этого была неизбежна.

Я ответил: «Не народ начал революцию, а вы. Народу было совершенно наплевать на все, что мы хотели, чем мы были недовольны.

Я не о революции с вами говорю, пусть она неизбежно прекрасна, все, что угодно. Но не врите на народ. Ему ваши отечественные Министерства,

замены Щегловитовых Малянтовичами и отмены всяческих цензур были нужны, как летошний снег, и он это доказал твердо и жестко сбросивши к черту временное правительство и учредительное собрание и «все, за что гибло поколение лучших русских людей», как вы выражаетесь и «ваше до победного конца» (с. 20).

Автор «Деревни», разумеется, прекрасно помнит свое собственное описание подробностей жизни, заполненной совсем не партийно-политическими переживаниями: мужики думали о простых вещах — о хлебе насущном, о домашних делах, о естественных чувствах — приязни, любви, тепле человеческого тела; о том, почему не получается быть нужными друг другу в свете и темноте домашнего очага.

А теперь вот вместо естества жизни лозунги, которые не согревают никого.

Душа Бунина Ивана Алексеевича ищет другой жизни.

И — в других землях.

Бунин готовится к эмиграции.

Сначала — тяжкая дорога на юг — через Смоленск, Могилев по Днепру — к Черному морю.

В Одессу.

А потом — и вовсе за рубеж.

В апреле 1919 года Бунин с женой уже в Одессе. Здесь — повторение пройденного.

— II —

После холодной Москвы была продуваемая всеми ветрами Одесса.

Шумная. Невнятная. Разнообразная.

Интервенты. Григорьевцы. Советы. Анархисты.

«Против наших окон стоит босяк с винтовкой на веревке через плечо, — «красный милиционер». И вся улица трепещет его так, как не трепетала бы прежде при виде тысячи самых свирепых городских. Вообще, что же такое случилось? Пришло человек шестьсот каких-то «григорьевцев», кривоногих мальчишек, во главе с кучкой каторжников и мужиков, кои и взяли в полон миллионный, богатейший город. Все помертвели от страха, прижухнулись. Где, например, теперь все те, которые громили месяц назад добровольцев» (с. 28).

Этот запись 15 апреля 1919 года.

Душа писателя тоскует по твердой руке?

По порядку?

Наверное, и по порядку тоже. Но прежде всего по здравому смыслу.

Бунин с женой уже год, как живет в Одессе. Масса знакомых по Петербургу и Москве, но по ночам снится мертвый город, мертвые люди.

При внешней своей активности Россия умирает от внутренне ощущаемой бессмысленности существования.

Можно пристроиться, можно устроиться (на время), но дальше что?

«Два раза выходил смотреть на их первомайское празднество. Заставил себя, ибо от подобных зрелищ мне буквально всю душу перевертывает.

«Я как-то физически чувствую людей», — записал однажды про себя Толстой.

Вот и я тоже. Этого не понимали в Толстом, не понимают и во мне, оттого и удивляются порой моей страстности, «пристрастности». Для большинства даже и до сих пор «народ», «пролетариат» только слова, а для меня это всегда глаза, звуки голосов, для меня речь на митинге — все естество происходящего ее (с. 29).

Запись 16 апреля 1919 года.

Почти сто лет прошло, а что изменилось?

Погуляйте по кнопкам отечественных ток-шоу: звук силен — смысла мало. И не только потому, что не слушают друг друга.

Смысла мало.

Потому что не вслушиваются в суть человеческого слова.

Человеческая речь — не система знаков, а система смыслов, угадываемых за звучащим словом.

Бунин Иван Алексеевич, академик по разряду изящной словесности, уточняет свое отношение к тому, что Толстой называл физическим ощущением: важен не маскарад, не «живые картинки», изображающие «мощь и красоту рабочего мира», не «бумажные цветы, лютики и фиалки», не «актеры в очередных нарядных костюмах», не инсценировки энтузиазма народных масс, а та сущностная ликующая народная масса, которая искренне радуется празднику.

Но искренней радости писатель в этой толпе не видел.

Бунин не сдерживает раздражения, задавая естественный вопрос: «Где у этой гадины Луначарского, где у старых большевиков кончается самое подлое издевательство над чернью, самая гнусная купля ее душ и утроб, и где начинается известная доля искренности, нервической восторженности? Как, например, и восторжен, изломан Горький» (с. 29).

Горький, пожалуй, помянут Буниным напрасно. Писатель, искренне принявший либеральные принципы февраля семнадцатого, искренне сопротивлялся декретам большевиков, активно внедрявших идею диктатуры пролетариата как единственно правильной государственной системы на путях к светлому будущему.

Ленин в первые пореволюционные годы Максима Горького пощадил...

«Нельзя огулом хаять народ» (с. 41), цитирует Бунин фразу из газеты и добавляет иронически «А «белых», конечно, можно» (там же).

Писатель внимательно читает одесские газеты, раздражаясь написанным в них. Впрочем, раздражает Бунина не только то, что он одинок в бурлящей городской толпе. Удручает отечественная литература, утратившая свои эстетические высоты.

Ворчит не без оснований будущий Нобелевский лауреат: «Русская литература развращена за последние десятки лет и необыкновенно. Улица, толпа начала играть очень большую роль. Все —

и литература особенно — выходит на улицу, связывается с нею и попадает под ее влияние. И улица развращает, нервирует хотя бы по одному тому, что она страшно неумеренная в своих хвалах, если ей угрожают. В русской литературе теперь только гении. Изумительный урожай! Гений Брюсов, гений Горький, гений Игорь Северянин, Блок, Белый... Как тут быть спокойным, когда так легко и быстро можно выскочить в гении? И всякий норовит плечом пробиться вперед, ошеломить, обратить на себя внимание» (с. 42).

Это сказано не сегодня — это фраза из дневника, датированного 23 апреля 1919 года. Но звучит современно, на фоне деградации литературы и искусства, порожденной тотальной массовизацией ее.

Горние вершины духа общественного сознания трудно различимы в многочисленных подделках под настоящее творчество. Дешевая актуализация классики на сцене и в кинематографе, многочисленные ремейки (знак отсутствия собственной творческой индивидуальности), перепев некогда знаменитых мотивов, эстетическая беспомощность — это все, к сожалению, закономерное состояние современной отечественной культуры.

А потом искренне начинаем удивляться, почему публика часами стоит в очереди на встречу с художником Валентином Серовым.

...Бунин прекрасно понимает суть происходящего: «брошена была Россия на полный произвол судьбы — и не когда-нибудь, а во время величайшей мировой войны — величайшая на земле страна <...>. Страшно было и на всем пространстве России, где вдруг оборвалась веками налаженная жизнь и воцарилось какое-то недоуменное существование, бессознательная праздность и противостественная свобода от всего, чем живет человеческое общество» (с. 43).

Удивительная переключка с Чеховым. Тот в 1889 году протестовал против «лжи и силы, в чем бы две последние не проявлялись», а спустя почти тридцать лет Бунин грустно пишет о том, что существует отказ от свободы и всего того, чем живет человеческое общество.

Пожинаем горькие плоды революции?

Или — не сберегли ее высокие идеалы?

Бунинские «Окаянные дни» — не анафем революции, а основательный социально-нравственный анализ того, что происходит в стране на рубеже первого и второго десятилетий двадцатого века.

Факты, картины происходящего и размышления по поводу того, что видит вокруг себя человек, способный к анализу.

Бунин не принял революцию не потому, что она осуществилась под социалистическими лозунгами, он отверг саму концепцию такой безумной смены власти.

Революция вырастает на базе социального взрыва, сокрушающего все вокруг, а выступает как последовательная кропотливая работа (именно работа, а не взрыв), направленного на хаотичное движение вперед.

Революция — движение, опирающееся на преобразование, на созидание, на объявление.

Есть в воспоминаниях Бунина примечательного эпизод.

Состоялась в Петербурге выставка думских художников. Это — семнадцатый год. Как выразился, извозчик, везший писателя с вокзала «делать теперь ничего не надо. Теперь правительства нету» (с. 44).

Но все-таки что-то в стране происходит.

Например, выставки, на которой среди других гостей оказался Иван Алексеевич Бунин. На банкете в честь открытия выставки появился Маяковский.

Далее — слов Бунину:

«Я сидел с Горьким и финским художником Галленом. И начал Маяковский с того, что без всякого приглашения подошел к нам, в двери стал между нами и стал есть с наших тарелок и пить из наших бокалов. Галлен глядел на него во все глаза — так, как глядел бы он, вероятно, на лошадь, если бы ее, например, в эту банкетную залу. Горький хохотал, я отодвинулся. Маяковский это заметил:

— Вы меня очень ненавидите? — спросил он весело.

Я без всякого стеснения ответил, что нет. Слишком было бы много чести ему» (с. 45).

На этом месте я прерву цитату из книги «Окаянные дни».

Дело вовсе не в том, как вальяжно вел себя среди чинной публики будущий «лучший, талантливый поэт нашей советской эпохи».

Суть в ином: общественное сознание энергично подпитывалось энергией вседозволенности.

Той самой вседозволенности, об опасности которой предупреждал Достоевский в «Бесах».

Негативный ресурс революции — ее безбашенность, ее равнодушное отношение к судьбе человека.

Каждого человека.

Чья индивидуальность и неповторимость в расчет не принимается.

Потом Маяковский это подтвердит:

— Голос единицы — тоньше писка.

Бунин заметил печально: «Вообще, теперь самое страшное, самое ужасное и позорное, даже не сами ужасы и позоры, а то, что надо разъяснять их, говорить о том, что хороши они или дурны. Это ли не край..... ужас» (с. 49).

Действительно — окаянные дни.

По Далю «окаянный» — проклятый, нечестивый, изверженный, отчужденный, преданный общему поруганию, недостойный, жалкий, погибший духовно.

Очень точное название подобрал Иван Алексеевич Бунин для своего дневника, сохранившего память о событиях семнадцатого-двадцатого годов в нашей стране.

Которую он покинул в конце апреля 1920 года.

Навсегда.

Вот что печалит.

М. Зощенко. «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова»

— I —

Лукавая эта вещь — история отечественной литературы.

Вот пишет Евгения Журбина: «Для меня Зощенко был одним из тех писателей, кто очень рано понял смысл происходящего в Октябре кардинальных революционных перемен, полную невозвратимость к прошлому и ответил на поставленную временем задачу с большим своеобразием и талантом»¹⁶.

Первый вариант — писатель понял и полностью принял смысл происходящего, поскольку прошлое «невозвратимо».

Деваться некуда.

Вариант второй — писатель рано понял смысл происходящего и «ответил на поставленные временем задачи с большим своеобразием и талантом».

Но ответил по-своему — сохранил (или — хотел сохранить) свое лицо.

А может каждый из этих вариантов имеет право на существование?

Вспоминаю свою встречу с Верой Владимировной Зощенко в квартире писателя на канале Грибоедова. Вера Владимировна показала мне тогда одну фотографию из семейного архива.

Август 1914 года. На густой траве, лицом к объективу фотоаппарата лежат четыре молодых человека в новенькой офицерской форме. Как по команде задрали ноги вверх.

Сапоги блестят.

Молодые офицеры улыбаются.

Кто знает, что их ждет впереди.

Среди этих молодых людей и Михаил Зощенко. Впереди война. Газовая атака, ранение. Боевые награды.

Отречение царя.

Февральская революция.

Октябрьская революция.

Служба в Красной Армии.

Творческая группа «Серрапионовы братья».

Всенародная известность. Высокие тиражи.

Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда», и «Ленинград».

Тяжелейший психологический кризис.

Отказ о признании своих «грехов».

Смерть в 1957 году.

Сохраняя верность однажды выбранному пути, он пытался во что бы то ни стало «встроиться» в современный «литературный процесс»?

Все было.

Но начинал Михаил Зощенко в 1921 году действительно ярко.

Свой голос, своя интонация.

Своя манера диалога с аудиторией.

Февраль-март 1917 года выглядел неизбежной расплатой за неумелое хозяйничанье в стране семейства Романовых.

¹⁶ Журбина Е. Устойчивые темы. М., 1974. С. 173.

Но что дальше?

С кем идти?

Молодой писатель Михаил Зощенко остался с Родиной.

Разделил ее судьбу.

— II —

Один из первых откликов на события Февраля-Октября семнадцатого года — цикл Михаила Зощенко «Рассказ Назара Ильича господина Синебрюхова», опубликованные в 1921 году.

Как пишет Павел Громов, «молодая советская проза начинала с изображения того, что видели и переживали в качестве участников и очевидцев ее создатели: войны империалистическая и гражданская, революция, социальные и индивидуальные коллизии, возникающие в огромных общественных конфликтах, вставляли со страниц их книг»¹⁷.

Основная коллизия той поры — принятие (непринятие) революции и поиск естественного ответа на самый актуальный вопрос времени — как совместить революционные преобразования, определившие ход дальнейшего развития общества, с судьбой человека.

Революция — это социальное благо или трагедия?

Повседневность — это «страна дыбом» или постепенное изменение складывающихся новых обстоятельств жизни?

Торжество плохо разбирающихся в происходящем масс или постепенное нравственное освоение новых социальных идей в пространстве социальных коренных перемен, обрушившихся на общество?

Первые советские буквари возглашали:

«Рабы не мы. Мы — не рабы».

А кто мы?

Участники, свидетели, творцы, равнодушные наблюдатели происходящего?

В «Автобиографии», датированной 5 июля 1953 года, Михаил Зощенко пишет: «Я окончил 8-ю гимназию в Петербурге <...>. В 1915 году (закончив ускоренные военные курсы) ушел на фронт в чине прапорщика.

На фронте пробыл два года. Участвовал во многих боях, был ранен и отравлен газами. Имел четыре боевых ордена и чин штабс-капитана».

Далее служба — в армии и в учреждениях, возникших после февральской революции.

В 1921 году вышла в свет первая книга рассказов.

Тогда, в 1921 году и увидели свет «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова».

На всякий случай писатель оповещает читающую публику: Предисловие и рассказы записаны в апреле 1921 года со слов И.В. Синебрюхова писателем М.З.

Писатель Михаил Зощенко решил разговаривать с аудиторией от имени своего героя.

Выбор повествователя в художественной литературе — шаг ответственный? Субъект высказывания многое определяет в данном случае.

Характер повествования определяет не только модус высказывания (угол зрения повествователя), но и характер диалога с аудиторией — систему речевого воздействия, композицию повествования, интонацию высказывания, словом, все, что именуется нарративными ресурсами высказывания.

Самое, пожалуй, важное: биографический автор как творец художественного произведения вступает в сложные отношения с субъектом высказывания, что создает необходимую глубину резкости в организации диалога между адресантом и адресатом.

Между передающим сознанием творца и воспринимаящим сознанием аудитории складывается достаточно сложные взаимоотношения, суть которых определяется просто — приглашения к созерцанию.

Если эти взаимоотношения растягиваются на определенный повествовательный цикл, то автор, как организатор повествования, получает возможность несуетливо подвести аудиторию к определенной, важной для него точке зрения.

«Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова» — история расчеловечивания гражданина послефевральской России, вынужденного принять решения, которые так или иначе отражают его нравственное состояние.

И тут выясняется, что гражданин послефевральской эпохи к существованию в новых обстоятельствах жизни не приспособлен.

Не готов он ни быть гражданином новой страны, ни просто порядочным человеком.

Почему?

Да потому, что Назар Ильич Синебрюхов — герой нового времени.

Времени всеобщей смуты.

Человек смуты — существо необязательное. То есть человек, не соблюдающий обязательств, взятых на себя раньше.

— III —

«Новые задачи и новый читатель заставил меня обратиться к новым формам. Не от эстетических потребностей я взял те формы, с которыми вы меня видите. Новое содержание диктовало мне именно такую форму, в которой мне наиболее выгодно было бы подать содержание»¹⁸, — писал Зощенко.

Строго говоря, новых форм писатель Михаил Зощенко в начале двадцатых годов не выдумал. Он обратился к сказу, который и до него был популярен: достаточно вспомнить Лескова и Горбунова.

Нового писателя в начале двадцатых тоже не прибавилось — вокруг крупных городов лежала крестьянская не шибко образованная Россия.

Зощенковский сказ стал удобной формой диалога с аудиторией прежде всего потому, что

17. Зощенко М. М. Очерк творчества. — М., . — Т. 1. С. 3.

18. Зощенко М. М. 1935-1937. Рассказы. Повести. Театр. Критика. М., 1937. С. 389.

писатель предложил читателю узнаваемого героя — человека, причастного к великим событиям времени — гражданской войне и революции. Человека, похожего на окружающих.

Сказовое повествование — зона особого восприятия смысла высказывания.

Сказ вводит персонажа со своим словом. Главное в этом слове — свое представление о мире субъекта высказывания.

В сказе расчет не только на сочувственно слушающую аудиторию.

В сказе автор предлагает в качестве носителя речи человека, чье слово закодировано и предназначено для расшифровки подготовленной аудиторией.

Критика давно обратила внимание на то, что сказ вводит в литературу персонажей, похожих на героев Достоевского, Гоголя, Лескова.

Назар Ильич господин Синябрюхов не новость для отечественной словесности.

Новизна в другом: Зоценко предлагает взглянуть социально развитой части общества в многочисленных синябрюховых, становящихся основой и оплотом нарождающейся государственной системы.

Нравственные истоки синябрюховщины — в событиях мировой войны, революции и войны гражданской.

«Я такой человек, что все могу. Хочешь — могу земельку обработать по слову последней техники, хочешь каким ни есть делом займусь — все у меня в руках кипит и вертится»¹⁹, — так начинает свой рассказ Назар Ильич господин Синябрюхов.

Назар Ильич цену себе знает: со слушателями на «ты», личные качества оценивает высоко («все у меня в руках кипит и вертится»). Правда несколько косноязычен (вместо «по последнему слову техники» говорит «по слову последней техники»), но это мелочь. («Я даже, запомнил, людей лечил»).

Вводное слово «запомнил» не для красоты слога употреблено Назаром Ильичем, а для напоминания: все, что я говорю, для тебя, мой слушатель, имеет значение. Потому что я, господин Синябрюхов, слов на ветер не бросаю.

Так появляется в молодой советской литературе персонаж, которого Михаил Зоценко разглядел в толпе тех, кто причастен к событиям, которые изменили мир.

Назар Ильич, господин Синябрюхов — фигура знаковая.

За ним будущее.

Михаил Зоценко предлагает читателям первого своего цикла рассказов приглядеться и прислушаться к тому, как говорит и как действует Назар Ильич.

До года «великого перелома» еще далеко, до тридцать седьмого года еще дальше, поэтому пи-

сатель Зоценко позволяет своему герою жить и думать так, как тому заблагорассудится, но с постоянной оглядкой на личное благоразумие.

Дал писатель Михаил Зоценко волю вольную своему расторопному персонажу, главный смысл жизни которого — уцелеть непрерывной смене обстоятельств существования.

Главное для Назара Ильича не столько спасти душу, сколько уберечь тело, поскольку, на войне, как известно, не только стреляют, но и убивают.

Назар Ильич постоянно попадает в смертельные переделки на германском фронте, и во время гражданской войны, но как и полагается герою-рассказчику из всех переделок выходит живым и невредимым, иначе бы цикл рассказов, как говорят в таких случаях, оборвался бы на самом интересном месте.

Нет героя-рассказчика, куда деваться бедняге писателю.

Владимир Набоков заметил: «Михаил Зоценко не писал под диктовку государства»²⁰.

Вероятно, так оно и было, хотя тема «социалистической перековки» личности ощущается в произведениях писателя начала тридцатых годов. Понять это стремление можно — Зоценко хотелось увидеть нового человека, человека свободного от предрассудков времени.

Вышедший в 1925 году в Риге сборник рассказов Михаила Зоценко назывался красноречиво «Жалея человека».

Пореволюционная Россия бедствовала душой, и молодому писателю очень хотелось помочь человеку, оказавшемуся перед выбором: «Я как все» или «Я сам по себе».

Жить по принципу «Я сам по себе», то есть сохранять свою индивидуальность, не получалось. Явился у Михаила Зоценко иной герой Б. Сарнов заметил по этому поводу. «Герой Зоценко... не столько новый человек, сколько новая концепция человека»²¹.

Суть этой концепции — приспособление к обстоятельствам новой жизни во имя сохранения жизни собственной.

Назар Ильич из такого рода людей.

Зоценко недаром назвал свой цикл так витиевато. Назар Ильич вовсе не господин своей судьбы.

Он всего лишь послушный исполнитель чужой воли.

Воли князя, «его сиятельства», посылающего своего вестового в имение к бабушке с секретным заданием («Виктория Казимировна») («Великосветская история»), воли случайного спутника, советующего господину Синябрюхову уйти «куда бы не на есть» («Чертовчинка») (с. 74), воли бандита из «зеленых», пригрозившего Назару Ильичу расправой («Гиблое место»).

20. Набоков В. Лекции по русской литературе. М., 1998. С. 65.

21. Сарнов Б. Пришествие капитана Лебедекина (Случай Зоценко). М., 1993. С. 243.

19. Зоценко М. М. Избранные произведения в двух томах. М., 1968. Т. 1. С. 51 (в дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте).

Назар Ильич Синебрюхов — не господин своей судьбы, а послушный исполнитель распоряжений других людей — так проще уцелеть.

И вот вам подтекст зощенского диалога с аудиторией: революция не освободила человека для свободного творчества, она подчинила личность человеку с ружьем, с бомбой, с ножом.

Она уничтожила право личности на самообстоятельное существование. Так что фраза Назара Ильича господина Синебрюхова, с которой начинается цикл рассказов Михаила Зощенко.

«Я такой человек, что все могу» недорого стоит, несмотря на то, что был в своей повседневной жизни Назар Ильич и лекарем, и хлебопеком, и вообще мастером на все руки.

Зря восхищался Назаром Ильичом инструктор Рыло: «Дрожь прямо берет, какой ты есть человек. Ты, говорит, наверное, даже державой управлять можешь» (с. 51).

Последние слова инспектора Рыло напоминают о знаменитой мечте Владимира Ильича — наступит время, когда кухарки будут управлять государством.

Однажды попробовали — ничего хорошего из этого не вышло.

Вышло совсем другое — государством управляет чиновник.

А не герой, не мореплаватель, не плотник.

О бывших кухарках вообще речь не идет.

— IV —

Нынешнее время — время осмысления того, что произошло сто лет назад.

Думать никогда не поздно.

Хорошо, что к осмыслению прошлого можно присоединить голоса, сохранившие свою силу с далеких по нынешним меркам времен.

Основная ситуация в «Рассказах Назара Ильича господина Синебрюхова» — насилие.

Четыре эпизода — четыре истории о том, как сознательно убивается личное достоинство человека.

Давно замечено — в перовом произведении писателя угадываются контуры его дальнейшего творчества.

Писатель Михаил Зощенко — не исключение.

Он размышляет о природе насилия, рожденного действием одного человека над другим.

Предупреждает Назар Ильич своих слушателей: «Только, безусловно, насчет державы. Я никогда и не задавался: образование у меня, прямо скажем ни какое, а домашнее. Ну, а в мужичьей жизни я вполне драгоценный человек. В мужичьей жизни я очень полезный человек» (с. 52).

Право размышлять о судьбе державы Зощенко оставляет аудитории.

Той самой аудитории, которая слушает рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова или читает их в отдельных существующей книге.

Какая разница?

Устное слово или письменно — все остается в памяти народной...

Февраль семнадцатого (по новому календарю — март) начался с насилия и насилием продолжается.

15 марта (2 марта по старому стилю) 1917 года Николай II начертил: «Признали мы за благо отречься от престола государства российского и сложить с себя верховную власть»²².

А за спиной Императора генерал-майор Кирилл Нарышкин, Александр Гучков, граф Владимир Федерика, командующий Северным фронтом Николай Рузский, Василий Шульгин.

Такая импозантная группа — свидетели крушения империи.

За пределами вагона — бунтующая Россия, в пространстве которой затерялся Назар Ильич Синебрюхов, к этому акту насилия отношения прямого не имеющий, но вся дальнейшая жизнь под знаком этого насилия и совершается.

Писателю оставалось обо всем этом рассказать.

Проще говоря — услышать голос Назара Ильича Синебрюхова.

Назар Ильич — человек несуетливый, хотя жизнью интересуется.

Потому, оказавшись в имении его сиятельства, расспрашивает мужиков:

« — Хорош ли будет старый князь?

— Ничего себе, — говорят, — только убьют его скоро.

— Ай, — говорят, — что сделал?

— Нет, — говорят, — ничего не сделал, вполне прелестный князь, но мужички по поводу Февральской революции беспокоятся и хитрят, поскольку проявляют свое недовольство. Поскольку они в этом не видят перемены своей участи» (с. 56).

С убийством старого князя, естественно, наступает «перемена участия»...

После возвращения в родной полк, Назар Ильич сам попадает под расстрел.

— Становись, примерно, вон к той березе, тут мы в тебя и стрельнем <...>.

— Зачем, — отвечаю, — относиться с такими словами? Я, говорю, на это совершенно не согласен.

— А мы, говорят, твоего согласия не спросим, нам, говорят, на твое согласие равным счетом начихать. Становись, и все тут» (с. 59).

Дальше можно не цитировать. Назара Ильича постоянно хотят извести.

И белые, и красные, и «зеленые».

Оказывается, человек на этой земле фигура не обязательная.

Отдав слово герою-разведчику, Зощенко предлагает читателю-слушателю самому выяснять обстоятельства жизни.

На языке современной теории повествования автор максимально активизирует точку зрения аудитории.

А чего тут думать-то?

Сквозь косноязычное слово героя-рассказчика проверяется точка зрения самого Михаила Зощенко.

22. Цит. по: Аргументы и факты. 2017. № 11. — С. 8.

Вот вам и весь сказ.

Евгения Журбина ссылается на слова Михаила Слониманского: «...Но всегда Зощенко не договаривал, и похоже было, что не рискует коснуться испытанного им чувства словами приблизительными, да и вообще любыми словами»²³.

Думается, в своих текстах писатель Михаил Зощенко всегда был исчерпывающ.

Смысл сказанного повествования в том, что в нем всегда есть тот ресурс сообразительности, на который рассчитывает автор.

Прочитай и задумайся.

Норовят лишить жизни Назара Ильича господина Синебрюхова в каждом из его рассказов.

Не жизнь, а сплошная блекота.

Попробуй в таких условиях дожить до столетия Великой Октябрьской Социалистической революции.

Однако, живем!

Дожили, как говорится.

г. Воронеж

23. Журбина Е. Устойчивые темы. М., 1974. С. 174.

Яна Войцеховская Динамика и характер цитируемости корпоративных печатных медиа в федеральных деловых СМИ (2010 и 2016 гг.)

Аннотация. В статье анализируются изменения, произошедшие на печатном рынке корпоративной прессы в 2010 и 2016 гг., а также отражение данных изменений на работе журналистов федеральных СМИ. Исследование цитируемости корпоративной прессы в разные периоды устанавливает роль данного источника информации для журналиста как эксклюзивного.

Деловая информация шире политэкономической, экономической или собственно бизнес-информации. В самом общем виде деловая пресса оперирует любой информацией, способной оказать влияние на поведение агентов рынка или отражающей это поведение [7]. Следуя этой логике, в нашем исследовании мы уделяем внимание такому источнику эксклюзивной информации для журналиста, как корпоративная пресса. Деловая информация регулярно попадает в научный круг в рамках определения методологии и основ работы журналиста. В частности, фундаментальная работа ряда авторов в книге «Деловая журналистика» под редакцией А. В. Вырковского представила процесс сбора и технологии работы над материалом [3]. Известный исследователь деловой прессы Д. А. Мурзин посвятил деловой журналистике немало работ, в том числе учебное пособие «Деловая пресса» 2001 года. Авторы представленных исследований уделяли внимание типологизации корпоративной прессы, анализу условий и факторов развития корпоративного издания, специфике организации корпоративного издания, однако с точки зрения журналистского творчества анализ значимости корпоративной прессы для корреспондента федеральных СМИ отмечается в учебном пособии от практиков — «Технология новостей от Интерфакса. Style Guide» под редакцией Ю. А. Погорелого, выпущенном в 2013 году редакцией информационной группы «Интерфакс». Соотношение понятий «деловая пресса» и «корпоративная пресса» рассматривалось в научных работах Ю. В. Чемякина [12].

Об авторе: Яна Андреевна Войцеховская — магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель — д. полит. н., проф. Г. С. Мельник).

Изучение, цитирование и анализ корпоративной прессы в ежедневной работе журналиста не был исследован ранее. Однако данный источник информации является одним из основных для отраслевого журналиста [3].

Цитируемость корпоративных печатных изданий в федеральных деловых газетах служит индикатором при определении данного источника информации как эксклюзивного для отраслевого журналиста. У журналиста много путей добыть информацию, различные источники ее получения, для делового журналиста — это и корпоративная пресса. В основе статьи — определение значения и роли данного источника информации для журналиста. В нашем исследовании мы проследили за цитируемостью корпоративных печатных изданий в 2010 г. и 2016 г. в федеральных СМИ. По нашему мнению, данные периоды показывают два разных этапа развития корпоративной прессы. Согласно исследованию Media Line «Трансформация корпоративных медиа в эпоху мессенджеров», ключевым корпоративным изданием по типу в 2010 г. были журналы и газеты с симметричной долей около 44 % рынка [9]. В 2016 г. такая парадигма изменилась, и компании отдали предпочтение «сайту/порталу» как типу корпоративного издания. Объем печатных изданий корпоративных СМИ в 2016 г. по сравнению с 2010 г. сократился с 44 % до 16,7 %. Гипотеза исследования заключается в установлении взаимосвязи между сокращением объема печатных корпоративных СМИ и снижением роли этого источника информации для журналиста, соответственно. Если тиражи корпоративной прессы упали, то цитирование их журналистами также снизилось? Для определения роли корпоративных медиа в настоящее время мы проанализировали цитируемость данных изданий в деловой журналистике. Под ссылками на корпоративные издания в федеральных СМИ подразумеваются упоминания источника в контексте всех возможных словосочетаний: «в газете ... опубликовано интервью», «по сообщению...», «по материалам...», при использовании объекта ссылки «в корпоративном журнале», «корпоративной газете», «корпоративном издании».

Выбор федеральных СМИ для исследования основывался на следующих требованиях:

1. Федеральное СМИ общественно-делового, делового типа.
2. Ежедневное освещение новостей компаний.
3. Расширенный по штату корреспондентов бизнес-блок редакции (от 10 человек).
4. Усредненное количество читателей (AIR, Average Issue Readership) на основе данных исследования TNS за сентябрь 2015 — февраль 2016 г.).
5. Рейтинг СМИ по итогам 2015 г., подготовленный компанией «Медиалогия» [9].

Мы проследили цитируемость корпоративной прессы в федеральных деловых печатных СМИ (сетевые версии) — газете «Ведомости» (<http://www.vedomosti.ru>), «Коммерсантъ» (<http://kommersant.ru>), «РБК» (<http://www.rbc.ru>).

Газеты выбраны по следующим основаниям: 1) принадлежность к федеральной прессе; 2) наличие в структуре редакции усиленного делового/бизнес-блока; 3) приоритетная ориентированность на освещение бизнес-тематики.

В результате полученные данные помогли решить следующие задачи исследования: а) выявить общее количество упоминаний корпоративной прессы в заявленные годы; б) обнаружить лидеров по цитируемости среди корпоративных изданий; в) определить, в каком секторе экономики функционируют корпоративные журналы-лидеры; г) установить отрасли промышленности, корпоративные издания которых цитируются чаще всего; д) выявить жанры, в которых в федеральных СМИ упоминаются корпоративные издания (интервью/статья/статистические данные); е) определить динамику цитируемости (снижение/повышение) и сравнить данные в 2010 г. с 2016 г.; ж) выявить круг журналистов федеральных СМИ, которые чаще всего ссылаются на корпоративные издания. И самое главное — определить, каким структурным элементом журналистского текста стала информация, взятая со ссылкой на корпоративное издание. Основа всей новости, эксклюзивная заметка, часть бэкграунда, справка или деталь, дополняющая материал журналиста — это возможные варианты цитирования информации корпоративной прессы в федеральных СМИ.

Проследив за количеством публикаций в федеральных СМИ в 2010 г. и 2016 г., автор исследования установил, что общее количество цитирований корпоративных СМИ в федеральной прессе за 2010 г. и 2016 г. составило 42 материала. Суммарно «Ведомости» цитировали корпоративные издания в 2010 г. 8 раз, в 2016 г. — 10 раз; «Коммерсантъ» в 2010 г. — 11 раз, в 2016 г. — 1 раз; «РБК» в 2010 г. — 5 раз, в 2016 г. — 7 раз. Если отстраниться от конкретного федерального СМИ и посмотреть на общую картину, в 2010 г. — совокупно деловыми изданиями было опубликовано 24 материала, в 2016 г. — 18 материалов.

Отметим, что, с одной стороны, количество публикаций «Ведомостей», основанных на ци-

тировании корпоративной прессы, увеличилось в 2016 г. по сравнению с 2010 г. С другой стороны, статистика «Коммерсанта» с количеством цитирований в 2016 г. существенно упавшим по сравнению с 2010 г. не дает возможности сделать ясное заключение о характере цитирования в 2010 г. и 2016 г. Одновременно с этим «РБК» показывает достаточно ровную статистическую картину.

Анализируя характер данного цитирования, отметим, что все публикации классифицированы по группам:

1. Цитирование как эксклюзивный материал (материалы федеральных СМИ, полностью основанные на информации корпоративных медиа; ссылка на информацию и на ее источник упоминается сразу в лиде).

2. Цитирование в качестве дополнительной информации к материалу журналиста, для обогащения текста деталями.

3. Цитирование в таких элементах журналистского текста, как бэкграунд и справка.

Основываясь на этой классификации, нам удалось выявить характер цитирования в отобранных 42 публикациях. Таким образом, 29 из 42 материалов включали в себя цитирование как эксклюзивный материал; 10 из 42 материалов цитировали корпоративные издания в качестве дополнительной информации; 3 из 42 материалов использовали ссылку на корпоративные медиа для составления справки и бэкграунда.

Корпоративными изданиями — лидерами цитируемости в федеральных СМИ стали: корпоративный журнал «Газпрома» — 19 из 42 упоминаний, корпоративный журнал «Транснефти» — 3; корпоративная газета «Сургутнефтегаза» — 2; корпоративное издание «ВСМПО-АВИСМА» — 2; корпоративное издание РЖД — 2; корпоративная газета «Вести КАМАЗа» — 2; корпоративное издание «Росатома» — 2.

Вывод, который можно сделать, проанализировав лидеров цитирования, заключается в том, что корпоративные издания компаний топливно-энергетического комплекса упоминаются чаще всего. Версией данной картины может быть то, что у этих компаний высокая доходность, и их бюджет обеспечивает большое количество корпоративных изданий, либо федеральным журналистам тяжело добыть информацию прямым путем (общение с топ-менеджерами ТЭКа, высокая публичность компаний), и они чаще своих коллег-журналистов обращаются за поиском темы для материала к корпоративным изданиям.

Среди эксклюзивных материалов, написанных о компаниях ТЭКа, фигурируют такие заголовки:

- Миллиарды на Талакан — «Сургутнефтегаз» в 2010–2012 гг. направит 98 млрд руб. на завершение обустройства Талаканского месторождения.
- «Газпром» оставил Турции четверть — Компания смягчила для Турции условия принципа take or pay в рамках соглашения о поставках газа, разрешив без штрафов снижать объем закупок на 75 %.

- «Южный поток» обойдется в €15,5 млрд — интервью начальника департамента по управлению проектами Газпрома Леонида Чугунова корпоративному журналу «Газпром».

Исследование характера и изменения цитируемости корпоративных медиа в федеральных СМИ на фоне сокращения объема печатной продукции корпоративных СМИ имеет значение для определения корпоративных медиа в качестве эксклюзивного источника информации для бизнес-журналиста. Тенденция к сокращению количества цитирований корпоративных СМИ есть (с 24 до 18 упоминаний в 2010 г. и 2016 г. соответственно), но она не может быть охарактеризована как драматический спад ссылок на издания компаний. Таким образом, мы можем констатировать, что, несмотря на падение тиражей печатных корпоративных СМИ и переход корпоративных медиа в сегмент онлайн-порталов или сайтов, использование журналистами при написании материалов корпоративных газет и журналов остается одним из важнейших способов получения эксклюзивной информации о компании.

Кроме того, нам удалось установить, что большинство ссылок в федеральных медиа появляется на корпоративные издания компаний области ТЭК: это корпоративный журнал «Газпрома», корпоративный журнал «Транснефти», корпоративная газета «Сургутнефтегаза» и корпоративное издание «Росатома». Установлено, что абсолютное большинство материалов федеральных СМИ ссылались на корпоративное издание при написании эксклюзивного материала.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что роль корпоративной прессы как источника информации, а также источника эксклюзивной информации для отраслевых журналистов федеральных СМИ в 2016 г. не снизилась по сравнению с 2010 г., когда тиражи корпоративных медиа гораздо выше.

2. Санкт-Петербург

Литература

1. Абрамова А. В. Становление корпоративной прессы на Западе и в России: сравнительный анализ / А. В. Абрамова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Выпуск № 3. — 2009. — С. 347–383. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-korporativnoy-pressy-na-zapade-i-v-rossii-sravnitelnyy-analiz>
2. Блинова М. В. Рынок деловых СМИ как фактор модернизации современной России [Электронный ресурс] / М. В. Блинова // Медиаскоп: электрон. журн. фак. журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова. URL: <http://mediascope.ru/480>
3. Деловая журналистика: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. А. В. Вырковского. — Москва: МедиаМир, 2012.
4. Еременко А. Деловая пресса в России: история, типология, моделирование изданий: автореф. дис. канд. филол. наук / А. Еременко. — Ростов н/Д, 2006.
5. Исследование MediaLine, онлайн-сервис SlidesShare. URL: <http://www.slideshare.net/LeonidKhomeiki/2016-62376953>
6. Исследование TNS. Усредненное количество читателей (AIR, Average Issue Readership) на основе данных исследования TNS за сентябрь 2015 — февраль 2016 (года) URL: <http://www.tns-global.ru/services/media/media—audience>
7. Мельник Г. С. Деловая журналистика: Учебное пособие / Г. С. Мельник, С. М. Виноградова. — Санкт-Петербург : Питер, 2010.
8. Мурзин Д. А. Деловая пресса / Д. А. Мурзин. — Москва, 2001.
9. Рейтинг СМИ по итогам 2015 года, подготовленный «Медиалогией». URL: http://www.mlg.ru/ratings/federal_media/4009/2015/o/
10. Технология новостей от Интерфакса. Style Guide: учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Ю. А. Погорелого. — Москва: Аспект пресс, 2011.
11. Типология периодической печати / под ред. М. В. Шкондина, Л. Л. Реснянской. — Москва : Аспект Пресс, 2009. — С. 106.
12. Чемякин Ю. В. Соотношение понятий «деловая пресса» и «корпоративная пресса» / Ю. В. Чемякин // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 24. — 2008. — № 60. — С. 126–132.

Марина Дрогайцева

Функционирование названия СМИ: юридический аспект

Аннотация: в статье рассматривается вопрос о праве СМИ на свое название, анализируются способы его защиты от недобросовестных конкурентов. Обсуждаются сходство и различие товарного знака и названия СМИ.

В последнее время все более актуальным становится вопрос о том, какие права имеет СМИ на свое название.

Как известно, регистрация средств массовой информации осуществляется в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и в ее территориальных управлениях в соответствии с Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации»¹. Согласно ст. 10 вышеупомянутого Закона, название средства массовой информации указывается в заявлении о регистрации. Само заявление о регистрации, как это следует из ст. 8 того же Закона, подается учредителем средства массовой информации. Также из данной статьи следует, что редакция средства массовой информации осуществляет свою деятельность после его регистрации. Средство массовой информации считается зарегистрированным со дня выдачи свидетельства о регистрации. На основании ст. 16 Закона о СМИ деятельность средства массовой информации (а вместе с ним и использование наименования СМИ) может быть прекращена или приостановлена по решению учредителя.

Таким образом, изложенный порядок позволяет сделать следующие выводы. Право на использование названия средства массовой информации возникает в силу регистрации СМИ и только после такой регистрации. Название средства массовой информации выбирается его учредителем. Ему же принадлежит право прекратить или приостановить деятельность средства массовой информации, а следовательно, и использование названия.

Обращает на себя внимание тот факт, что перечисленные особенности в определенной степени роднят название СМИ с товарным знаком (о понятии товарного знака см., например, работу

М. Е. Новичихиной²). Такое родство также усиливается положениями ст. 13 Закона о СМИ, которые как одно из оснований для отказа в регистрации средства массовой информации предусматривают более раннюю регистрацию средства массовой информации с теми же названием и формой распространения массовой информации. То есть законом предусматривается определенная форма исключительности использования названия СМИ в отношении определенной группы товаров (услуг). Между тем данное положение не препятствует регистрации средств массовой информации с названием, которое сходно до степени смешения с названием ранее зарегистрированного СМИ. Обнаруженный факт, в отличие от предыдущих, выявляет заметную разницу между названием СМИ и товарным знаком. Так, в соответствии со ст. 1483 Гражданского кодекса РФ³, регистрация товарного знака при аналогичных обстоятельствах не может быть осуществлена. Таким образом, мы видим, что регистрация изданий, названия которых хотя и не являются идентичными, но по существу не различимы для потребителя, становится возможной. Это может вводить потребителя в заблуждение, создавать простор для недобросовестных действий, в том числе в форме недобросовестной конкуренции, порождать конфликтные ситуации между конкурирующими изданиями.

Как видим, защиту медианазвания со стороны Закона о СМИ нельзя назвать сильной. Во избежание подобных ситуаций вполне обоснованно можно встретить рекомендации регистрировать названия средств массовой информации в качестве товарных знаков (например, в письме Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям⁴).

2. Новичихина М. Е. Коммерческое название, рекламный текст, бренд, товарный знак, номен : разграничение понятий / М. Е. Новичихина // Вестник Воронежского гос. ун-та. — Сер. Филология. Журналистика. — Воронеж, 2004. — № 1. — С. 165–170.

3. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации [Текст] : [Федер. закон: от 18 декабря 2006 г. N231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»]. — Режим доступа: www.gkrf.ru. — Ст. 1483.

4. Письмо Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям от 23 сентября 2003 г. № Ц/1-14-222 «О регистрации названий средств массовой информации в качестве товарных знаков».

1. Закон О средствах массовой информации : федер. закон от 27 декабря 1991 № 2124-1// Российская газета. — 1992. — № 32.

Об авторе: М. А. Дрогайцева — помощник заместителя начальника Юго-Восточной железной дороги.

В соответствии с Международной классификацией товаров и услуг (МКТУ)⁵, используемой при регистрации товарных знаков, периодические печатные издания относятся к товарам 16 класса МКТУ. Таким образом, название СМИ может быть зарегистрировано в качестве товарного знака, и тогда в силу ст. 1477 Гражданского кодекса РФ⁶ на товарный знак будет признано исключительное право, удостоверяемое свидетельством на товарный знак. В соответствии со ст. 1484 Гражданского кодекса РФ⁷, учредителю СМИ, на имя которого зарегистрировано медианазвание в качестве товарного знака, принадлежит исключительное право на его использование.

Необходимо сразу же оговорить, что не всегда название СМИ может быть зарегистрировано как товарный знак. Закон о товарных знаках устанавливает ряд ограничений, не допускающих регистрацию определенных обозначений либо в силу их характера, либо в силу того, что их регистрация может нарушить права других лиц. Так, в качестве товарных знаков не допускается регистрация медианазваний, не обладающих различительной способностью или состоящих только из элементов, характеризующих СМИ, в том числе указывающих на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место, способ производства или сбыта (например, «Газета для всех», «Липецкая газета» и др.).

Стоит обратить внимание и на тот факт, что зарегистрированный товарный знак должен обязательно использоваться. Иначе права на товарный знак могут оспорить любые заинтересованные лица.

Практика регистрации названий СМИ в качестве товарного знака на российском потребитель-

5. <http://www.mktu.info/>

6. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации [Текст]: [Федер.закон: от 18 декабря 2006 г. N231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»]. — Режим доступа: www.gk-rf.ru. — Ст. 1477.

7. Там же. — Ст. 1484.

ском рынке не так велика, однако существует. Так, примером названий газет, зарегистрированных в качестве товарного знака, являются «Экономическая газета», «Ежедневная обща газета», «Литературная газета», «Медицинская газета», «Финансовая газета», «Известия», «Юношеская газета», «Новая ежедневная газета», «Страшная газета», «Независимая газета» и др.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о том, какие права имеет СМИ на свое название, можно сделать следующие выводы. Потребность в защите названия СМИ на сегодняшний день является очевидной. Название СМИ до сих пор не указано в Гражданском кодексе РФ в качестве самостоятельного средства индивидуализации (интеллектуальной собственности). Ни Гражданский кодекс РФ, ни Закон о СМИ не устанавливают в отношении названия СМИ режима исключительных прав, не содержат его нормативного определения, не определяют его функций и режим использования. В целом следует признать, что регистрация названия СМИ в качестве товарного знака существенно усиливает позиции его владельца, надлежачим образом обеспечивая его права и позволяя ему использовать эффективные средства защиты от недобросовестных конкурентов.

Литература

1. Закон О средствах массовой информации : федер. закон от 27 декабря 1991 № 2124-1// Российская газета. — 1992. — № 32.
2. Новичихина М. Е. Коммерческое название, рекламный текст, бренд, товарный знак, номен : разграничение понятий / М. Е. Новичихина // Вестник Воронежского гос. ун-та. — Сер. Филология. Журналистика. — Воронеж, 2004. — № 1. — С. 165–170.
3. Письмо Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям от 23 сентября 2003 г. № Ц/1-14-222 «О регистрации названий средств массовой информации в качестве товарных знаков».
4. Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации [Текст]: [Федер.закон: от 18 декабря 2006 г. N231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»]. — Режим доступа: www.gk-rf.ru. — Ст. 1477, 1483, 1484.
5. <http://www.mktu.info/>

Лариса Дьякова

Прогноз погоды на 61 февраля, или размышления о речевой культуре телевизионного журналиста

*Заговори, чтоб я тебя увидел.
Сократ*

Известно, что главный рабочий инструмент журналиста — слово. Оно служит журналисту так же, как мастерок каменщику, смычок скрипачу, кисть художнику или отбойный молоток шахтёру. Журналист обязан владеть словом если не виртуозно, то хотя бы профессионально. Употреблять его грамотно и точно, чувствовать уместность. А. С. Пушкин очень точно сформулировал функциональное понимание уместности речи: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и соразности».

Под уместностью речи мы понимаем строгое соответствие ее структуры условиям и задачам общения, содержанию выражаемой информации, избранному жанру и стилю изложения, индивидуальным особенностям автора и адресата.

Мы выделяем три аспекта уместности речи:

1 *стилевая*

Это представление об уместности употребления языковых средств в том или ином стиле (научном, официально-деловом, художественно-публицистическом и т. д.)

2 *ситуативно-контекстуальная*

Она тесно связана со стилевой и, собственно, определяется последней. Однако иногда (когда не характерные для какого-то стиля слова бывают единственно уместными в определенном контексте) она может с ней не совпадать. Выбор языковых средств зависит от темы, жанра, аудитории. Журналист (ведущий) должен чётко осознавать, кому он свою речь адресует, то есть употребление языкового материала должно быть стилистически мотивировано.

3 *личностно-психологическая (с учетом экстра— и интралингвистических факторов)*

Здесь предполагается внутренняя вежливость, такт, внимательное отношение к собеседнику, умение найти точное слово, интонацию, установление правильных взаимоотношений. Грубое же слово, равнодушие, сарказм, издевательская интонация оскорбляют не только собеседника, но и всех

присутствующих, свидетелей разговора, а также зрителей. Более того, слово может не только оскорбить, послужить причиной конфликта, но и стать социальным злом.

С письменной речью все понятно. Автор имеет больше времени и возможностей для подготовки текста. Он пользуется источниками, словарями, консультируется со специалистами, вычитывает и правит текст. С другой стороны, читатель имеет возможность перечитать непонятный абзац или уточнить слово. У него есть время на размышление и осмысление. Она графически закреплена.

Речь же устная, звучащая в телевизионном эфире, как правило, спонтанная. Она создается в процессе говорения, для неё характерна импровизация, свобода в выборе лексики, использование побудительных, вопросительных, восклицательных конструкций, повторы, паузы, незаконченность выражения мысли, а также большой арсенал невербальных «помощников» — жестов, мимики.

Речь современного журналиста, особенно работающего в прямом эфире телевидения, представляет собой что-то среднее между литературным и разговорным языком. В отличие от журналиста пишущего, тележурналист (ведущий) часто создает текст своего выступления в момент говорения и в присутствии слушателя-зрителя. В этом заключаются её главные достоинства: сиюминутность и оперативность, интерактивность, эффект присутствия. Но предостерегает и опасность сказать что-то неверно, ошибиться, потерять мысль. Телевизионный и радиожурналист часто работает в режиме реального времени, и если он допустит оговорку, ошибку, то её мгновенно услышат сотни зрителей-слушателей. А к речи ведущих ТВ в России относятся очень критично, ведь не одно поколение людей выросло на передачах советского телевидения и радио, которые по праву считались образцами грамотной литературной речи.

Журналисту необходимо понимать, какие характерные черты устной речи создают ему профессиональную репутацию, а также то, как речь журналиста влияет на успех коммуникации.

Неоспоримо, что речь журналиста должна быть информационно насыщенной, логически выверенной, стилистически грамотной, богатой и разнообразной.

Речь звучащая, в отличие от письменной, должна быть более простой по конструкции. Если в письменном тексте допустимы причастные и де-

Об авторе: Дьякова Лариса Николаевна, к.ф.н., доцент кафедры телевизионной и радиожурналистики Воронежского государственного университета.

епричастные обороты, вводные слова, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, отступления, цитаты, скобки и т. д., то звучащая речь должна быть удобной для восприятия на слух. Приветствуются более простые конструкции, короткие предложения.

Что касается лексики, то журналист должен избегать новых слов, которые ещё не прижились в обществе. То есть неологизмы, так называемые *мемы* (например, пресловутый *Карл*, модный в среде пользователей социальных сетей, конструкция *ИМХО* и т. п.); профессиональные слова (из языка программистов, рок-музыкантов, моряков, военных) сначала должны быть закреплены в общепринятой практике и только потом введены в обиход журналиста.

Звучащая речь не приемлет использования аббревиатур (МБОУ, ГАЗ, ФИПСИ, МОУДО, УПДРНС). Настоящей бедой считаем проникновение в электронные СМИ сложных экономических и политических терминов, названий профессий, которые были сняты с других языков (преимущественно с английского) как калька. Например: *франшиза, адаптивная структура, ПЭСТ-анализ, дискреционная фискальная политика, девелопер, джоббер, супервайзер, ресепшионист, хед-хантер, коучер...*

В обществе к подобным словам существует негативное отношение (*засоряют язык, непривычные слова, не знаю, как эти слова употреблять, не понимаю значения*). Отметим, что использование англицизмов языку не вредит, более того, пополняет его, ведь одна из функций языка — накопительная. Многие слова уже не выбросишь, они прижились и приобрели социальную значимость. Но важно помнить, что использовать трудные для понимания иностранные слова нужно в меру и только в том случае, если они необходимы и уместны. А то можно получить обратный эффект: слушатель выключит телевизор, потому что ему будет непонятно, о чем идёт речь, а значит, и не интересно. Именно поэтому широкий зритель отказывался смотреть телеканал РБК в период его существования на ТВ (*много специальной лексики, не понимаю, о чем идет речь*) и экономические новости в информационных программах НТВ. Создается впечатление, что ведущие рубрики специально наводняют текст своего выступления экономическими терминами иностранного происхождения, красуются своим знанием языка менеджеров, забывая при этом, что в народе подобное речевое поведение осуждается (*умничает, строит из себя*).

Важно вспомнить и некоторые труднопроизносимые слова, которые нежелательны в звучащей речи. Одно из них мы сейчас употребили — *труднопроизносимые*. Но есть и другие примеры: *предшествовавшими временами, воспользовавшемся служебным положением, покровительствовавшие чиновнику, облагодетельствованные властью, опосредованному субсидированию, реставрируемому зданию, транспортируемые, выкристаллизовавшиеся...*

Эти слова очень трудно произнести, они коварны, в них легко споткнуться. Поэтому их нужно

либо заменить синонимами, либо упростить: *которые транспортируются, покровители, здание реставрируется и т. п.*

Тележурналисты должны помнить, что слово, взятое в кавычки, будет понято только в печатном тексте, потому что кавычки — знак графический. Если же употреблять такое «закавыченное» слово в устной речи, то слушатель не оценит ни факта цитирования, ни иронии, которая предполагалась.

В звучащей речи очень важна интонация. В программе «Доброе утро» на Первом канале ведущая Е. Стриженова в свойственной ей манере: весело, «на улыбке» — читает заметку о том, что в России уменьшен размер прожиточного минимума. Дескать, цены снизились, растут зарплаты, поэтому правительство приняло такое решение. Ведущая светится от счастья, а зрители либо раздражены, либо скептически хмыкают. Уменьшение прожиточного минимума повлечёт за собой ряд безрадостных последствий, скажется на размере пенсий, оплате труда бюджетников. Ведущая выбрала явно не самый правильный тон подачи материала, она не понимает, о чём говорит, не прогнозирует коммуникативных последствий.

Темой отдельной статьи может стать вопрос сочетаемости слов и фраз в звучащей речи журналиста, работающего на телевидении, а также роли дикции, разделительных пауз. Приведём несколько забавных примеров, услышанных в эфире и иллюстрирующих, как важен порядок слов и понимание нюансов звучащей речи.

Спортивный репортаж: «*Уже в воскресенье пройдёт сама гонка*» (*слышится — самогонка*). *Передача о театре: «Первый же ввод в спектакль оказался для актрисы удачным»* (*слышится — живот*). Или: «*Она занервничала, стала их листать*» (*слышится — хлестать*). По этому поводу вспоминается анекдот о покупателе, который пришел в магазин: «Покажите мне чайник, который подметал» Ему показывают либо чайники, либо пылесосы. Общего языка не получается. Оказывается, покупатель имел в виду чайник, который не «подметал», а «под металл».

Отдельно остановимся на проблеме, которая активно обсуждается в СМИ в наши дни (март-апрель 2017 г.). Речь о буквально наводнившей телевизионный эфир дворовой, блатной лексике. Это просторечные выражения (*ни кожи ни рожи, балдеть, замусяканный, жратва, толстомордый, плюгавый, стерва, шалава, трахаться, чпокаться, покалякали, не грузи меня, вынесли мозг, эти проблемы всех достали*). Сленг (*стучать, чувачок, чел, аналогичная фигня, бабки*). И даже обценной (ненормативной) лексики. Здесь мы не будем приводить примеров. Достаточно включить телеканал ТНТ, когда там идут программы «Камеди клуб», «Наша Раша» или «Дом-2», чтобы убедиться в том, что наши претензии не беспочвенны. Часто «запихивается», но при этом «прочитывается» по губам — мат в речи участников ток-шоу «Пусть говорят» на Первом, «Прямой эфир» на канале «Россия», «Говорим и показываем» на НТВ.

Мат, по нашим наблюдениям, очень вольготно чувствует себя в общественном пространстве. Мы помним примеры ругательств со стороны известных артистов, политиков (Жириновский, Киркоров). Вопиющим поведением перед публикой и телекамерами славится известный музыкант Сергей Шнуров (группа «Ленинград»). На концертах этой группы (а она собирает стадионы!) со сцены звучит отборный мат. Скандальный ролик «На лабутенах», в котором звучали грязные ругательства, стал лидером просмотров в Интернет. Его посмотрели миллионы. Даже маленькие дети ясельного возраста подхватили слова этой песни: «На лабутенах, нах... и в о...хштанах».

К слову, 21 апреля 2017 г. группа выступила в Воронеже, после чего самое популярное СМИ области вынесло в заголовок резонный вопрос: «Почему «Ленинград» в Воронеже не оштрафовали за мат?»

Воронежские журналисты приглашают к обсуждению проблемы своих читателей: «Как известно, матерная лексика в песнях — это часть стилистики группы Сергея Шнурова. В связи с этим «Ленинград» периодически штрафуют на концертах. На портале «МОЁ! Online» после концертов «Ленинграда» не раз появлялись возмущённые отзывы: мол, почему правоохранительные органы разрешают «этим похабникам» выступать. Нарушают ли Шнур и компания закон, употребляя крепкие словечки? Оказывается, не всё так просто» (подробнее: <http://www.moe-online.ru/news/view/362081.html>).

Под этим материалом схлестнулись в комментариях как поклонники Шнурова, рьяно защищающие своего кумира, так и законопослушные горожане, которых оскорбляет поведение артистов, использующих нецензурную брань в общественных местах. Они напоминают о существовании Кодекса об административных правонарушениях, который классифицирует обсценную лексику (мат) как мелкое хулиганство (**статья 20.1. КоАП РФ** предусматривает штраф за нецензурную брань в общественном месте, а в некоторых случаях даже арест). Добавим к этому, что Сергей Шнуров обласкан российским ТВ. Его много и часто показывают, приглашают в различные шоу, он желанный гость на телевидении, а значит, невзыскательный зритель может посчитать поведение С. Шнурова нормой.

Впрочем, голоса о «переформатировании» телевидения, о защите общества от мата, бескультурия, насилия звучат все громче и чаще.

В обществе наблюдается явное недовольство содержанием и языком современного ТВ. Всё чаще раздаются голоса: *я давно выбросил телевизор, у меня нет и не будет в доме зомбоящика...*

Вот известный литератор, тележурналист Аркадий Кайданов пишет в Фейсбуке: «Ведущий Первого канала А. Шейнин в прямом эфире М. Бому: Хорош бакланить!.. У меня, собственно, всё». В комментариях к этому посту зрители эмоционально обсуждают проблему:

— Терминология жлоба из подворотни.

— Неудивительно. Официальные лица в высших эшелонах уже давно на блатняке разговаривают. Задали тон.

— «Убеждён, что Трампа просто развели, и он повёлся» (С. Миронов), — так что это теперь тренд.

— А Лавров учил манерам журналистов-антагонистов.

— Стыдно.

— Переходим на феню: на телеканалах и в международных переговорах.

— А когда дяденька, который ведёт воскресные новости на первом канале вместо Зейналовой, рассказывая что-то о Навальном, сказал «... они ПРОСРАЛИ страну», я думала, что ослышалась! Пусть даже это цитата, но всё-таки это главный канал страны! Лучше бы уж как в старые времена рассказывали на хорошем русском языке сколько зерна намолотили и как пополнили закрома родины! Но с другой стороны, если президент предлагал «мочить в сортире», то почему ведущим нельзя по фене?

Широкий резонанс получила статья известного телевизионного критика Ирины Петровской с говорящим названием «Говорит и показывает подворотня. На российском ТВ появился новый тип ведущего — гопник» («Новая газета», № 39 от 14.04.2017).

Поводом для горьких раздумий И. Петровской послужило речевое поведение того же А. Шейнина, ведущего политического шоу на Первом канале. Телекритик отмечает, что лексика ведущего, употребляющего выражения «он нас разводит конкретно», «говори осторожно, а то до конца эфира можешь и не дожить, слова выбирай», «не надо высказывать из штанов», а также похабные телодвижения, скабрёзные шутки недопустимы в эфире, они не в традициях российского ТВ. Петровская напоминает о том, как велика роль телевидения в воспитании вкуса: «В былые времена для работы в кадре отбирали людей симпатичных, обаятельных, воспитанных, образованных. Сначала они назывались дикторами и своими хорошо поставленными голосами, правильно интонируя, произносили тексты, написанные им редакторами. Сленг, жаргонные словечки, просторечные выражения были в принципе непредставимы в телевизионном эфире, за неточное ударение можно было схлопотать строгача, поэтому язык радио и ТВ считался тогда эталонным. Не говоря уже о том, что зрителям было просто приятно смотреть на красивых женщин и представительных мужчин. В них влюблялись, их нежно называли по именам, а костюмы и причёски любимых дикторов пытались копировать поклонницы».

Писатель Дмитрий Петров в своей статье «На разных языках. Об особенностях современного политического лексикона» вторит Ирине Петровской: «...ведущий одного российского ток-шоу обещал «показать Америке, что у нас тоже есть кое-что в штанах». Таков сейчас политический язык СМИ. Он беспокоит. Так как не только отражает, но отчасти формирует политику. И когда он такой, то это политика уровня пивной, где меряются содержимым штанов. Жаргон забегаловки — «мразь», «недоносок», «пес», «пошел вон» — звучит все чаще, будто его внедряют. Ведь вряд ли в сфере массовых коммуникаций выбор языка вещания пущен на самотек. Но если образцом делают этот язык, то вопрос: кому и зачем это нужно?» («Лента. Ру.20.04.17)

Известный журналист, филолог, редактор портала «Словари XXI века» А. Михеев делится в Фейсбуке свежим впечатлением о только что прослушанной в эфире федерального СМИ передаче: «За пять первых минут радиопередачи про хамство телеведущих в эфире уже обсудили “ведро говна” и зрительниц, которые хотят видеть “вонючего мужика, бьющего их розгами по жопе”». Как видим, его комментарий носит иронический характер, он служит аллюзией известного монолога из пьесы А. Грибоедова: «А судьи кто?»

Итак, мы видим, что языком ТВ, а точнее, речью телевизионных ведущих сегодня недовольны все: общество, учёные-филологи, журналисты, а главное — зрители.

Проведённый нами в марте 2017 года в г. Воронеже опрос показал, что вульгарный, безграмотный, грубый язык ТВ жители города в 70% осуждают? 20% опрошенных горожан (возраст 15-80 лет) высказали озабоченность влиянием ТВ на умы детей и подростков.

Респонденты считают, что именно ТВ формирует во многом языковую культуру в обществе, что телевизионные ведущие, сами того не ведая, навязывают стиль речи, моду на слова и выражения, манеру разговора.

Воронежцы вспомнили помимо положительных фраз — примеров («Берегите себя и своих близких». А. Малахов, «Но это совсем другая история». Л. Каневский) множество фраз-паразитов, вошедших в активный лексикон именно «из телевизора»: чмоки-чмоки, звезды в шоке, вау, потому что гладиолус и др.

Почти все опрошенные осуждали телевизионные передачи (ток-шоу), основанные на бытовых конфликтах, где герои шоу оскорбляют друг друга, прибегают к рукоприкладству, ведут себя крикливо, скандалят, закатывают истерики, перебивают друг друга. Зрители считают, что подобное зрелище интересно людям малообразованным, телевидение же, по мнению респондентов, должно зрителя уважать, а «не держать за дурака, за быдло».

В погоне за рейтингом и популярностью работники ТВ, действительно, часто забывают о социальной ответственности и морали. Вышеприведённые примеры подтверждают это. Но бывает, что языковая небрежность случается из-за элементарной спешки или отсутствия грамотного редактора, а то

и из-за чересчур «креативного» поиска языковых средств. Например, продвигая один из местных телеканалов в социальной сети, журналист написал в анонсе: «Ты точно не угадаешь с одеждой! Прогноз погоды в Воронежской области на 61 февраля...» Читатели восприняли это как опечатку, посмеялись. Но оказалось, что журналисты специально посчитали дату от последнего дня февраля до соответствующего дня в апреле. Только вот читатели сайта, а значит, потенциальные зрители, такого своеобразного креатива не оценили. А всё потому, что и в данном случае, и во всех, приведённых выше примерах, было нарушено правило уместности.

Ещё раз обратимся к статье Дмитрия Петрова, который, рассуждая о языке политики и языке СМИ, замечает:

— Слово «политика» родом из античного полиса, модель которого лежит в основе всех республик. Язык — ее главное орудие. Пока слово не взял «товарищ маузер». Тогда он становится подсобным орудием агитации и дезинформации; доносов и разносов; приговоров и переговоров. Но пока маузер молчит, язык — главнее. На нем власть говорит с другими властями и своими народами, а народы — с собой: рабочие — с хозяевами, протестующие — с полицией, кандидаты — с избирателями.

У всех свой лексикон. Миллионер и спонсор революции Савва Морозов звал народ «братцы». Борис Ельцин: «дарагия расияни и расиянки». Владимир Путин: «уважаемые граждане России».

И в заключение приведем пример ещё одной оговорки, и тоже связанной с прогнозом погоды. Её «поймал» в эфире уже цитируемый нами лингвист и журналист А. Михеев: «Только что в радионовостях: “Сегодня в Москве ожидается небольшой вождь”».

Сегодня она вызывает улыбку своей двусмысленностью, игрой слов. Но страшно представить, что могло бы произойти с диктором Всесоюзного радио, допустившим подобную оговорку, к примеру, в 30-40-50 годы прошлого века.

Мы ни в коем случае не за цензуру, карательные меры. Но мы — за ответственность ТВ перед зрителем и обществом.

Мы — за бережное отношение, за уважение к русскому языку. За культуру речи, за то грамотное, эталонно грамотное телевидение, которое у нас было и которое мы потеряли.

г. Воронеж

Виктор Левшаков

Роль и принципы функционирования диалога в интернет-СМИ

Аннотация: На основе анализа изменений в структуре аудитории онлайн и печатных СМИ автор задумывается о формах взаимоотношения авторов и читателей на новых площадках. В исследовании поднимается вопрос о существовании и роли диалога в интернет-формате.

Главным источником новостей о событиях в стране и мире для большинства наших сограждан по-прежнему остается телевидение. Однако если в 2015-м году предпочтение телевидению отдавали 62 процента аудитории, то в 2016-м уже меньше — только 57 процентов. Это исследование было опубликовано Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в начале 2017 года.

В поиске новостных материалов аудитория всё чаще обращается к интернет-СМИ. При этом характерны две тенденции. Первая — неизменный рост аудитории таких изданий: за последний год охват аудитории онлайн-СМИ достиг 27 процентов.

Вторая тенденция гораздо важнее: интернет площадку как источник информации сегодня всё активнее использует молодая аудитория. Сеть является главным источником новостей для 62 процентов пользователей в возрасте 18-24 года и для 47 процентов пользователей в возрасте 25-34 лет.

Всемирная паутина является той площадкой, на которой идет борьба за аудиторию. Аналогичный процесс наблюдается и в традиционных новостных СМИ. Однако здесь преобладает аудитория пенсионного возраста — до 84 процентов аудитории старше 60 лет выбирают традиционные медиа. При этом эксперты ВЦИОМ подчеркивают, что доля тех, кто готов полностью перейти на чтение электронных СМИ, уже составляет 17 процентов.

Анализируя региональный рынок СМИ, мы наблюдаем схожие тенденции. По данным портала Liveinternet в пятерку наиболее популярных СМИ в Воронеже входят «МОЁ! Online», «РИА Воронеж», «Комсомольская правда в Воронеже», «Блокнот» и «360.ru». При этом только два издания («Моё!» и «Комсомольская правда») имеют печатные версии.

Остается к этому добавить, что максимальный тираж еженедельного печатного издания доходит до 45 тысяч экземпляров, а online версию за то же время могут прочитать 120-130 тысяч пользователей.

Об авторе: Левшаков В. С., аспирант Воронежского государственного университета

То, что печатные издания проигрывают в конкурентной борьбе интернет-СМИ, новостью не является. Вопрос в другом — как меняются в этой связи взаимоотношения автора и аудитории? Сохраняются ли в этих условиях диалог потребителя информации с её поставщиком? И с помощью каких ресурсов он поддерживается?

Что лежит в основе такого диалога? Прежде всего — идея со-творчества. Л. Е. Кройчик пишет: «Диалог — это потребность высказаться. Диалог — это желание быть услышанным. Диалог — это одно из оснований человеческого бытия. Диалог всегда — стремление к обновлению представлений о мире, рождающихся как у автора, так и у аудитории».

Исследователи отмечают, что диалог в публицистическом материале «не только вопросно-ответная форма мышления, как он подчас трактуется в словарях, не только способ усвоения информации, не только авторский прием, но и само бытие культуры».

Развивая эту мысль, В. Ф. Олешко подчеркивает, что диалог журналиста (индивидуального коммуникатора) с самим собой как с другим, с аудиторией (учитывая всю её многомерность) характеризует творчество, несовместимое с прямолинейностью, догматизмом.

Отсюда у нас появляется вопрос — способны ли интернет-СМИ уйти от прямолинейного изложения фактов и побудить аудиторию к размышлению, к самостоятельному осмыслению происходящего в мире, к действию? Вопрос закономерен.

Мы считаем, что интернет-СМИ в массе своей склонны выполнять прежде всего функции информативности. Правда, в последнее время стали появляться интернет-СМИ, нацеленные на побуждение аудитории к со-переживанию, побуждение на более интерактивные взаимоотношения с аудиторией.

Характерный пример. В московском регионе рейтинги популярности бьет портал «РИАМО». Привычная новостная информация здесь соседствует с историями людей. И одновременно портал пытается использовать такие формы взаимоотношений с аудиторией, как игры, викторины и тесты. Портал «Argamas.academy», позиционирующий себя как просветительский, предлагает контент, нацеленный на историческое и культурное обогащение аудитории.

И это находит отклик у читателей. Интернет-портал активизирует взаимоотношения пользо-

вателя с источником информации, побуждает аудиторию к самостоятельному осмыслению предложенной ей информации. Возникает устойчивая обратная связь аудитории с источником информации, что помогает возникновению паритетных отношений между адресантом и адресатом, без чего диалог невозможен.

Паритетность отношений в диалоге — вещь принципиальная: несовпадение мировоззренческих, идеологических и эстетических позиций в процессе организации диалога еще не повод для его прекращения. В диалоге важно то, что именуется «ситуационным фоном». Принципиально разная оценка происходящего — не повод для прекращения коммуникативных отношений, а лишь возможность для проверки права на собственную точку зрения. К сожалению, сегодня наблюдается прямо противоположная тенденция в зарубежных, да и в отечественных СМИ.

По данным сервиса Liveinternet, сегодня в России в тройку наиболее популярных медиа-порталов входят РБК, lenta.ru и «РИА Новости». Однако РБК отказалось вести открытый диалог с аудиторией напрямую на сайте издания. В «Ленте» комментарии оставили, но сделали их «скрытыми», то есть недоступными для быстрого просмотра. Необходим дополнительный переход — следовательно, связь между текстом и комментариями аудитории теряется. И только «РИА Новости» комментарии сохранили.

Даже на региональном рынке два СМИ из упомянутой выше пятерки наиболее популярных воронежских изданий закрыли комментарии.

Подобный «опыт» уже проходили зарубежные издания. Так, издание Motherboard объяви-

ло о закрытии пользовательских комментариев из-за их «вредоносности». Отказался от читательских комментариев и сайт журнала «Popular Science», сославшись на то, что мнение аудитории сильно отличается от «истинного понимания смысла текста».

Такой подход к понимаю задач, которые решает публицист, включаясь в диалог с аудиторией, сужает принципиальные возможности диалога, смысл которого — не только в организации прессой дискуссии, но и прежде всего в постановке проблемы, затрагивающей общественное внимание.

Диалог — вовсе не обязательно проповедь. На наш взгляд, это скорее вариация, приглашающая к дальнейшему обсуждению темы. Диалоговые отношения способствуют превращению адресата в субъект высказывания, отвечающего за свои слова. Интернет-СМИ не должны отказываться от этой роли. Нужны лишь новые формы ведения диалога, и аудитория сама пойдет навстречу.

г. Воронеж

Литература

1. Кройчик Л. Е. Диалоговые ресурсы публицистики / Л. Е. Кройчик // Вопросы теории и практики журналистики. — 2015. — № 2. — Том 4. — С. 140.
2. Коган Л. Н. Теория культуры / Л. Н. Коган. — Екатеринбург, 1993. — С. 126.
3. Олешко В. Ф. Журналистика как творчество / В. Ф. Олешко. — Москва : РИП-холдинг, 2003. — С. 221.
4. Интернет против телевидения: битва продолжается. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения 10.05.2017).

В. Хорольский, Ю. Маркина Западные массмедиа в эпоху постиндустриализма и постмодернизма: политэкономический взгляд

Аннотация: В статье предпринята попытка увязать принципы постиндустриальной экономики и постмодернистской эстетики в разговоре об эволюции западных СМИ в последние три десятилетия. Сделан вывод о губительности гипермонополизации для культуры и СМИ не только по причинам экономическим и политическим, но и с точки зрения перспектив развития массмедиа.

Ключевые слова: постиндустриализм, постиндустриальное общество, постмодернизм, гипермонополизация в СМИ, медийная концентрация, дериватив.

Медийный текст (далее — МТ) как товар изучается на Западе давно. Как и всякий товар, текст, созданный журналистами, продается на основе законов спроса и предложения, рыночной конкуренции, прибыли и т. п. Но явно и различие МТ и других товаров на рынке. Принципиальная особенность журналистских товаров — изготовление в пространстве СМИ особого духовного продукта, который может устаревать, но не исчезать бесследно, как использованные углеводороды. Действительно, мебель устаревает, ломается, выбрасывается в мусорные баки, уголь и нефть — это фактически невозобновляемые товары, которые почти полностью исчезают в процессе их потребления: газ сгорает бесследно, пищевые продукты съедаются, нефть в недрах Земли возобновляется медленно и в крайне ничтожных количествах, уже к концу этого века наступит углеводородный «голод». О медийных текстах так не скажешь. Легко увидеть существенное различие товаров широкого потребления и медийных товаров именно в вопросе о путях и сроках использования. Первые,

в большинстве случаев, и это очевидно, конечны, используются один раз, а вторые далеко не всегда исчезают бесследно. Новости могут «всплывать» в связи с новыми обстоятельствами, публицистика долговременна в силу идей и стиля изложения и т. п. Более того, МТ, даже скоропортящиеся «новости», устаревая, способны жить в умах потребителей очень долго (нам не дано предугадать, как писал классик, влияния наших слов на реципиента, не дано знать, «как наше слово отзовется»). Некоторые статьи и очерки Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, В. Дорошевича, Ч. Диккенса, Г. К. Честертона, О. Уайльда, Дж. Лондона, Э. Хемингуэя и других авторов перечитываются многими поколениями. Статьи, телепрограммы и другие медийные материалы продаются по законам рынка, но их идейное и идеологическое бытование в информационном пространстве и ноосфере имеет часто неожиданный, почти непредсказуемый характер: идеи внезапно становятся силой, когда ими пользуются значительные группы людей, когда они овладевают массами, как об этом вполне здраво писали классики марксизма-ленинизма.

Можно с уверенностью констатировать, что МТ имеет ярко выраженную контекстуальную политэкономическую онтологию, актуализируемую через познание и воплощение модуса повседневности в его «денежном» эквиваленте. МТ серийно воссоздает «документально-новостную» сторону ежедневного бытия, частью которого остается борьба за существование.

Как подчеркивали теоретики журналистики из МГУ, медийный рынок состоит из двух ипостасей: 1) рынок контента, т. е. из произведений журналистов и сопутствующих товаров, производимых в лоне массмедиа (напр., телешоу, где журналисты могут быть активными участниками-создателями медиапродукта, а могут и не быть таковыми); 2) рынок аудиторный, предлагающий рекламодателям потребителей медиаконтента в качестве вторичного товара СМИ. Московская школа медиаэкономики, заметим в скобках, изучает СМИ как отрасль рыночного хозяйства, для которой важны не столько глобальные закономерности (особенности производства и потребления вообще, соотношение экономики и политики, роль финансов

Об авторе: Хорольский Виктор Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета

Маркина Юлия Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры Массовые коммуникации и прикладная лингвистика Ростовского государственного университета путей сообщения.

и банков, труд и стоимость, цена и прибыль как общемировые категории и т. п.), сколько более конкретные параметры, прежде всего микроэкономические показатели (доходы от рекламы в СМИ, концентрация и конкуренция изданий, аудитория как товар, особенности коммодификации, финансиализация и сетевая коммуникация и т. п.). Нас более интересуют макроэкономические и культурные аспекты явления, но пересечение тем и образов в этом вопросе неизбежно.

Труд журналиста воплощается в продукте, за который потребитель, как правило, платит, но есть и исключения (бесплатные газеты, предельно дешевый сетевой контент и т. п.). Пищевые продукты изготовители тоже могут раздать, но лишь в очень малых количествах (обычно ради рекламирования товара). Труд журналиста сочетает в себе творческое и рутинное начала, и соединение креатива и стандарта в этой профессии сегодня таково, что «звездных» мастеров становится меньше, а «конвейерных» работников, получающих скромную зарплату, больше. Так выгоднее хозяевам медийного бизнеса.

Бросается в глаза очередной парадокс рынка: растет разрыв между спросом и предложением. Естественно, что спрос отражает наши потребности. Но спрос — это не только потребности, но и возможности. На структуру спроса влияет мода. Спрос конкретной аудитории на конкретный товар с большой долей достоверности указывает на принадлежность потребителей к определенной культуре, к региону проживания, к этносу и т. д. Казалось бы, рынок легко регулирует моменты встречи производителя и потребителя в точке соединения двух кривых — спроса и предложения. Как это легко наблюдается в каждодневной жизни, например, в случае с товарами широкого потребления, когда перепроизводство товара порождает кризис, разорение неповоротливых производителей, не приостановивших выпуск невостребованной продукции. В такой ситуации преобладания предложения над спросом в нормальных условиях цены падают, победители остаются с прибылью, остаются поставщиками товаров и услуг, а проигравшие уходят. Не знающая границ медийная деятельность подталкивает локомотив глобализации, сближая духовные элиты разных стран, вовлекая в свою воронку массы профессионалов и любителей. Как отметили исследователи Кристофер Гилберт и Панос Варангис, «рыночная либерализация является частью феномена глобализации... Практические эффекты рыночной либерализации часто и сложны и противоречивы» («market liberalization is part of the globalization phenomenon...The practical effects of market liberalization are often both complicated and controversial»)¹. Имелась в виду амбивалент-

ность, порожденная неизбежностью глобализации и унификации, с одной стороны, и очевидными противоречиями международной интеграции, когда страны Африки, например, обречены на догоняющее развитие без осязаемых шансов на выравнивание позиций в экономике или в развитии массмедиа. Казалось бы, развитие сетевых коммуникаций неизбежно ведет к демополизации, к демократизации всех сфер жизни, к росту числа свободных игроков, к совершенствованию конкуренции. Ускорение обмена информацией с помощью телекоммуникаций, удваивающих каждые 3 года объем передаваемой информации (экспоненциальный рост), казалось, каждому жителю на планете обеспечивает легкий и очень дешевый доступ к мессенджеру. Но это лишь одна сторона медали. Второй стороной (или, говоря образно, второй головой кентавра) является алчность отдельных игроков и корпоративный эгоизм элит, далеких от всякой эмпатии и гуманности.

В последние десятилетия в мире произошли радикальные экономические и социокультурные изменения, одной из характеристик которых считается «постиндустриализм», впервые системно и глубоко описанный в книге Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество» (иной вариант названия — «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования»)² (1973), который, опираясь на идеи А. Пенти, Р. Арона и Д. Рисмена³, сформулировал свою идею так: «Понятие постиндустриального общества является аналитической конструкцией, а не картиной специфического или конкретного общества. Она есть некая парадигма, социальная схема, выявляющая новые оси социальной организации и стратификации в развитом западном обществе», и далее: «Постиндустриальное общество... является «идеальным типом», построением, составленным социальным аналитиком на основе различных изменений в обществе»⁴. Другими словами, отталкиваясь от процитированного суждения, можно сказать, что после индустриальной стадии развития общества, когда производство товаров было сердцевинной производством, наступил этап, когда индустриальный труд больших коллективов рабочих был оттеснен трудом интеллектуальным, креативными усилиями малых коллективов, доля физического труда стала уменьшаться, а знания и любая социально значимая информация приобрели решающее значение.

Однако Д. Белл в своих работах почему-то утверждал, что общество не представляет собой единой системы, а состоит из трех весьма разнородных

1. Gilbert C. L., Varangis P. Globalization and international Commodity trade with specific reference to the West African cocoa producers. In: Challenges to globalization. Analyzing the economics Ed. R. Baldwin and L. Winters. Chikago, L., 2004. — P. 135.

2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.

3. Riesman D. Leisure and Work in Post-Industrial Society // Larrabee E., Meyersohn R. (Eds.). Mass Leisure. Glencoe (Ill.), 1958. P. 363–385.

4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество... — С. 47.

сфер: экономической, политической и культурной, за что его резко раскритиковал Ф. Уэбстер, упрекавший видного социолога в отрицании историзма, возможности планировать будущее в мировом масштабе, а также в «антихололизме»⁵, т. е. в отказе от идеи целостности мира, что парадоксальным образом сближает идеи Д. Белла с внешне далекими постмодернистскими концепциями истории. Постиндустриализм и постмодернизм можно с некоторой долей условности назвать двумя сторонами одной медали.

Важнейшей причиной изменений в экономике и культуре Запада в XX в. Белл называл наступление «деиндустриализации», изменение баланса в производстве товаров и услуг, последовавшее за научно-технической революцией в автоматизации производства, робототехнике и информатизации. Сегодня в США на сферу услуг приходится 80% ВВП. Это и есть показатель нового типа общества. В сегменте услуг доминантой становятся информационно-образовательные услуги. Образ наступающего информационного общества, пунктиром обозначенный, но еще зримо не прорисованный Д. Беллом и его современниками, позже был подробнее охарактеризован в трудах экономистов, социологов и теоретиков массовых коммуникаций (П. Друкера, Ф. Уэбстера, Э. Тоффлера, Л. Земляновой, И. Мелюхина, В. Иноземцева, А. Ракитова и многих других). Данный образ в наше время не может быть объемным и полным без учета решающей роли массовых коммуникаций и СМИ. Мало в отечественных трудах по теории журналистики уделено внимания идее сакраментальной «глобальной деревни» М. Маклюэна. В частности, после прояснения мотива глобальности, вновь оживились споры о вечной антитезе «город-деревня». Антиурбанизм стал теоретическим противоядием и противовесом тенденции массивизации общества, антитезой идеологии толпы, вызовом концепции расширяющегося потребления как гарантии стабильного роста экономики. Интеллектуалы-гуманитарии в странах развитого мира, члены «зеленых» организаций («Гринпис» и др.), активисты в развивающихся странах и другие сторонники гармоничного развития общества и личности в многочисленных статьях и сегодня сопротивляются росту антиэкологических тенденций, разрастанию мегаполисов, всемогущим ТНК, строительству промышленных гигантов, а порой (напр., в статьях М. Пеннингтона, Г. Стэндинга, А. Дугина) ощущается и сопротивление созданию информационных супермагистралей, что тоже нельзя считать только консервативным настроением современных «луддитов» или эпатажем интеллектуалов. Ведь город сегодня стал не только центром прогресса, но и очень плохой средой обитания. Дело не только в скученности, шуме, спешке, уличных

бандитах, плохой экологии. Сегодня люди бегут из больших городов в Сабурбию (так писатель Дж. Чивер назвал пригороды), не только из-за внешних причин, но и часто — прочь от переизбытка информации, от ненужных связей и лишних коммуникаций, которых не избежать в мегаполисах. Город с его информационным давлением на человека убивает индивидуальные черты в людях, убивает неповторимое в массовом человеке. Современный «заорганизованный» человек-потребитель, по словам Р. Музиля, является «человеком без свойств», то есть человеком толпы, человеком без глубоких убеждений и своих мыслей, без особых личных пристрастий и сокровенных целей. Существенную отрицательную роль в процессе обезличивания человека сыграли коммерциализированные СМИ, тиражирующие на рынке потребления идеалы массовой культуры.

Существенно развил теорию постиндустриализма российский ученый В. Л. Иноземцев, который поддержал мысль Д. Белла о формировании «общества знания», нуждающегося в грамотных рабочих и инженерах, но еще более нуждающегося в программистах, ученых и теоретиках всех фундаментальных направлений науки. Несколькими гипертрофируя антимарксистскую тенденцию в концепции Д. Белла, отечественный автор преуменьшил значение категории «труд», описывая ее как «ресурс», а не сущностное понятие в политэкономии, при этом как-то ускользнуло и понятие эксплуатации человека человеком, но, с другой стороны, В. Иноземцев, опираясь на выводы Э. Тоффлера, М. Маклюэна и М. Кастельса, тщательно анализируя ситуацию в конце XX в., верно отметил, что число фабричных рабочих, «пролетариев», согласно марксистской терминологии, а также работников, получающих зарплату из государственного бюджета, будет в будущем неуклонно сокращаться, индустриальные рабочие, как и большие заводы, будут заменяться частными предпринимателями, маленькими группами узких специалистов, фрилансерами и т. п. Сопоставляя экономические взгляды «постиндустриалистов» и «постмодернистов», В. Иноземцев занимает позицию радикального либерала, сторонника западных ценностей, но при этом он справедливо указал на важность понимания логики потребления информационных продуктов нового поколения в массовом обществе, живущем по законам «роевой» психологии⁶. Массификация (иногда встречается неловкий синоним «массофикация») потребления инфопродукции в нашем веке столкнулась с очевидной контртенденцией — единая раньше аудитория (либо большая группа аудиторий) стала дробиться, массовое

6. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы : Учеб. пособие для студентов экон. направлений и специальностей / В. Л. Иноземцев. — М. : Логос, 2000. — 302 с. Эти тенденции хорошо описала и дополнила исследовательница М. А. Хевеши. См.: Хевеши М. А. Толпа, массы, политика: Ист.) филос. очерк. — М., 2001. — 223 с.

5. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. / Ф. Уэбстер; пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; под ред. Е. Л. Вартановой. — М. : Аспект Пресс, 2004. — 400 с.

стало отвергаться, аудитория СМИ потеряла четкие очертания, ее фрагментация не могла не привлечь внимания рекламодателей, для которых важна именно целевая аудитория потенциальных покупателей. Аудитория как продукт продажи на рынке СМИ в постиндустриальном мире стала объектом пристального внимания социологов, теоретиков журналистики и социальных психологов⁷. Неуклонное распространение философии деиндустриализации, «демассификации» и антиурбанизма на Западе в XX в. стимулировало многие изначально амбивалентные процессы в массовом обществе, в частности, после Второй мировой войны обострился конфликт между элитарной и массовой культурами. «Масскульт», опираясь на философию массового потребления, гедонизма и конвейерного производства, негативно воздействовал на СМИ: медийный рынок прочно организован как место продажи «малоинтеллектуальной» продукции, например, глянцевого («гламурных») журналов.

Изменения, связанные с новыми принципами взаимодействия людей и организаций в условиях информатизации производства, повлияли на ослабление соподчиненности элементов социальной системы по вертикали, что повлекло за собой широкое развитие антииерархических горизонтальных связей, за которым последовало появление «размытых» структур и отношений в социуме. Иными словами, возрастание доли информационных услуг (телефонизация, реклама, медиатизация управленческих стратегий и т. п.) способствовало демократизации жизни масс и либерализации не только товарно-денежных отношений, но и семейно-бытовых, социокультурных и прочих отношений в общественной и личной жизни. Признаком экономической и научно-информационной трансформации в масштабах всей планеты стала более свободная миграция рабочей силы, сравнительно недавний «нахлыл» на европейские страны выходцев из Африки и Арабского Востока. Сегодня тысячи людей из бедных стран Юга планеты приезжают в богатые города, где уровень жизни выше. Мигранты не только выполняют грязную работу, но и спасают демографию в Европе, в то же время они же несут с собой глобальные проблемы: экономические, расовые, религиозные, языковые, сексуальные. Их труд не оплачивается в должной мере, мигранты пополняют ряды «прекариата» (неологизм социолога Гая Стэндинга), т. е. общества с рискованной занятостью, члены которого теряют работу в первую очередь. Глобализация мировой экономики дала свободу перемещения и труда, но не дала гражданских прав беженцам и гастарбайтерам. Отсюда бунты в городах Франции и Англии, расовые конфликты в странах развитого Севера, отсюда провал политики мультикультурализма.

7. См., напр., Вартанова Е. Л. Основы медиаэкономики и менеджмента за рубежом / Е. Л. Вартанова. — М., 2002. — С. 45.

Социальные перемены сопровождались повсеместным распространением денежно-коммерческих отношений во всем мире, идейной гомогенизацией (однородностью) медийного пространства, а также — не в последнюю очередь — ухудшением положения журналистики в обществе. Известный немецкий журналист Удо Ульфкотте, умерший при весьма загадочных обстоятельствах, написал об этом пронзительную книгу «Продажные журналисты»⁸, за которую его, по слухам и убили. В книге журналист и один из редакторов «Франкфуртер альгемайне цайтунг», опираясь на документы, описал свой личный опыт лганья и продажности, рассказал, покаявшись, о нравах западных СМИ, о лицемерной политике газет, толкающих своих работников на сделки с совестью. Он, как когда-то Гюнтер Вальраф, разоблачил не только отдельных чиновников, но весь миропорядок современного медийного рынка. Он с негодованием восклицал:

«Так кто же или что же управляет нашими безумными ведущими СМИ? Действительно ли наши ведущие журналисты принимают наркотики? Или же у этого систематического безумия совершенно иные причины? Может быть, за ним стоят специалисты по пропаганде? В прежние времена от такого предположения наверняка бы отмахнулись, как от очередной «теории заговора». Но сегодня нам известно, что журналисты уважаемых СМИ являются главной целью манипуляторов, стремящихся через сообщения наших СМИ навязывать аудитории свое истолкование событий, происходящих в мире. Так работают, в первую очередь, правительства США и израильтяне. Существуют даже справочники, описывающие, как влиять на качественные СМИ. Ясно одно: тот, кто работает в уважаемых СМИ, должен крайне осторожно относиться к группам, лоббирующим чьи-то интересы, в том числе американские и израильские. Как мы скоро увидим, некоторые журналисты поступают прямо противоположным образом. Очевидно, они превосходно чувствуют себя в паутине — прежде всего в паутине американских и израильских групп влияния. Да еще и хвастаются тем, что дали запутать себя в эту паутину, гордо упоминая о своем «членстве» в крайне подозрительных кружках»⁹.

Опытный публицист и медиакритик Удо Ульфкотте создал сенсационную книгу-памфлет, направленный против коррупции и лжи в СМИ, но он фактически прошел мимо таких вопиющих фактов, как государственный монополизм, давление власти на СМИ с помощью дотаций, исчезновение практики наказания чиновников за сокрытие общественно значимой информации, превращение журналистов в «пиарналистов» и т. д. Однако, сопоставляя его книгу с книгами Г. Вальрафа, Ги Дебора, М. Маклюэна, Э. Тоффлера, С. Лема и многих

8. Удо Ульфкотте. «Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги». — 2015. — С. 213–219. — 375 с.

9. Там же. — С. 14.

других зарубежных аналитиков, несложно сделать вполне логичный пессимистический вывод о деградации профессии «журналист», о новом повороте в многострадальной истории социально значимой, очень нужной и все еще уважаемой профессии репортера. Действительно, достаточно ретроспективного взгляда на рубеж XX–XXI вв., чтобы увидеть, что вывод названных ученых, писателей и медиакритиков, хотя и не очень оригинальный, но неопровержимый. Вот лишь одно наблюдение.

В годы расцвета «консьюмеризма», т. е. массового потребления и борьбы за качество товаров, особенно во второй половине прошлого века, когда постиндустриализм только входил в силу, продажа новостей, основной продукции репортерского цеха, а тем более рекламирование товаров в форме журналистских текстов, манипуляции с общественным мнением, а также продвижение на рынок идей «своих» партий и политиков — все это становится привычным бизнесом, частью деятельности достаточно уважаемых изданий и информационных агентств. Пропаганда из идеологической сферы все чаще переходит в сферу товарно-денежных отношений и политпиара, как в случае с Р. Мердоком и его политическими маневрами с использованием подконтрольных СМИ. При этом политики всегда отвечали взаимностью, давая зеленый свет монополистическим устремлениям медиамагната.

Массмедиа и СМК выбрасывают на рынок огромное количество псевдоновостей, сообщений о малозначащих событиях, превращающих МТ в «информационный шум». Например, вышедшая из печати книга И. Кобзона, посвященная его воспоминаниям о прожитом, содержала отрывок о певице А. Пугачевой. Заголовок рецензии на книгу был такой: «Кобзон о Пугачевой: дура есть дура». Он стал рекордсменом в Сети по просмотрам.

В СМИ множатся «копии несуществующего объекта», о чем упоминал Ж. Бодрийяр, вводя в научный обиход термин «симулякр». Ж. Бодрийяр в своей статье «Забастовка событий» (1992) говорил, как и Ф. Фукуяма, о конце истории, который связан с тем, что в ней «нет больше места для События, которое прежде создавало собственную сцену действия, само выбирало актеров, и толковалось при этом не случайным стечением обстоятельств, но провидением, и поэтому было окружено своего рода аурой, которая вызывала веру и благоговение из поколения в поколение»¹⁰. События для многих неискушенных потребителей — это «соблазн», способ сделать собственную скромную жизнь богаче и ярче. Ученый пояснял это так: «Имманентная сила соблазна — все и вся оторгнуть, отклонить от истины и вернуть в игру, чистую игру видимостей, и моментально переиграть и опрокинуть все системы смысла и власти; заставить видимо-

сти вращаться вокруг себя самих...»¹¹ Часто в СМИ тиражируются информационные «муляжи», «симулякры», «кажмости», виртуальные объекты, мнимые сенсации, в то время как реальность, по поводу которой у коммуникаторов, как правило, мало согласия, поверхностно препарируется в самых разных по ориентации изданиях. Падение статуса профессии журналиста во многом связано с общим размыванием этических и творческих критериев. Это заметно особенно в желтых СМИ, где новости подаются без должного учета научной картины мира и принципов верификации истины. Медийно-событийная картина мира в СМИ Запада в последние десятилетия реконструируется, как правило, на базе «потребительских» (обывателейских) представлений об истине. Этому есть любопытное объяснение.

Хроника великой Повседневности, упакованная как сенсационный нарратив о чрезвычайных событиях, не слишком интересна для всемирной истории, но мелкие новости о мелких делах «мелких» людей не могут быть хорошим, интересным инфотоваром, т. к. люди всегда больше хотят знать о значительном либо необычном, услышать что-то не просто интересное, но сенсационное. Отсюда и стремление многих журналистов раздувать скандалы, вести информационные войны, привлекать внимание к медийному событию, даже если оно и не претендует на социальную значимость. Продаваемость новости подменяет ее социальный масштаб. Рядовые и особенно малообразованные потребители инфопродукта диктуют повестку дня в СМИ не меньше, чем заинтересованные бизнес- и культурные элиты, разница «только» в степени воздействия и в возможности менять повестку дня быстро. Создание (конструирование) журналистского новостного текста как иерархической системы элементов, вписанной в метасистему индустрии массмедиа, обычно опирается на запросы среднего человека, мало подготовленного к напряженному умственному труду, например, — чтению качественных МТ в деловых журналах. Вкусы среднестатистического потребителя особо трепетно учитывает реклама, мощный двигатель не только торговли, но и масскульты. Рекламная составляющая МТ с годами неуклонно возрастает, углубляя противоречия качественной и популярной журналистики и отражая мировой кризис профессии. Как известно, новостийный потенциал событий мифологического толка часто связан с отклонением от привычных норм и ценностей, с превращением СМК в подобие древнего фольклора. Автор в этом случае не особо важен¹². Отбор фактов для

11. Бодрийяр Ж. Фрагменты из книги «О соблазне» // Иностранная литература. — 1994. — №1. — С. 62.

12. Согласно традиции, редко нарушаемой, но не аксиоматической, журналист в МТ, представляя публике свой труд, чаще имеет дело с чужим словом и сознанием, нежели со своим мнением о событиях. В отличие от писателей, журналисты редко делают свои мнения и предпочтения объектом публичных раз-

10. См.: П. Рикер и Ж. Бодрийяр на философском факультете // Мысль. Ежегодник Петербургской Ассоциации философов. — СПб., 1997. — Вып. 1. — С. 181.

репрезентации жизни в СМИ обычно является результатом чьей-то коллективной (в большинстве случаев) деятельности, по определению субъективной. Но данный постулат не означает полного господства субъективности в формировании новостной повестки дня. Это положение корреспондирует со следующим законом: в СМИ представлена не только реальность жизненного мира, но и его «виртуальность», показаны квазисобытия, сплетни, версии и пограничные явления, внешне похожие на действительные события. Медийные события нередко создаются (организуются) вне самоочевидной связи с объективной реальностью, как ее понимает точная наука, в результате возникает симбиоз фактов и мифов, амальгама точных сведений, реальных событий и квазисенсаций, сплетен о звездах, с их экстраординарностью, вымыслы дельцов от журналистики. Это все делает профессию уязвимой и нередко постыдной.

Постмодернистские тексты создаются не только сторонниками эпатажа, но и теми авторами, которые нередко пытались изображать жизнь с точки зрения серьезной сатиры, писатели-постмодернисты (напр., Дж. Барнс, Т. Пинчон, Т. Стоппард, поздний Дж. Фаулз) в своем творчестве воссоздавали все богатство индивидуально-психологических свойств личности, рисовали героев с позиций личного и сугубо независимого авторского эстетического идеала и вкуса. Это была попытка противостоять «массовизации» личности и ее нивелировке в обществе стандартизации и унификации антропологических ценностей, но попытка быстро провалилась, масскульт интегрировал всю оригинальность постмодернистов и превратил в свой пикантный придаток, сделав интеллектуалов-бунтарей (вроде Ж. Бодрийера или Ж. Лиотара) частью спектакля и развлечения в духе шоу «Камеди клуб». Можно назвать ключевое слово, пароль рассматриваемого глобального явления в мировой культуре: игра. Традиционная наука ищет смысл бытия, старается «прочитать его причастность некоей первооснове,

истине»¹³, а постмодернизм обращается с вечными истинами как с кубиком Рубика, которым можно играть с удовольствием и радостью, но смысл при этом ускользает, а польза уходит на периферию социального бытия¹⁴.

Если говорить только о культуре, то постмодернизм выделяется легче всего как специфический стиль размышления и письма в эпоху глобальной унификации медийной культуры. Практика постмодернистского письма освобождает медиадискурс от авторитарности, о чем писали А. Джакер, Дж. Лакофф и Т. Ван Дейк. В статье «Масс-медиа сегодня: дискурсы доминирования или дискурсы многообразия» Т. Ван Дейк анализировал СМИ как носитель политических и медийных дискурсов, причем сам термин «дискурс» понимался как «передача когнитивного содержания, вкладываемого адресантом, адресату через средство текста в его лингвистическом воплощении и заложенных в нем определенных стратегий подачи информации»¹⁵. Герхард Хоффман, Альфред Хорнунг, Рюдигер Кунов, Филипп Соллерс, Жиль Делез, Феликс Гваттари и другие представители гуманитарных наук, ссылаясь на авторитет таких мэтров, как Р. Барт, Ж. Деррида и Ю. Кристева, утверждают, что потребитель медийной продукции погружается в виртуальную реальность симуляций и во все большей степени воспринимает мир как игровую среду. Теоретик массмедиа Л. Землянова, понимая виртуализацию как процесс замещения институализированных практик симуляциями, отметила, что постмодернизм отрицает или по-новому трактует эстетические принципы применительно к идеям ощущаемой культуры и индустриального общества, связанные с развитием электронных массмедиа¹⁶. Вместе с тем, как показывает сопоставление точек зрения на постмодернизм самых различных авторов, постмодернистская ментальность во многом порождена обостренным чувством языковой игры, вспышкой интереса к прецедентному тексту, т. е. к тексту, конституируемому цитатой. Реминисцентность,

бирательств. Идеал журналиста — красноречивый доказанный факт, а не личная эмоция. А из этой аксиомы вытекает принципиальное для понимания природы МТ следствие: самобытно-индивидуальные и излишне стилистически маркированные тексты, а тем более тексты, где идеалом является экстравагантный стиль изложения, в СМИ по определению (в отличие от текстов искусства) не могут преобладать количественно, на практике исследователи имеют дело гораздо чаще с нормированно-функциональными языковыми стилями, с клишированными образцами речевых актов, хотя и авторское начало, конечно же, исключительно важно, оно никогда не выпадает из поля зрения медиакритики. См. также: Хорольский В. Зарубежная публицистика в Эпоху Постмодернизма. Проблемы анализа медийных дискурсов. Пособие для магистров. — Воронеж : Кварта, 2012 — 147 с. Хорольский В. Отступления от стандартов лингвокультурологической этики в англоязычных СМИ / Современные проблемы журналистской науки. — Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2012 — С. 127–155;

13. Малахов В. С. Постмодернизм // Современная западная философия: Словарь / Сост. Малахов В. С., Филатов В. П. — М., 1991. — С. 238.

14. Жбанков М. Р. Постмодернизм // Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. С. 536.

15. Van Dijk T. A. The Mass Media Today: Discourses of Domination or Diversity? // www.discoiirse-m-society.org/OldArticles. Статья «Масс-медиа сегодня: дискурсы доминирования или дискурсы многообразия» была написана в 1995 г. Именно тогда ван Дейк окончательно присоединился к интеллектуальному движению, получившему название «Критический дискурс-анализ». Подробнее см.: Менджерицкая Е. О. Публицистика как тип дискурса // Язык. Менджерицкая Е. О. Публицистика как тип дискурса // Язык, сознание, коммуникация. М., 1999. Вып. 7. С. 13–18.

16. Землянова Л. М. Журналистика и коммуникативистика. Концептуализация медийных процессов в современной зарубежной науке. М.: МедиаМир, 2012. 188 с.

аллюзивность постмодернистских произведений самоочевидна.

Неопределенность настроений в постиндустриальном обществе была порождена увеличением многообразия кризисных явлений, не всегда адекватно воссоздаваемых в массмедиа, обилием событий, степени их непредсказуемости и неупорядоченности, а также увеличением духовной энтропии в «заорганизованном» мире. Не случайно возник термин «блип-культура», т. е. культура, характеризующаяся атомизированием процессов восприятия и интерпретации информации. Скажем, в работах таких философов, как Ж. Деррида, П. Рикер, Поль де Манн и т. п. систематичность — базовый принцип классически гуманитарного знания — дополняется идеей внесистемного, антииерархического дискурса, не подчиняющегося авторитарному Слову традиции. Принцип децентрации, по мнению западных ученых, тесно связан со всеми главными идеями постмодерна: плюрализацией культурных установок, верховенством критицизма и скептицизма над дисциплиной и ответственностью, релятивизацией (ризоматизацией) старых ценностей, в частности, идеалов Истины и Красоты. Ситуация носит характер глобальный. Журналисты не могли остаться в стороне и от данной тенденции.

Культурософское рассмотрение явления монополизации и глобализации СМИ, опирающееся на глобалистское понимание культурных процессов, позволяет, на наш взгляд, дополнить существующие точки зрения еще одной моделью панорамного плана. Требование создать антитоталитарную эстетику очень напоминает эстетические реформы в переходный период рубежа XIX–XX веков, когда декаденты провозгласили культ экстравагантно и экспериментального искусства, играющего с прошлым опытом. С точки зрения культурологов, представляющих глобально-культурософский взгляд на искусство (Й. Хейзинга, О. Шпенглер, А. Тойнби и т. п.), декаданс в Европе стал выражением цивилизационного кризиса, а не только выражением «усталости» классического искусства. Литературоведы и культурологи Запада (Б. Бергонзи, Ф. Ливис, Й. Флетчер, Р. Эллман, Л. Доулинг, П. Коутс) чаще связывают эпоху декаданса с жадной новой, с переоценкой викторианской традиции, которая к 1880-м годам породила массу эпигонов, приведя традиционно-миметическую культуру в состояние замешательства. Это замешательство (не без примеси ницшеанского бунтарства) и было, думается, подступом к модернистской революции, определившей поиски мифотворцев, сюрреалистов, имажистов, экзистенциалистов и других реформаторов ментальности европейцев и жителей США. В творчестве Дж. Джойса, Т. С. Элиота, У. Б. Йейтса, Ф. Кафки, а позже — Дж. Барнса, М. Павича, М. Кундеры и т. п. можно легко обнаружить элементы игры с цитатами, иронию и ризоматичность, которые в конце XX в. стали самостоятельной художественной стратегией.

Таким образом, постиндустриализм, опирающийся на научно-технический прогресс, означая переход от культа производства товаров к культуре «услуг», изменяя миссию и структуру массмедиа, служит базой информационного общества. Западный постиндустриализм, создавая общество потребления, в определенной мере делает СМИ проводником передового знания, но в то же время в последние десятилетия наблюдается «расширенная продажа» псевдозначимой медийной информации, вызывающей протест ответственной журналистики.

Транснациональные медийные корпорации, как и любые монополии, заинтересованы не только в продаже товаров и услуг, но и в формировании своего рынка, в продаже «стиля жизни», в изменении норм и ценностей определенной направленности. Еще в позапрошлом веке, в эпоху Р. Херста и Дж. Пулитцера, развлекательный контент стал изготавливаться синдицированно и с большой долей конвейерного способа создания и тиражирования. В отличие от конвейера на заводах Форда, где из рабочих выжималась физическая энергия, на медийных фабриках товаром стал духовный продукт, создание которого требует серьезных умственных усилий и таланта. Творческая энергия, затрачиваемая на поиск и анализ информации, в отличие от физической, менее поддается учету и контролю, что делает пролетариев умственного труда более активными акторами на рынке. Социальная психология активно помогала творцам массовой культуры узнавать и понимать запросы общества, выполнять социальный заказ и успешнее адаптироваться к духу времени. По свидетельству многих психологов и теоретиков СМИ (С. Московичи, С. Шайхитдинова, Е. Ахмадулин, М. Назаров, Е. Прохоров и др.), в культуре последних десятилетий стал особо актуальным принцип компенсаторной, замещающей энергии МТ. В жизни рядовых граждан, как полагают продавцы медиапродукции, маловато интересных событий, а теоретики, принимающие этот тезис, ссылаются на данные социальной психологии, подтверждающие принципиальную малозначимость рядовых событий. Мониторинг прозы бытия далеко не всегда волнует публику. Каждодневность журналистских новостей не только подкрепляет стереотипы массового восприятия, но и питается ими. Рутинность работы в массмедиа порождается самой рутинностью существования.

Рутинность трудноуловима. Ее суть проявляется только при включенном симультанном наблюдении, при постоянном ежедневном сопоставлении мелочей. Создается впечатление, что рутинность жизни виновна в культе интересного и развлекательного: нет яркой жизни у миллионов жителей планеты, вот и ждут, мол, они «встряски» извне, жаждут замещения неинтересной жизненной конкретики некоей виртуальной яркостью и захватывающей динамикой новостной ленты. Серость будничной жизни миллионов типичных потребителей в ус-

ловиях чрезмерно упорядоченного, бюрократически организованного общества разбавляется чужим адреналином, новостями о необычном, пусть даже маловероятном. Это закон не только массовой культуры, но и глобальный закон современного социального бытия, многократно подтвержденный новейшей историей¹⁷. С другой стороны, для истории, культуры, для памяти человечества важнее не мир мнений, а мир первичных событий (ПС) и достоверных фактов, при этом анализ именно атомарных фактов (АФ) и событий, действительно происшедших и адекватно воспринятых, предельно важен и для самореализации журналиста: это та практика, которая служит точкой отсчета в профессиональном росте и в реализации личной миссии человека.

Обыденность, как и художественную реальность, трудно зафиксировать в медийно-документальном тексте, в журналистской хронике в качестве яркого социального феномена, привлекательного для аудитории с малой познавательной компетенцией. Обыденность, с одной стороны, очевидна и даже прозрачна для всякого наблюдателя, мы все ее свидетели-участники, однако ее природа такова, что она ускользает от взора не только малоподготовленного потребителя, но и аналитика, скрываясь за мелочами быта, деталями повседневной рутины. Привычка губит умение удивляться и видеть в зонтике символ прогресса, о чем писал еще Г. К. Честертон. Обыденность и рутинность бытия миллионов потребителей инфорпродукта диктует нормы и методы журналистского нарратива. Обыденность жизнедеятельности масс трафаретна: борьба за кусок хлеба, т. е. за различные блага, здесь доминирует. Обыденная тематика новостей амбивалентна по сути: с одной стороны, СМИ спешат сообщить новое, а с другой стороны, справедлив и вопрос: а к чему эта спешка?

Оперативность, будучи самоочевидным родовым признаком МТ, двусмысленна, причем она двусмысленна имманентно и изначально. Она, будучи порождением экзистенциальной сиюминутности, редко подталкивает журналистов к размышлениям о вневременной мудрости, а в потоке исторического времени злободневность «исчезает» с текстом, т. е. МТ в этом случае теряет эффект неожиданности и новизны, подобно неоднократно рассказанному анекдоту, вот почему несенсационные новости имеют свойство быстро терять актуальность, устаревать, уходить на периферию сознания реципиента. И, увы, чаще всего журналисты в своих сообщениях выплескивают с водой обыден-

17. Ср. мнение М. Эпштейна: «Интересность — это то свойство, которое скрепляет «очевидное» и «невероятное», не позволяя им оторваться друг от друга. Как только один момент начинае трезко преобладать над другим, например старательно доказывается легко доказуемое (очевидное) или провозглашается и не доказывается трудно доказуемое (невероятное), интерес утрачивается, переходя в скуку согласия или досаду неверия». <http://ec-dejavu.ru/i/Interesting.html>

ности ребенка вечности, отдавая предпочтение сиюминутным мелочам. От журналистов нередко требуются немедленные действия, что порождает цейтнот, нехватку времени для проверки фактов¹⁸.

В начале этого века известный теоретик медиаэкономики Р. Пикар в статье «Изменения среды и рынка, способствующие стратегическому планированию медийных фирм» отметил, что для успеха на рынке сегодня важны два фактора: а) «сложность» рынка и б) его турбулентность, изменчивость, («market complexity and market turbulence»)¹⁹. Первый фактор связан с усилиями для поддержания статуса фирмы, с трудностями конкуренции и т. п. («Market complexity relates to the amount of effort or difficulty firms encounter when operating in markets»)²⁰. Изменчивость и турбулентность рынка вызваны нестабильностью и отсутствием четкого направления трендов, неопределенностью ситуации, ведущей к большим рискам («Market turbulence is evidenced by instability and lack of clear direction in a market. Turbulence raises uncertainty about the outcomes of business activities and denies information and direction needed to reduce risk in decisions»)²¹. Турбулентность рынков во многом связана с девятым валом экономической информации, с наводнением фактов, которое разливается с помощью СМИ. Из внутриотраслевых перемен Р. Пикар назвал конвергенцию, дерегуляцию, влияние мобильной связи и др. Думается, особо важна для РФ проблема создания условий для дерегуляции, освобождения СМИ от излишнего чиновничьего надзора. Не секрет, что государства все еще нередко препятствуют притоку нежелательной информации извне, ограничивая в свободе действий даже сетевые коммуникации. Тем не менее, хорошим примером относительной независимости и финансовой выживаемости, основанной преимущественно на рекламных поступлениях, могут служить деловые издания, обслуживающие элиты и предпринимателей. Обилие деловых изданий в развитых странах, среди которых выделяются газеты «The Financial Times», «The Wall Street Journal», а также английский журнал «Economist», в РФ — «Коммерсантъ», «Ведомости», а среди изданий универсальной направленности следует упо-

18. Особенно принципиально это обстоятельство для журналистов-международников, работающих в конфликтных зонах, в ситуациях прямого противостояния интересов и разных сил. Их спешка подливает масла в огонь конфликта, что мы видим и сегодня (в качестве примера можно взять такие геополитические горячие точки, как Сирия, Египет, Палестина, Афганистан, Ирак, Иран, Украина).

19. Picard R. G. Environmental and Market Changes Driving Strategic Planning in Media Firms // Robert G. Picard (ed.). Strategic Responses to Media Market Changes Media. — JIBS Research Report Series No. 2004-2. Management and Transformation Centre, Jönköping International Business School. — Jönköping, 2004. См.: <http://center.hj.se/download/18.2eec38e0133eaa4ba4a8002989/>

20. Там же.

21. Там же.

мянуть «New York Times», «Guardian», «Frankfurter Allgemeine Zeitung» и т. п. Изобилие деловых СМИ, многие из которых отличаются высоким качеством экономического анализа, с одной стороны, повышает совокупную медиакомпетентность, расширяет горизонты познания в обсуждаемой области, но с другой стороны, экономическая публицистика во всем мире увеличивает сферу неопределенности малоподготовленной аудитории, что, кстати, затрудняет самим бизнес-игрокам выбор стратегии и тактики. Противоречие между компетенцией элитарной и массовой групп потребителей объясняется усложнением языка для специальных целей (ЯСЦ). Даже научно-популярные тексты порой чересчур насыщены терминами, специальными понятиями. В деловых изданиях тексты не всегда рассчитаны на широкую публику, что ограничивает их медиаобразовательные возможности. Тем более, что инсайдерская деловая информация нередко содержит многочисленные ссылки на факты, известные лишь посвященным, что еще более ограничивает круг читателей. Обыватель удручен обилием малопонятных сведений и называет подобные издания скучными и специализированными, а это ведет к снижению тиражей.

Необходимо, дополняя мысль Роберта Пикара о трудностях стратегического планирования в массмедиа, еще раз сослаться на уникальный характер медиапродукта: например, сведения в СМИ о ситуации на бирже могут быть товаром прямой продажи, когда газету покупают ради этих сведений, а общий финансово-экономический дискурс в СМИ может не быть непосредственно продаваемым товаром, но он формирует настроения масс, создает предпосылки для потребительского выбора. А это в перспективе прибавляет миллионам потребителей неденежный капитал, увеличивая знания о мире, которые, если говорить о пользе для производителей медийного товара, расширяют круг потенциальных потребителей, повышают стоимость промышленных брендов, меняют в нужном для заказчика направлении стиль жизни (заметим, что слово «lifestyle» стало в рекламном бизнесе термином). Постиндустриальное общество благосклонно восприняло идею релятивизации ценностей и жизни как спектакля, игры, шоу. Модное направление мысли получило обозначение «Постмодерн», а ведущим мироощущением стала «постмодернистская чувствительность», предполагающая тотальную иронию, отказ от целостности мировосприятия, децентрацию, атомизирование восприятия, ризоматичность концепций бытия и познания. Чувствительность (англ. -«sensitivity») как категория культурологии предполагает не только «восприимчивость», реакцию на что-либо, но и особенность осмысления жизненных фактов. Так, обилие информации в обществе породило реакцию — отказ от серьезного чтения, сканирование текстов, возникла особая культура потребления, которую назвали «блип-культура», когда способ подачи информации формируют мозаич-

ность и «клиповость» мышления, о чем упоминал еще М. Маклюэн. Фрагментарность и коллаж стали стандартной техникой телепоказа новостей, что усиливает манипулятивность дискурсов. Важной стороной ментальности художников-постмодернистов является «игра в игру», намеренное эпатаживание читателя, вовлекаемого в игру с помощью пародийно-смеховых интонаций, прецедентных текстов, масок и т. п. Все это позволяет делать выводы о смещении наррации в сторону «события рассказывания» (М. Бахтин), а не самого события или жизненного факта.

Продолжая рассматривать тему «кентаврообразной» проблематики в изучении концентрации медийного капитала, необходимо подробнее остановиться на достижениях и издержках гипермонополизации в западных странах, связанных с деривативами, т. е., говоря метафорически, с ценными бумагами, которые могут быть не обеспечены активами компании. Экономисты так определяют данный термин: «Дериватив (“производный” от англ. “derivative”) — это производный финансовый инструмент от базисного актива (основного товара). В качестве базисного актива может выступать любой продукт или услуга. Другими словами, дериватив — это финансовый контракт между сторонами, который основывается на будущей стоимости базисного актива. На рынке они существуют с древнейших времен, заключались деривативы на тюльпаны, рис и т. д. Получается, что обладатель дериватива заключает контракт на приобретение основного товара в будущем, при этом не нужно думать о складировании и доставке. А этим контрактом уже можно спекулировать. Целью заключения контракта является получение прибыли за счет изменения цены актива. Количество деривативов может превышать количество активов»²². Деривативы в экономике Запады породили массу финансовых пузырей, но они притягательны, как и всякая лотерея и мечта о быстром обогащении. Парадокс очевиден: экономика Запады достаточно стабильна, чтобы гарантировать достойный уровень жизни большинству представителей так называемого «золотого миллиарда», но в то же время волны кризисов и финансовых потрясений, взрывы лопнувших «пузырей», скандалы в банковском бизнесе стали привычными. Это противоречие не может не затрагивать медийный бизнес. СМИ по законам рынка не могут не увеличивать капитал, но логика концентрации проста: конкурентная борьба не любит слабых. Отсюда и неистребимость такого явления, как монополизация и даже гипермонополизация.

О противоречивости явления гипермонополизации СМИ достаточно взвешенно писал недавно австралийский политолог и медиакритик Джон Кин, размышлявший об эпохе коммуникативного изобилия (communicative abundance), когда «модусы коммуникации структурируются властными

22. <http://reviewforex.ru/page/chto-takoe-derivativ>

отношениями... люди зомбируются системами медиа... собственность на средства коммуникации, принадлежащие крупным фирмам, блокирует порождаемые гражданами инновации и сужает плюрализм»²³. Исследователь подчеркнул, что быстрый «рост гигантских медиафирм приводит к еще одному «декадентскому» (собственная метафора Дж. Кина. — В. Х., Ю. М.) следствию: он предоставляет крупным монополистам возможности «приватизировать политику ради своей выгоды, подтасовывая, искажая и извращая правила представительного правления»²⁴. Можно возразить, сославшись на антимонопольное законодательство и на законы капиталистического производства, которое базируется на естественных рыночных принципах (спрос и предложение, максимизация прибыли, либеральное ценообразование, конкуренция и т. д.), можно утверждать, что лучшего и более эффективного способа хозяйствования (некоторые считают, что и мироустройства!) пока на Земле не было, либерализация рынков, ускорившаяся в эпоху глобализации, признана в мире самой эффективной стратегией устойчивого развития, но и тревоги критиков монополизма понятны. Джон Кин справедливо ссылается на известные факты, приводимые, например, Беном Багдикяном: в начале 1980-х гг., когда стали проводить специальные исследования, медиабизнес США контролировался почти целиком пятью десятками крупнейших корпораций. Потом провели замеры в конце 1980-х гг. Результат был в районе 30 (Дж. Кин называет число 27, но это не абсолютный показатель), потом в конце XX в. число крупнейших монополистов на рынке сократилось до 10, а ныне ссылаются на большую пятерку гигантов (Time-Warner, Disney, News Corporation, Viacom, Gannett, иногда и все чаще в подобных «обоймах» мелькает название корпорации «Bertelsmann»), и это логично. Близки к этой группе медиаконцерны «Hearst Corporation» (США), «CBS Corporation» (США), «Vivendi» (Франция), «Google» (США), «Axel Springer» (ФРГ), «Yomiuri Shimbun Holdings» (Япония), «BSkyB» (Великобритания), «Fuji Media Holdings» (Япония), «Mediaset» (Италия).

При всей условности цифр и субъективности выявления конкретных наиболее влиятельных представителей гипермонополизма в массмедиа, на наш взгляд, показательна сама тенденция. Факт непреложный: экономическое состояние медийных предприятий в ближайшее время будет способствовать развитию крупных конгломератов. А уж потом в рыночной гонке за элитой последуют не гиганты, но тоже очень крупные и влиятельные акторы, как говорится, «второй ряд» преуспевающих монополистов и олигополистов, «передовиков» в своей нише (например, газеты типа «Нью-Йорк Таймс», «Файненшл таймс»,

популярные журналы типа «Тайм», «Экономист», «Космополитэн», «Плейбой» или «Нэшнл Джоингрэфик», телесети, такие как «CNBC», «Bloomberg TV», «ABC», «Euronews», «Аль-Джазира» и т. п. структуры, причем «сетевые» структуры и их владельцы, прямо или косвенно связанные с массмедиа, скажем, «Microsoft Corporation», конкурируют с медиамагнатами по интенсивности внедрения технических и научных открытий, а часто и по нажитому богатству.

Далее, если рассматривать градацию медиабизнеса на современном этапе, за передовым отрядом следуют в почетном списке остальные преуспевающие игроки, многие из них связаны с новейшими технологиями, это фирмы, имеющие шанс стать элитой среди элит медиабизнеса («Мэйл», «Фейсбук», «Yahoo!», «Байду»). Революционный прорыв, связанный с появлением Интернета и дигитализации («цифровизации») медиа, резко обострил старую проблему времени и человеческих возможностей при обработке и потреблении информации. Сегодня информации в мире столько, что возникает вопрос: а кто это все будет потреблять? Джон Кин так образно выразил это противоречие: «Коммуникационное изобилие позволяет отправлять и получать сообщения через многопользовательские интерфейсы в заданное время (как реальное, так и с отсрочкой) в рамках модульных, но в конечном счете глобальных сетей, которые доступны и в финансовом отношении, и физически нескольким миллиардам людей, рассеянным по всему земному шару»²⁵. Эта констатация абсолютно нового поворота в истории человечества, связанного как с технологиями, так и с духовной революцией последних десятилетий, показывает, что информация делает медиакратов не менее влиятельными людьми, чем политики и бизнесмены.

Антимонопольное законодательство, ограничивая монополистические аппетиты, тем не менее, в целом не справляется с издержками роста и концентрации медийного бизнеса. Недолжная и нечестная конкурентная борьба на медийном рынке не была и не будет в обозримом будущем устранена, она может быть лишь частично уравновешена законодательными органами, может быть скорректирована политическими событиями или успехами НТР. Но пытаться уравнивать шансы всех игроков на рынке уже сегодня мы обязаны. ООН и ЮНЕСКО сделали в этом направлении очень многое, о чем автор этих слов уже писал²⁶.

Как было отмечено исследователями (Е. Вартанова, А. Вырковский и др.), медийный процесс

23. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2015. — С. 146, 210 и др.

24. Там же. С. 210.

25. Кин, Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. — Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — С. 9.

26. Хорольский В. Зарубежная публицистика в Эпоху Постмодернизма. Проблемы анализа медийных дискурсов. Пособие для магистров. — Воронеж: Кварта, 2012 — 147 с.

в наши дни опирается на информационную индустрию, неотъемлемой частью которой считается диверсифицированный бизнес крупных предприятий с тяготением к монополистической или олигополистической стратегии ведения дел. Естественно, диверсификация медиапродукта и расширение производства крупнейших медиаконгломератов, их экспансия и функционирование в разных странах часто связана с процессом слияний, т. е. объединений активов двух или нескольких субъектов рынка, поглощений (в русском законодательстве чаще фигурирует термин «присоединение»), образования совместных предприятий и т. п. Образование сверхмощных конгломератов, ТНК ведет к гипермонополизации. Как предсказывал Э. Тоффлер, сейчас мы, получая образование, не получаем готовую ментальную модель реальности, мы формируем её (в том числе и с помощью СМИ). Мы часто видим у потребителей инфопродукта апатию или гнев. Не хочется маленькому человеку ломать голову над противоречиями жизни, многих пугает когнитивный диссонанс, проистекающий из мегагалактики СМИ. Но без интеллектуального усилия мы не станем компетентными, даже просто грамотными людьми. Наука плоха, неадекватна, но все другое, перефразируя У. Черчилля, еще хуже. То же можно сказать и о медиапотреблении. Отказ от интеллектуальных усилий губителен.

2. Воронеж

Литература

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М. : Академия, 1999.
2. Бодрийар Ж. Фрагменты из книги «О соблазне» // «Иностранная литература». 1994. №1. — С. 62.
3. Вартанова Е. Л. Основы медиаэкономики и медиаменеджмента за рубежом / Е. Л. Вартанова. — М., 2002. — С. 45.
4. Жбанков М. Р. Постмодернизм // Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998. — С. 536.
5. Кин Дж. Демократия и декаданс медиа / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. — Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
6. Малахов В. С. Постмодернизм // Современная западная философия: Словарь/ Сост. Малахов В. С., Филатов В. П. — М., 1991. — С. 238.
7. Землянова Л. М. Журналистика и коммуникативистика. Концептуализация медийных процессов в современной зарубежной науке. — М. : МедиаМир, 2012. — 188 с.
8. Иноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы : Учеб. пособие для студентов экон. направлений и специальностей / В. Л. Иноземцев. — М. : Логос, 2000. — 302 с.
9. П. Рикер и Ж. Бодрийар на философском факультете // Мысль. Ежегодник Петербургской Ассоциации философов. — СПб., 1997. — Вып. 1. — С. 181.
10. Ульфкотте Удо. Продажные журналисты. Любая правда за ваши деньги. — 2015. — С. 213–219. — 375 с.
11. Уэбстер Ф. Теории информационного общества. / Ф. Уэбстер; пер. с англ. М. В. Арапова, Н. В. Малыхиной; под ред. Е. Л. Вартановой. — М. : Аспект Пресс, 2004. — 400 с.
12. Хевеши М. А. Толпа, массы, политика: Ист.-филос. очерк. — М., 2001. — 223 с.
13. Хорольский В. Зарубежная публицистика в Эпоху Постмодернизма. Проблемы анализа медийных дискурсов. Пособие для магистров — Воронеж : Кварта, 2012 — 147 с.
14. Хорольский В. Отступления от стандартов лингвокультурологической этики в англоязычных СМИ/Современные проблемы журналистской науки — Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2012 — С. 127–155;
15. Gilbert C.L., Varangis P. Globalization and international Commodity trade with specific reference to the West African cocoa producers. In: Challenges to globalization. Analyzing the economics Ed. R. Baldwin and L. Winters. Chikago, L., 2004. — P. 135.
16. Picard R. G. Environmental and Market Changes Driving Strategic Planning in Media Firms// Robert G. Picard (ed.). Strategic Responses to Media Market Changes Media.— JIBS Research Report Series No. 2004-2. Management and Transformation Centre, Jönköping International Business School. — Jönköping, 2004.
17. Van Dijk T. A. The Mass Media Today: Discourses of Domination or Diversity?//www.discoiirse-m-society.org/

Ирина Хорошунова **Лингвоэтические проблемы современных СМИ:** лекция в рамках дисциплины «Язык газетной и журнальной прессы»

Аннотация: в лекции, которая читается в рамках дисциплины «Язык газетной и журнальной прессы» (направление 42.03.02 «Журналистика», профиль «Пресса и интернет») дается понятие лингвоэтики, рассматриваются основные языковые средства, нарушающие лингвоэтические нормы в современных СМИ, указываются причины появления лингвоэтических нарушений в медиатекстах, а также приводится дополненная этическими и лингвоэтическими ошибками классификация текстовых ошибок.

Памяти Нины Дмитриевны Бессарабовой

I. Этика как основа речевой деятельности журналиста. Влияние языка СМИ на языковое сознание массовой аудитории

Ни у кого нет сомнений в том, что **нормы этики являются основой любой сферы человеческой деятельности** — и в быту, и в любой профессиональной деятельности. Страшно даже подумать, что будет, если человечество откажется от соблюдения этических норм. Представьте: только вы выходите на улицу, и там вас бьют палкой по голове и отнимают кошелек. И никто не осуждает вашего обидчика и не пробует помочь вам. Жить в обществе стала бы невозможной. Поэтому представления каждого народа о нормах этики, морали являются жизнеустанавливающими и жизнеохраняющими.

Поведение людей (в том числе и речевое) регулируется с помощью системы законов. Но закон не может предусмотреть все многообразие человеческих поступков (например, не предусмотрено наказание за невежливость или нарушение правил приличия). Потому жизнь людей в обществе подчиняется еще и нравственным принципам, которые как раз изучает этика.

Этика — это:

1) философская наука, объектом изучения которой является мораль, нравственность как одна из важнейших сторон жизни человека;

Об авторе: Хорошунова Ирина Васильевна, к.ф.н., доцент кафедры стилистики и литературного редактирования факультета журналистики Воронежского государственного университета.

2) нормы поведения, мораль, совокупность нравственных правил среди членов какого-нибудь общества, какой-нибудь общественной группы, профессии¹¹.

С нравственностью тесно связана система ценностей. Аксиология (теория ценностей) в философии и социологии определяет понятие «ценности» как этические идеалы и убеждения (этические ценности) — моральные добродетели, сострадание, любовь к ближнему и другие²².

К общечеловеческим нравственным ценностям относят:

1) главные человеческие ценности (ценность жизни, деятельности, свободы воли);

2) добродетели (справедливость, мудрость, смелость, любовь к ближнему, правдивость и искренность, верность и преданность, скромность и смирение);

3) более частные этические ценности (способность дарить другим свое духовное достояние, уважение чужой личности).

Традиционными ценностями русского народа исследователи считают человеколюбие, добро, патриотизм, способность к прощению, душевность, сердечность, стремление жить по совести и по справедливости, правдолюбие и миролюбие, щедрость, нестяжательство, честность и жизнелюбие, уважение семьи и целомудрие, православную духовность³³.

Журналисты в своей профессиональной деятельности должны соблюдать морально-этические нормы, в том числе и в своем речевом поведении. По утверждению исследователей, «одnodневная» журналистика оказывается все более «вечной» по своему влиянию на умы людей: она формирует новую систему ценностей⁴. **По силе влияния на общество, на формирование языковых вкусов, языкового поведения, на формирование литературных норм язык СМИ не сравнится ни с какой другой речевой разновидностью.**

Известно, что «язык не только передает информацию, но и воздействует на личность, формирует ее, изменяя в лучшую или в худшую сторону. Язык ... вмешивается в нашу картину мира, в формирование языковой личности, <...> меняет личность, а следовательно, и общественную жизнь»⁵.

Язык является реальной общественно-политической силой.

Благодаря средствам массовой информации «язык является мощным средством коммуникативного воздействия на массовое поведение. Он позволяет не просто описывать какие-либо объекты или ситуации внешнего мира, но и задавать нужное видение мира, управлять восприятием объектов и ситуаций, навязывать их положительную или отрицательную оценку»⁶.

Также нельзя забывать и о том, что сейчас для языкового сознания (совокупность психических механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании, то есть психические механизмы, обеспечивающие процесс речевой деятельности человека) общества именно медиаречь воплощает представления о литературной и стилистической норме. Язык СМИ — обобщенная модель, совокупный образ национального языка, которым пользуются сегодня все⁷.

II. Лингвоэтика как самостоятельная научная дисциплина, ее направления

Так как нарушения норм этики в речевой деятельности журналиста в период перестройки и в период новейшей истории России стали многочисленными и привычными, лингвисты все чаще в своих исследованиях стали обращаться к этой проблеме. В итоге в рамках медиалингвистики сформировалось новое междисциплинарное научное направление — **лингвистическая этика, или лингвоэтика**.

Основателем лингвоэтики считается **Нина Дмитриевна Бессарабова (1933-2016)**, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ.

Она указывала, что культура речи зиждется на трех основаниях — нормативно-языковом, этическом и коммуникативном.

Языковые нормы культуры речи предлагают базовые правила и рекомендации, позволяющие оставаться в рамках литературных нормы. Речевые ошибки (например, неверное склонение *около пятиста участников*, неверная лексическая сочетаемость *играть значение*) не нарушают этических норм. Гораздо серьезней и опасней наблюдаемый в ряде средств массовой коммуникации (в последние десятилетия) отход от этических и коммуникативных правил.

Этические нормы культуры речи — это нормы общения, диктующие участникам коммуникации (межличностной, массовой) правила речевого поведения. Этические нормы культуры речи исключают, прежде всего, сквернословие, переходящее в матерную брань, обзывательства, оскорбления, повышенный тон речи, крик.

Коммуникативные нормы культуры речи рекомендуют обеим сторонам быть вежливыми, учтивыми, корректными, тактичными — это обеспечивает психологически комфортную коммуникацию⁸.

К настоящему времени уже существуют **три направления исследований этических аспектов языка**.

Первое — это изучение особенностей фиксации и функционирования этических понятий и предписаний в языке. Например, в языке этические нормы фиксируются: 1) в виде концептов (концепт — содержательная единица, мыслительный образ, стоящий за языковым знаком): **доброта, благодарность, стыд, труд, любовь, подлость, эгоизм, предательство**; 2) в виде предписаний (**возлюби ближнего своего как самого себя**); 3) в виде запретов (**не укради, не убий** и т. д.).

Второе — это исследование этических проблем, отступлений от этической нормы в речевой коммуникации, преимущественно на примере языка СМИ и рекламы. В рамках этого направления и работала Нина Дмитриевна Бессарабова.

Третье направление — исследование того, как современная речевая практика отражается на системе языка (Валерий Петрович Даниленко, например, понимает лингвоэтику как науку о правильном обращении с языком, то есть, по мнению этого исследователя, лингвоэтика должна изучать речевые нормы — для говорящего, для слушающего, для пишущего и для читающего (орфографические, пунктуационные, грамматические нормы и так далее)⁹. Кроме того, в языкознании существуют отдельные направления, изучающие механизмы языковой лжи, демагогии, псевдориторики, манипулирования сознанием аудитории, языка вражды, речевой агрессии, а также такие смежные с лингвоэтикой направления, как юрислингвистика и лингвоэкология.

Мы вслед за Ниной Дмитриевной Бессарабовой будем понимать **ЛИНГВОЭТИКУ как междисциплинарное научное направление, изучающее языковые способы выражения морально-этических отклонений в жизни общества**. Мы рассмотрим основные лингвоэтические проблемы современных СМИ и те языковые средства, которые нарушают нормы языковой этики в текстах СМИ.

III. Лингвоэтические проблемы и основные языковые способы их проявления в современных СМИ

Основными лингвоэтическими проблемами современных СМИ исследователи называют: а) экспансию низменного, то есть осмысление жизни через призму человеческого низа — биологического, общественного, языкового, б) циничное отношение к адресату медиатекста.

Происходит процесс варваризации языка СМИ — в широком смысле это упрощение, опoшление, вульгаризация языка¹⁰. В текстах СМИ это проявляется: в виде активного проникновения в публичную коммуникацию табуированных языковых единиц, жаргонов социального дна, разрушения основных этических концептов языка, в виде речевой агрессии и использовании приемов языкового манипулирования, в виде вымывания высокого из языка СМИ и т. д.

Рассмотрим основные языковые средства, нарушающие нормы языковой этики в медиатекстах.

1. Прежде всего, это **этически табуированные языковые единицы — инвективная лексика, обценная лексика, грубо-просторечная лексика, вводящая в текст непристойность и пошлость.**

Инвективная лексика — слова и выражения, являющиеся оскорбительными для адресата. Инвективы могут находиться в рамках литературного языка (*подлец, негодяй*), а могут находиться за его рамками, и тогда в условиях публичной коммуникации их использовать нельзя.

Обсценизмы — непристойные, неприличные слова и выражения, имеющие жесткий этический запрет на их употребление. К ним относят так называемую скатологическую лексику — лексику телесного низа, так называемый «фекально-генитальный» лексикон. Крайние формы обсценизмов — это мат¹¹. Использование мата в СМИ — вопиющий факт нарушения норм лингвоэтики:

«До сих пор не могу простить тех уродов, которые ... меня из художественной школы», «Как ловко они ... всех нас, особенно бедных и темнокожих» («Эсквайр», март 2013, интервью с Тимом Ротом, актером); «Просто чтобы их изумленное «Ни ... себе» приобрело научную базу» («Сноб», март 2013, статья о падении метеорита); «Мусоров ...!» («Русский репортер», ноябрь 2012); «Что за ... ты слушаешь?», («Rolling Stone», ноябрь 2013, интервью с Михаилом Горшеневым).

Употребление данных языковых средств должно получить и правовую оценку.

Использование ненормативной лексики в СМИ недопустимо в соответствии с требованиями Федерального закона № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Пункт 9 части 1 статьи 3 указанного закона запрещает использование лексики, не соответствующей нормам русского языка, однако меры пресечения за это нет.

Также в 2013 году были внесены поправки в Федеральный закон № 34 «О средствах массовой информации», запрещающие распространение **материалов СМИ, содержащих нецензурную брань**. Соответствующие поправки были внесены в КоАП РФ: подобное правонарушение грозит редакциям серьезным штрафом. (До внесения поправок административная ответственность была установлена исключительно за использование нецензурной брани в **общественных местах**.)

После принятия данных поправок обценные лексемы печатных СМИ стали максимально ретушироваться: «То есть вы даже оскорбить натурала не можете? Ну, скажем, цензура» («Сноб», февраль 2014. Интервью с Иваном Охлобыстиным). Слово «цензура» на черном фоне полностью скрывает обценную лексему.

Роскомнадзор относит к нецензурной брани только мат, а для других пластов обценной лексики право запрета, к сожалению, нет:

«...Рассеял мое недоумение случившийся рядом аборигеномж, одетый в форму спившихся пролетариев всех стран: засаленные джинсы, китайский пуховик и **башмаки-говнодавы** (Московские новости, 19.04.2007); Президентом одной из стран СНГ стал порядочный человек. Есть ли сегодня что-

либо невыносимее для нечистой совести интеллектуальных трубадуров нашего воровского режима? Как так — не берет? Ишь, чего удумал, **козел** совхозный, альтруист **хренов!** (Завтра, № 19, 2007); О тренерах. Я ведь тоже тренером стала. И вот они, мои новые коллеги, стали мне говорить: дескать, ты постояла на пьедестале и хватит, давай теперь вместе с нами **дерьмо** хлебать (Российская газета, 15.06.2007, из интервью с Ириной Родниной); Наутро после церемонии награждения один очень народный и популярный кинематографист поздравил актрису Яну Троянову: «Ну что, **шалава**, празднуешь?» (Новая газета, 19.06.2009).

Запрет на сквернословие всегда существовал в русской коммуникативной культуре, и журналисты должны всегда об этом помнить.

Еще одно языковое средство нарушения норм этики в СМИ — это **немотивированное использование лексики сексуальной тематики, вводящей в медиатекст непристойность и пошлость**. В последнее время лингвисты даже ввели такой термин, как «сексплуатация», т. е. «эксплуатация сексуальных мотивов в массовых коммуникациях»¹². К лексике подобного типа можно отнести единицы интержаргона, или общеупотребительного сленга, которые знают все носители языка: *яйца, дать, трахать, кончить, стоять, иметь, поиметь* и т. д. В литературном языке у этих слов есть свои определенные значения, а в нелитературном у этих слов появляются значения, связанные с обозначением частей тела и действий сексуальной направленности. Использование этой группы слов нарушает нормы лингвоэтики: *Мрачный Нагиев предлагает залу обсудить ситуацию. Молодежь дает советы: «Мужик, у тебя на жену уже не стоит. Иди к любовнице», «Любовнице нужно трахаться. Оставайся с женой» (Комсомольская правда, 28.06.2007); «Чем яйца Фаберже отличаются от яиц Михалкова?» (Московский комсомолец, 13.05.2006); Европе **вдуло**. Волна природных катаклизмов докатилась до Прибалтики (Московский комсомолец, 20.07.2009); Женщины **возбудились на орган** власти (заголовки). Многодетные матери устроили дебош. Новый федеральный закон лишил многодетные семьи права получать бесплатное жилье в первую очередь (Московский комсомолец, 11.08.2009).*

2. Предметом лингвоэтического изучения является также намеренное употребление **жаргонов социального дна** в современных масс-медиа.

Вспомним, что арго — закрытая лексическая подсистема, обслуживающая узкие социальные групповые интересы, чаще профессиональные (например, арготизмы электриков *юбка, коротыши*). Арготизмы чаще не экспрессивны.

Жаргон — более широкое понятие, полуоткрытая лексико-фразеологическая подсистема, применяемая той или иной социальной группой с целью обособления от остальной части языкового сообщества. Жаргонизмы — это, как правило, эмоционально-оценочные экспрессивные образования, среди которых преобладают негативно-сниженные номинации (*салабон* — новобранец, *малина* — место сборища преступников).

Сленг — практически открытая подсистема лексико-фразеологических единиц разговорно-

просторечного характера. Сленг не имеет четкой социально-групповой принадлежности, он понятен всем (*тусовка, врубиться, закосить*)¹³. Активное использование жаргонов социального дна — криминального, жаргона наркоманов и определенной части сленга — вызывает тревогу лингвистов (*бабки, мочить, лох, мокрое дело, базарить, кайф, на игле, телка*).

Криминальный жаргон в медиатекстах может быть стилистически оправданным в криминальных сводках (*наезд, откат, распили бюджет*) или в материалах на темы политики, экономики, так как позволяет провести параллель с тем, что происходит в криминальной среде. Но в других материалах мотивации нет: «Концерт **по наводке**» — о концерте по заявкам; «**Разборки** в доме престарелых» — о конфликте двух стариков; «**Мокрое дело** в мокром месте» — об убийстве директора одной из бань; «Знайки **замочили** Лолиту» — об игре «Что? Где? Когда?»; «С. Миронова **замочили** в Сенате» — не приняла его законопроект; «Пенсионеры **замочили** спасателя» — затопили его квартиру; «Кто хочет **расчленёнки** Подмосковья?» — о предложении депутатов от фракции ЛДПР разделить Подмосковье на части (АиФ, № 48, 2010); Минобороны **кинуло** своих стариков. Военные пенсионеры под Новый год остались без денег (Московский комсомолец, 20.12.2009).

Возникла устойчивая речевая мода на употребление криминального жаргона: «**Мокрое дело**» — строительство бассейна ВГУ («Университи», 2015), «**Посадили по полной**» — о посадке саженцев деревьев после пожаров под Воронежем (там же).

То же самое происходит с жаргоном наркоманов: экономика на нефтяной игле, мир давно подсел на иглу патефона, посадить население на иглу банковского обслуживания, цены колбасятся, всех прет, тащит: Бомонд **на игле** (заголовок). Игорь Николаев чудом не убил елкой Катю Лель (Московский комсомолец, 05.10.2009).

Определенная **часть сленга, которую можно отнести к лингвоцинизмам**, также нарушает нормы лингвоэтики. Лингвоцинизмы — слова, выражения и целые высказывания, в которых нашел отражение цинизм индивидуального или социального мировоззрения и которые демонстрируют грубое нарушение этико-речевых норм¹⁴. Например, прием оскотинивания в сленге: **телка, кобыла, овца, мартышка** — о женщине, или прием овеществления: **урывать, загасить, оформить, отovarить, отформатировать** — бить, избить человека.

Активное использование жаргонизмов в последние двадцать лет уже привело к тому, что многие из них перешли в разряд разговорно-сниженной лексики литературного языка, то есть язык СМИ «олитературил» их (*мент, кореш, зеленые, зелень, зэк, капать* и другие).

3. К языковым способам нарушения лингвоэтических норм в текстах СМИ относят **девиантное использование приема языковой игры**.

Языковая игра — определенный тип речевого поведения, основанный на преднамеренном нарушении речевой нормы с целью достижения стилистического, эстетического эффекта.

Языковая игра может использоваться немотивированно, т. е. демонстрировать девиантное, или ненормальное, патологическое, речевое поведение.

Языковая игра в современной лингвистике рассматривается как один из приемов создания комического. Поэтому языковая игра не должна применяться при описании трагических событий, явлений, вызывающих глубокое уважение или сострадание, в противном случае возникает нарушение этических границ. Грубую вульгаризацию явлений, которые считаются заслуживающими глубокого уважения или даже преклонения, в лингвистике обозначают термином «травестировка»¹⁵. Шутливое описание событий, требующих серьезного осмысления, недопустимо.

Также недопустимо использование языковой игры, отсылающее к нецензурному, инвективному словоупотреблению.

Дети на шею (заголовок). На днях прокуратура Кизильского района утвердила обвинительный акт в отношении женщины, которая в «воспитательных целях», собственноручно набросила петлю на шею своему 8-летнему сыну (МК, 16.04.2012) — трансформация прецедентного текста;

Место мести изменить нельзя (заголовок). Сразу два общественных деятеля, занимавшихся проблемами кавказского региона, стали жертвами преступников (Московский комсомолец, 12.04.2012) — трансформация прецедентного текста;

Киллер похлопал нотариуса по спине (заголовок). Покушение на частного нотариуса Ларису Бажаеву было совершено в среду в столице. Убийца разрядил обойму в спину Бажаевой и скрылся (МК, 05.04.2012) — каламбур;

ФутБОЙ (заголовок). Материал об избиении футболиста (КП, 24.11.2011) — окказиональное образование в сочетании с графической игрой;

И Хен с нами? (заголовок). Материал о спортсмене-корейце по имени Хен, который тренируется у российских специалистов (АиФ, 23-29.11.2011) — каламбур, отсылающий к нецензурному словоупотреблению;

Ну, за вашу мать! (заголовок). Материал, посвященный Дню матери (АиФ, 23-29.11.2011) — каламбур, отсылающий к нецензурному словоупотреблению;

Колыбель русской порнографии (заголовок). За один эротический фильм режиссеру платили до 150 тысяч долларов (Московский комсомолец, 12.04.2012) — трансформация прецедентного текста;

Полное ГАНО! Сегодня ставится вопрос об изменении организационно-правового статуса госвузов. Раньше они были БУ (бюджетными учреждениями), а теперь их хотят сделать АУ (автономными учреждениями) и ГАНО (государственными автономными некоммерческими организациями) (Московский комсомолец, 06.03.2009) — каламбур, отсылающий к нецензурному словоупотреблению;

Москва спаленная пожаром (заголовок). За минувшие сутки в столице пожарные совершили 175 выездов (Московский комсомолец, 04.04.2009) — семантическая трансформация прецедентного текста.

Пойдем по малому? Инспекторы ДПС требуют, чтобы водители ходили только **по большому!** (заголо-

вок). Еще и сегодня по городам и весям протоколы о выезде на встречу (при движении автомобиля по малому радиусу) штампуются безудержно! ...Видимо, стоит ответственным государевым лицам... не постесняться и написать наконец-таки понятное всем: это лишь нужда может отличаться друг от друга результатом и его размером. А радиус разворота (каким бы он ни был — малым или большим) — един во всех формах и на последствия не влияет (Московский комсомолец, 23.04.2009) — каламбур.

Журналист должен помнить, что у языковой игры есть этические границы, которые нельзя переступать. Ведь осмысление трагического, высокого через призму языковой игры оказывает разрушительное воздействие на нравственное сознание аудитории СМИ и приучает ее к равнодушию, полному отсутствию сопереживания и сострадания.

Однако необходимо констатировать, что языковая игра при описании и трагедий, и подвигов является настолько частотной и привычной, что уже становится практически нормой (!):

Она записала убийство (об уличной видеоканнере, зафиксировавшей убийство бывшего депутата Госдумы Дениса Вороненкова);

Участковый спас восьмерых, не считая собаки (заголовок). Восьмерых человек вывел из огня участковый из подмосковного Железнодорожного, рискуя собственной жизнью. ...Не дожидаясь пожарных, околочный через громкую связь попросил жителей покинуть дом и ринулся в задымленный подъезд спасать тех, кто не мог выйти самостоятельно. Полицейский спас даже собаку! — трансформация прецедентного текста.

Причем здесь ссылка на название сериала — «Она написала убийство» и на художественное произведение — «Трое в лодке, не считая собаки»? Абсолютно не при чем. Дело в том, что сейчас в медиатекстах активно используются техники постмодернистского письма и существует речевая мода на них. Одной из таких модных техник является прием цитатного письма, который должен применяться мотивированно.

4. Немотивированное использование приема цитатного письма может нарушать нормы лингвоэтики, если в нем присутствует травестировка.

Цитатное письмо — прием, основанный на интеллектуальной, творческой обработке чужого текста. Журналист выражает мысли не своими словами, а с помощью чужого текста — известных цитат. Из цитат, как из готовых кирпичиков, строится текст, и совершенно неважно, чья цитата и откуда она — лишь бы аудитория узнала цитату: Первые показы новейших «Звездных войн» в Москве доказали, что нет повести скучнее на свете, чем компьютерная байка о далекой галактике (Общая газета, 05.08.00)¹⁶. Цитатное письмо может переходить этические границы:

Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет

Имеющий репутацию близкого к самому губернатору Новгородской области тамошний бизнесмен Евгений Шпульман мог с полным основанием считать себя счастливым человеком. Помимо объединения «Слав», имевшего выгодные контракты с Министерством обороны, он имел еще охран-

ную фирму «Скорпион», да к тому же являлся депутатом областной Думы.

Правда, здоровье стало пошаливать, и, видимо, чтобы не загнуться раньше времени, Шпульман сразу же после Нового года торжественно бросил курить и пить.

Как оказалось, сделал он это совершенно зря. Не прошло и месяца, как неизвестные встретили Шпульмана в подъезде и колотили его по черепу чем-то тяжелым, пока тот не испустил дух. Судя по способу убийства, мочили бизнесмена не профессиональные киллеры, а обычные гопники. И без всякого заказа. Скорее всего, попросили закурить, а у того не оказалось. Потому что бросил (Калейдоскоп, 2000, № 7).

Газетный материал строится так, чтобы обосновать цитату (*кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет*), но ведь содержание заметки нельзя подставлять под этот прецедентный текст, это незитично.

5. Серьезной лингвоэтической проблемой в последнее время становится **деструкция семантической структуры этических концептов языка**, при которой навязываются ложные ценности и происходит подмена понятий. Именно эта разновидность нарушения норм лингвоэтики медленно, но верно трансформирует наше языковое сознание.

В СМИ мы наблюдаем эксплуатацию и травестирование некоторых базовых этических, концептов с целью пощекотать нервы аудитории.

Например, концепт *смерть* и все связанное с ним всегда было окружено ореолом неизвестности, страха и уважения. Этический запрет на эксплуатацию этой темы нарушался только в смеховой народной культуре и в детском творчестве, где существовали страшилки про гроб на колесиках, темную-темную комнату, мертвецов и т. п.

Теперь такие страшилки нам каждый день рассказывают СМИ — для максимального привлечения аудитории. Журналисты возбуждают любопытство к подробностям, щекочут нервы аудитории, сознательно эксплуатируют концепты *страх, насилие*, причем используются для этого сильные позиции текста (заголовки, подзаголовки, подписи к иллюстрациям).

Вот примеры из газеты «Московский комсомолец» за 2001-2009 гг.: *Водитель тормозил...людьми* (об аварии на остановке пассажирского транспорта), *Мертвец с доставкой на дом* (о том, что человека, внешне умершего в поликлинике, скорая помощь доставила не в морг, а к нему домой); *Осужденные оказались на редкость живучими существами, Риббентроп не мог расстаться с жизнью 10 минут, Йодль — 18, Кейтель — 24* (о казни нацистских преступников); *Выброшенный в мусоропровод младенец и не подумал умирать, Ревнивец разрубил супругу на мелкие кусочки, Студентка кулинарного техникума приготовила рагу из головы матери, Убийца выпустил из родителей кровь, чтобы трупы не портились, Москвичи прыгают из окон парами, Труп ездил в маршрутке по Москве целый день*.

Лингвисты подобные примеры считают проявлением **языкового насилия**. Языковое насилие — это форма психического деструктивного воздействия на личность с помощью вербальных действий¹⁷.

Наконец, концепт *смерть* подвергается травестированию: куда девать останки почившего друга; можно и памятник поставить, и оградку с цветами, даже если усопший — хомяк или любимая рыбка; отнесем бывшего друга в мусоропровод; бобик выбирает гробик — о животных.

Еще примеры: Сегодня в холодильнике <то есть в морге> два «клиента» — бомж, умерший своей смертью, и мужчина, которому друзья «по пьяной лавочке» перерезали горло (АиФ Воронеж, № 32, 2006);

Слой безвременно ушедшей в мир иной рыбы ... покрыл на прошлой неделе поверхность в Оскольском водохранилище (МК в Белгороде, 2006, № 30);

... Свинина ... даст немалые барыши уже в этом августе. В скорбную очередь на заклание там выстроились 47 тысяч заграничных свиней (МК в Белгороде, 2006, № 30).

Эволюция концепта *любовь* — еще одна наглядная иллюстрация снижения, опошления, деградации. Под словом *любовь* всегда подразумевалась духовная составляющая, теперь же благодаря СМИ и рекламе в словарях фиксируется новое значение — секс (заниматься любовью, инвалютная любовь).

6. Нарушением лингвоэтической нормы является **речевая агрессия**.

Речевая агрессия — в широком смысле это все виды наступательного, пугающего, доминирующего речевого поведения; в узком смысле — форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку или группе людей¹⁸.

К основным жанрам речевой агрессии относят:

- оскорбление,
- враждебное замечание,
- угроза,
- грубое требование и грубый отказ,
- резкое порицание, упрек,
- насмешка (колкость, глумление, обидный розыгрыш),
- донос,
- клевета (очернение, наговор),
- сплетни¹⁹.

В СМИ речевая агрессия представлены чаще в политической, предвыборной, полемической, сатирической сферах.

Речевая агрессия может выражаться с помощью разных языковых средств, как литературных, так и нелитературных (инвектив, обцензмов, грубо-просторечной лексики).

Речевая агрессия может выражаться эксплицитно, то есть прямо, например:

Пусть выключит телевизор тот, кому сейчас хорошо. Я обращаюсь не к ним, этим **негодьям** я не нужен! Им не нужна ЛДПР! Им не нужны честные законы! **Для них — наручники и тюрьмы**, а не обращения Жириновского! Я не обращаюсь к тем, кто сладко спит, вкусно ест, позорит нашу страну и измывается над нами. Они не заработали свои миллионы, **они их украли!** Я, Жириновский, им говорю, **вы — воры!** Выключайте телевизоры! Продавайте машины, дачи и яхты, **покупайте сухари!** Когда ЛДПР будет у власти, они вам понадобятся!

Коммунисты обещали. Демократы обещали. Сегодня они же обещают опять! Сколько можно позволять себя обманывать? Сколько можно **негодьям** позволять набивать свои карманы, купать в роскоши своих любовниц, когда вы не можете себе позволить лишний кусок мяса? Мы устали верить в обман, мы хотим правды (текст обращения лидера партии ЛДПР В.В. Жириновского, предвыборная кампания 2007 г. (www.ldpr.ru);

В империю зла нас затягиваешь, **зебра красно-коричневая?** Ты у нас по такому случаю **кровью захлебнешься и кровавыми слезами умоешься, заединщик недорезанный!** («Завтра», 2007, № 19);

«Скоро увидит свет твоя новая книга о любви. Кому из твоих женщин она посвящена?» — «Если бы не моя навязчивая любовь к этой красивой **мрази**, то я никогда не написал бы эту книгу. Я ненавижу тебя, **сука!**» («Новое дело, об.об.2007», интервью с А. Семеновым, музыкантом).

Речевая агрессия может выражаться имплицитно, то есть неявно, скрыто. Например, некоторые исследователи считают речевой агрессией против читателя злоупотребление заимствованными словами без объяснения их значения (авуары, бенефициар, валоризация, консигнация, опцион, таксатор, хайринг, хеджер и др.). Тексты СМИ рассчитаны на массовую аудиторию, а не на узкий круг специалистов, и у читателя может возникнуть чувство собственной неполноценности при попытке осмыслить текст, особенно если заимствование представлено как неадаптированный иноязычный элемент: Так что это нормальный процесс, что всех short list'ax присутствует non-fiction (Российская газета, 29.11.2007)²⁰.

К речевой агрессии в СМИ исследователи относят **стёб** — ёрническое, высмеивающее агрессивное поведение, отношение к чему-либо и соответствующий стиль речи. В ёрническом стиле журналисты пишут о катастрофах, пожарах, убийствах, грабежах, высмеивают то, что, казалось бы, не располагает к шутке:

«27 января около 17 часов на улице Юрша ударили по голове заместителя начальника одного из сбербанков...»;

«В селе Кыласово Кунгурского района 34-летний мужик развелся с женой, потом как следует напился по этому поводу, а затем устроил пиф-пиф себе в грудь из охотничьего ружья...»;

«Нехило запыхал деревянный двухквартирный дом по улице Таджикской... Полыхали хозяйственные постройки, баня... В неравной битве с огнем четыре барана превратились в шашлык» («МК в Перми»).

Такая манера навязывает агрессивно-нигилистическое отношение ко всем без исключения явлениям (как отрицательным, так и положительным)²¹.

Психологи с сожалением констатируют, что россияне стали конфликтнее, злее, наглее и во многом потеряли способность к самоконтролю — такой вывод сделали эксперты Института психологии РАН. Заместитель директора Института психологии РАН Андрей Владиславович Юревич отмечает, что моду на агрессию во многом формируют СМИ, а также указывает, что у слова **агрессивный** появляется новое, позитивное значение — «хороший»: **агрессивный дизайн автомобиля** — красивый, **агрессивная реклама** — эффективная²².

Специалисты объясняют распространение речевой агрессии условиями социального, экономического и культурного неблагополучия.

7. Еще одним языковым способом проявления лингвоэтических проблем в СМИ является использование приема **речевого манипулирования**.

Манипулятивные приемы, широко представленные в текстах СМИ, нарушают этические и коммуникативные нормы²³.

Речевое манипулирование в СМИ представлено чаще в политической, предвыборной, полемической сферах и в языке власти.

Речевое манипулирование — это скрытое воздействие, осуществляемое с помощью ресурсов языка с целью управления мышлением и поведением адресата.

Чем ниже уровень критичности аудитории СМИ в восприятии информации, тем успешнее будет манипулирование. Установлено, что подавляющая часть массовой аудитории не способна критически оценить подачу информации, представленной в СМИ²⁴.

Существует большое количество тактик и приемов манипулирования:

- утаивание определенных фактов с целью обмана,
- селективная подача информации,
- искажение информации (варьируется от откровенной лжи до частичной подтасовки фактов),
- смещение фактов и мнений,
- преднамеренное нарушение законов формальной логики,
- демагогия,
- бездоказательные утверждения,
- перенос мнения нескольких человек на все общество,
- использование имплицитной информации,
- эвфемизация,
- использование политических аффективов,
- категоризация, то есть называние явления действительности нужным языковым концептом,
- использование оценочных метафор и прочее.

Приведем примеры:

Александр Усс является фактически единственным кандидатом в губернаторы, обладающим внятной и реальной экономической программой (Вечерний Красноярск, 16.08.2002) — бездоказательное утверждение;

Студенческая молодежь ставит на Александра Усса (Красноярская газета, 20.08.2002) (письмо двух студентов, выражающих поддержку этому кандидату) — перенос мнения нескольких человек на все общество;

«Наш дом — Россия» (название политической партии) — манипулятивное использование метафоры «дом» как символа безопасности и защиты;

Типология текстовых ошибок

Ошибки в содержании мысли	Ошибки в языковом выражении мысли
1. Фактические 2. Логические 3. Этические	1. Правописные 1.1. орфографические 1.2. пунктуационные 2. Орфоэпические и акцентологические 3. Речевые 3.1 лексические 3.2. словообразовательные 3.3 морфологические 3.4 синтаксические 4. Стилистические 4.1. лексические 4.1.1 лингвоэтические 4.2 словообразовательные 4.3 морфологические 4.4 синтаксические

Истина, справедливость, права человека, гордость, патриотизм, согласие, вера, милосердие, свобода, прогресс, национальные интересы, демократические ценности — слова-аффективы, или слова-лозунги, эмоциональные усилители;

приватизация — в 90-е годы разрушение созданного десятилетиями, ограбление населения с одномоментным обогащением власть имущих, *монетизация* — лишение пенсионеров льгот; *повышение пенсий* — на сто рублей, но ведь повышение, *дальнейшее регулирование тарифов на услуги ЖКХ* — повышение тарифов, *оптимизация в сфере медицины* — сокращение штата врачей и количества поликлиник — манипулятивное использование эвфемизмов;

гуманитарная миссия в Югославии (США о бомбардировках НАТО); *антитеррористическая операция* (точка зрения США по поводу захвата Ирака) — *американская агрессия* (точка зрения России); *наведение конституционного порядка* (Грузия о своих бомбардировках и обстрелах Южной Осетии) — *этнические чистки, геноцид осетинского народа* (точка зрения Осетии, Абхазии и России); *принуждение Грузии к миру в Южной Осетии* (Россия по поводу своего силового подавления военных действий Грузии) — *агрессия России против Грузии* (Грузия, США) — прием категоризации, то есть называние явления действительности нужным языковым концептом.

IV. Место этических и лингвоэтических ошибок в классификации текстовых ошибок

В соответствии с классификацией текстовых ошибок, разработанной профессором Колосовой все они делятся на две группы: ошибки в содержании мысли и ошибки в языковом выражении мысли.

К первой группе в этой классификации относятся фактические ошибки (связанные с незнанием фактов) и логические ошибки (связанные с неумением автора правильно мыслить, с нарушением законов логики).

Ко второй группе относятся правописные, орфоэпические и акцентологические, речевые ошибки и стилистические.

На наш взгляд, целесообразно дополнить классификацию текстовых ошибок Т. А. Колосовой ошибками этическими и лингвоэтическими — к сожалению, того требует современная языковая ситуация.

Как нам представляется, можно разделить все текстовые ошибки, демонстрирующие отклонения от норм морали на этические (нарушающие нормы этики в плане смысла, содержания высказывания — призывы к насилию, убийству и прочее, например: *Бей жидов, спасай Россию!* или *Все цыгане — воры* и лингвоэтические (нарушающие нормы этики через использование определенных языковых средств, к примеру, обсценизмов, грубопросторечных инвектив, лексики телесного низа и проч.: «Кокорин и Мамаев — два барана с силиконом в голове, два сопляка. Два конченных миллионера, которые не стоят ногтя с ноги Мессии»; «Ксения Собчак не лошадь, а курица», *Дермократный период правления Ельцина; Задница Джениффер Лопес приехала на другой машине.*

Этические ошибки следует включить в ошибки в содержании мысли, а лингвоэтические — в ошибки в языковом выражении мысли, в разряд стилистических ошибок.

V. Причины появления лингвоэтических ошибок в текстах СМИ и способы их преодоления

Существует несколько причин появления лингвоэтических ошибок в текстах СМИ в последние два десятилетия.

Первая причина — отказ от официально-книжного, сухого языка газет советского периода.

Тексты массмедийного стиля, как известно, строятся по схеме чередования стандарта и экспрессии. Экспрессия и является языковым средством воздействия на аудиторию и привлечения ее внимания. Журналисты постоянно ищут новые источники экспрессии, которые бы сделали публикацию интересной и обеспечили ее прочтение аудиторией. В период перестройки свободу слова журналисты неверно восприняли еще и как свободу речи — свободу использовать для выражения своих мыслей абсолютно любые языковые средства. Это во многом обусловило языковую раскрепощенность текстов СМИ.

Вторая причина — влияние философии и стилистики постмодернизма на сферу масс-медиа и как следствие — демократизация языка СМИ. Постмодернизм, как известно, не признает абсолюта каких-либо этических принципов, заменяя их принципами релятивизма («все относительно» или «истины нет, есть точки зрения») и плюрализма (самоценность и равнозначность всех мировоззрений и художественных программ). В результате произошло снятие этических ограничений, всегда присутствовавших в текстах публицистического стиля²⁵.

Третья причина — влияние западной культуры, так называемых западных ценностей на русское коммуникативное поведение. Например, произо-

шло снятие табу на обсуждение тем половой сферы жизни человека в публичной коммуникации.

Четвертая причина — превращение журналистского текста в товар, который надо продать. Сейчас существует рынок масс-медиа, в котором присутствует серьезная конкуренция. И чтобы продать свой товар — журналистский текст, — как и в коммерческой рекламе товаров, используются неязыковые и языковые средства привлечения внимания читателей к публикации и поддержания их интереса. Такими рекламными средствами зачастую становится широкая палитра не дозволенных этикой языковых средств. Они получили новую функцию — коммерческую.

Нельзя забывать, что профессионализм — это следование принципам и правилам, например, в этических кодексах или уставах. Сегодня многие журналисты сознательно выступают за холодный расчет, заботясь лишь об эффективности подачи материала, и всем этим — цинизм, полное безразличие и равнодушие к героям, ситуации. Подлинная же журналистская деятельность подразумевает перед обществом, перед профессией²⁶.

В заключение необходимо сказать, что лингвоэтическая ситуация в пространстве СМИ в последнее время значительно улучшилась — отчасти благодаря правовым методам регулирования речевой деятельности журналиста, отчасти благодаря начинающему происходить духовному оздоровлению общества.

2. Воронеж

Литература

1. См.: Спиркин А. Г. Философия : учеб. пособие / А. Г. Спиркин. — М.: Гардарики, 2006. — 736 с.
2. См.: Философия : Энциклопедический словарь / [под ред. А. А. Ивина]. — М.: Гардарики, 2004. — 1072 с.
3. См.: Буганов А. В. О воззрениях русского народа / А. В. Буганов, М. М. Громыко. — М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2000. — 541 с.
4. См.: Анненкова И. В. Язык современных СМИ как система интерпретации в контексте русской культуры / И. В. Анненкова // Язык современной публицистики : сб. статей. — М., 2005. — С. 99–115.
5. См.: Хромов С. С. Русский язык и современное российское общество : регуляция и саморегуляция? / С. С. Хромов // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : Материалы Второй междунар. науч. конф., Волгоград, 24–26 апреля 2007 г. : в 2 т. — Т. 1. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. — С. 620.
6. См.: Воронцова Ю. А. Особенности прагматического воздействия в текстах средств массовой информации / Ю. А. Воронцова // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов : Материалы Второй междунар. науч. конф., Волгоград, 24–26 апреля 2007 г. : в 2 т. — Т. 1. — Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. — С. 682.
7. См.: Солганик Г. Я. Язык СМИ на современном этапе / Г. Я. Солганик // Мир русского слова. — 2010. — № 2. — С. 21–24.
8. См.: Бессарабова Н. Д. Лингвоэтика, или еще раз об этическом аспекте культуры речи в современных СМИ и рекламы /

- Н. Д. Бессарабова // Журналистика и культура русской речи. — 2011. — № 58. — С. 55–62.
9. См.: Даниленко В. П. Общее языкознание и история языкознания : курс лекций / В. П. Даниленко. — М. : Флинта : Наука, 2009. — 272 с.
10. См.: Сурикова Т. И. Этика как критерий исследования и оценки языка массовых коммуникаций / Т. И. Сурикова // Этика речевого поведения российского журналиста. — СПб., 2009. — С. 71–104.
11. См.: Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. — СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. — 269 с.
12. См.: Лопухина Н. С. Конец эпохи «Нельзя...» / Н. С. Лопухина // Журналистика и культура русской речи. — М., 2005. — № 2. — С. 54.
13. См.: Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен / В. В. Химик. — СПб. : Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. — 269 с.
14. См.: Сковородников А. П. Лингвоцинизмы / А. П. Сковородников // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / [под ред. А. П. Сковородникова]. — 2-е изд. — М. : Наука, 2009. — С. 402.
15. См.: Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — М., 1999. — С. 19.
16. См.: Сметанина С. И. Медиатекст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века) / С. И. Сметанина. — СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2002. — 383 с.
17. См.: Шарифуллин Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики : проблема инвективы // Юрислингвистика-5 : Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2004. — С. 120.
18. См.: Закоян Л. М. Выражение агрессии в современном русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук / Л. М. Закоян. — М., 2010.
19. См.: Щербинина Ю. В. Речевая агрессия. Территория вражды : учеб. пособие / Ю. В. Щербинина. — М. : Форум, 2013. — С. 218.
20. См.: Петрова Н. Е. Язык современных СМИ : средства речевой агрессии : учеб. пособие / Н. Е. Петрова, Л. В. Рацибурская. — М. : Флинта : Наука, 2011. — С. 97.
21. См.: Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [под ред. М. Н. Кожинной]; члены редкол. : Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Флинта : Наука, 2006. — С. 341.
22. См.: Российская газета : [сайт]. — URL: <https://rg.ru/2013/12/10/portret.html> (дата обращения: 20.03.2017).
23. См.: Копнина Г. А. Речевое манипулирование : учеб. пособие / Г. А. Копнина. — М. : ФЛИНТА : Наука, 2014. — С. 7.
24. См.: Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2001. — С. 20.
25. См.: Негрышев А. А. Аспекты речевого воздействия в новостях СМИ : учеб. пособие / А. А. Негрышев. — Владимир : ВГГУ, 2009. — 144 с.
26. См.: Тулупов В. В. Этический кодекс журналистской профессии / В. В. Тулупов // Этика речевого поведения российского журналиста. — СПб., 2009. — С. 11–43.

Мария Пивоварова

Становление рекламного рынка в Европе

(на примере Франции и Англии XIX вв.)

В XIX в. во Франции наметился быстрый рост рекламы, что было вполне закономерным следствием ряда событий, в числе которых была Великая французская революция, принесящая свободу прессе. Новая пресса Франции получает выгоду от размещения платных рекламных объявлений. Последние, несомненно, становятся средством достижения равенства, провозглашенного лозунгом «Свобода, равенство, братство». К важным общественно-политическим событиям данного периода можно также отнести обнародование в 1806 г. Гражданского Процессуального Кодекса (Code de Procédure Civile) и в 1807 г. Торгового Кодекса (Code de Commerce France). Эти два документа повлияли на содержание рекламных объявлений того времени.

Одной из наиболее выдающихся фигур на рекламном небосклоне XIX в. был Эмиль Жирарден. Основными заслугами Жирардена стало создание 1 июля 1836 г. политической газеты *La Presse*, годовая подписка на которую составляла 40 франков, что было вдвое дешевле всех других подобных изданий. Идеей Жирардена было «превратить газету в такое предприятие, которое, увеличивая объем продукции, снижало бы ее себестоимость»¹. Жирарден совершенно верно рассчитал, что при большом числе подписчиков объявления будут печататься в основном в его газете и плата за них не только возместит убытки от слишком низкой подписной цены, но даже и принесет прибыль. Таким образом, Жирарден был человеком, который обратил внимание на зависимость выбора рекламодателями издания от его тиража².

Еще одним достижением этого времени можно считать создание первого бесплатного печатного периодического издания, существующего за счет рекламных объявлений. 15 ноября 1835 г., за шесть

месяцев до основания Жирарденом *La Presse*, журналист, имя которого сегодня забыто — Огюст Коммерсон — создал *Le Tam-tam*. Именно это издание считается первой бесплатной прессой: на *Le Tam-tam* можно было подписаться, но оно также распространялось во всех крупных кафе, читальных залах, департаментах в количестве 1000 экземпляров³. Коммерсон запустил еще и другое издание *Le Tintamarre*, которое также распространялось бесплатно. Рекламные объявления в его изданиях занимали от 40 % до 55 %⁴ от всей площади. Это было в три раза больше, чем в крупных газетах, так как тарифы были в три раза ниже. Однако такие издания были привлекательными для всякого рода шарлатанов, и в 1846 г. почти четвертая часть всей рекламной площади была занята объявлениями, обещающими чудесные исцеления, универсальные лекарства от всех болезней.

Важной особенностью рекламного рынка XIX в. была ориентация на женскую аудиторию. Выделение целевой аудитории становилось крайне важным фактором, осознанным в этом столетии. Издания для женщин стали к концу XIX в. одним из главных секторов специализированной прессы. Так, католический ежемесячник *Le Petit Écho de la Mode* был инструментом рекламирования продуктов, предназначенных для семейного потребления: консервов и шоколада, отваров и сиропа, одежды и тканей. В 1893 г. было придумано дополнять каждый из номеров выкройкой, чтобы женщина могла сама сшить домашнее платье с помощью швейной машинки. Нужно было удовлетворить читательниц, с одной стороны, но и также поддержать рекламодателей, предлагавших швейные машинки, среди производителей которых было много зарубежных торговых домов, например «Зингер».

Однако в основе сегментирования аудитории в XIX в. лежат не только гендерный и географический принципы. Не меньшее значение приобретает и такой критерий, как уровень дохода. Наибольшую популярность у рекламодателей имели газеты, ориентированные на главного потребителя предметов роскоши, буржуазию. В популярном издании *Le Figaro* рекламные площади были наиболее дорогими. К 1890–1895 гг. его тираж составил 80 000 экземпляров. Ипполит де Вильмессан,

1. Анিকেев В. Е. История французской прессы (1830–1945). М., 1999. — URL: <http://journ.brusov.am/wp-content/uploads/2010/09/anikeev.pdf>

2. Reclus M. Émile de Girardin, le créateur de la presse modern. Paris, 1934. P. 85.

3. Martin M. Trois siècles de publicité en France. Paris, 1992.

4. Martin M. Op. cit.

Об авторе: Пивоварова Мария Игоревна, доцент кафедры связей с общественностью факультета журналистики Воронежского государственного университета.

основавший *Le Figaro* и преобразовавший его в ежедневник, стоял у истоков рекламного процветания газеты. Вдохновленный примером *The Times*, размещавшим любовную переписку на своих страницах, он открыл рубрику «*Petites correspondances*».

В XIX в. рекламный рынок Франции становится более систематизированным и упорядоченным. Этому способствовало создание 1 июля 1845 г. Генеральной ассоциации рекламных объявлений (*La Société Générale des Annonces* или *La SGA*), которое возглавил Шарль Дювейриер. *La Presse*, *Le Constitutionnel*, *Le Journal des Débats* объявили об объединении их рекламы в *La Société Générale des Annonces*. После создания прессы в 40 франков это был второй важный эпизод, заключавшийся в создании национального рынка рекламы с выгодой для парижской прессы.

В 1846 г. *La SGA* управляло рекламой восемнадцати газет и, что наиболее важно, контролировало это рынок. Тарифы на рекламные объявления были сравнены и понижены с 20 % до 50 %⁵, чтобы привлечь новых клиентов. С целью сделать процесс размещения многочисленных объявлений более простым был унифицирован их формат.

La SGA процветало первые два года, но с наступлением экономического кризиса, начавшегося в 1846 г., доходы компании уменьшились. Революция сыграла в этом не последнюю роль, окончательно истощив рекламу. И в марте 1848 г. *La SGA* расторгло все контракты и расформировалось. По окончании кризиса рекламный рынок так и не смог вернуться на докризисные позиции. Банки и коммерческие предприятия поменяли свою стратегию коммуникации с зажиточными клиентами и теперь использовали с этой целью финансовую прессу.

Несколько больших компаний доминировали на рынке и создали объединения. Эдуар Лебей объединился с «Биго и Пани», чтобы взять в руки главные ежедневные *Le Siècle*, *La Presse*, *Les Débats*, *Le Constitutionnel* и затем в 1851 г. *La Patrie* и *Le Pays*. С другой стороны, Матье Лафит, Ж.Ф. Фошей и Луи Бюлье также объединились и стали специализироваться на провинциальной прессе, которую они снабжали новостями в обмен на рекламные площади. Эти две организации образовали агентство Гавас (*Navas*), таким образом учредив Вторую генеральную ассоциацию рекламных объявлений (*Seconde Société Générale des Annonces*), которая под разными названиями (*SGA* или *Navas*) контролировала рекламный рынок до Второй мировой войны⁶.

Важным моментом XIX в. было зарождение первой рекламной профессии во Франции. В течение длительного времени вопрос о размещении рекламы решался напрямую между рекламодателем и руководством журнала. Но к 1830 г. в Париже появились рекламные агенты (*les courtiers d'annonces*). Это были профессиональные посредники между предпринимателями, которые хотели разместить

рекламные объявления, и прессой. Это первый пример рекламной профессии в истории Франции. Посредники, которые очень быстро стали ведущими лицами на рынке, получали комиссионные от журнала, к которым иногда добавлялось вознаграждение от рекламодателя.

В первой половине XIX в. в Англии были заложены предпосылки для масштабного развития рекламной сферы, именно в это время реклама начала обретать формы, роднящие ее с современной. Стоит отметить, что на развитие рекламного бизнеса повлияла не только промышленная революция, обострившая конкуренцию на рынке. Англия XIX в. проводила в жизнь политику либерализации в отношении средств массовой информации.

К середине столетия эти перемены стали наиболее заметны. Если прежде развитие рекламы было ограничено разнообразными налогами, в том числе на бумагу и газеты, то в 1853 г. были отменены рекламные пошлины, а в 1855 г. была упразднена газетная марка (специальная почтовая марка, которая выпускалась для оплаты пересылки газет). В результате выросли тиражи газет, а реклама испытала невиданный подъем. При этом и технологические нововведения в печатной индустрии сделали возможным создание газет с большим, чем ранее, тиражом. Исследователь истории рекламы Т. Неветт приводит следующие цифры: «тираж *Daily Telegraph* вырос от 27 000 в день в 1856 году до 300 000 в 1880 году; *Lloyds Weekly* имела 1 миллион в 1896 году и *Daily Mail* достигла этого значения во время войны с бурами. В то же время <...> число ежедневных газет выросло от 5 в 1854 году до 52 в 1864 году, и 129 в 1889, при этом 52 из них были утренними, а 77 вечерними»⁷(пер. с англ. М. Пивоваровой).

Знаковым моментом этого времени было появление общедоступной пенсовой (*penny-press*) и потом полупенсовой (*halfpenny*) прессы. Эти события ознаменовали новую эру в развитии рекламы: теперь донесение информации о товарах и услугах до сведения большинства покупателей осуществлялось намного быстрее и охватывало намного большие слои населения. В то же время стоит отметить гибкость прессы как инструмента рекламирования: «теперь рекламодатель мог выбирать практически любой город или район для охвата при помощи растущей провинциальной прессы и выделять отдельные сегменты населения с помощью журналов»⁸(пер. с англ. М. Пивоваровой). Тематическая дифференциация периодических изданий вызвала к жизни другую тенденцию: объединения возникающих узкоспециализированных изданий под общим патронатом предпринимательской компании. Это, в свою очередь, привело к значительному распространению комплексных информационных агентств⁹.

7. Nevett T. R. Advertising in Britain. AHistory. London, 1982. P. 78.

8. Nevett T. R. Op. cit. P. 78.

9. Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. СПб., 2002. С. 157.

5. Martin M. Op. cit.

6. Martin M. Op. cit.

Одним из способов достижения этих целей являлась деятельность отдельных рекламных агентств. Одной из самых заметных фигур в рекламной сфере в начале XIX в. был Джеймс Вайт. В 1800 г. он основал агентство, продолжающее работу по настоящее время, хотя название и претерпело изменения.

Наряду с отдельными рекламными агентами к началу XIX в. в Англии формируется круг богатых и удачливых предпринимателей. К таковым относился и Джон Белл. Кроме выпуска двух газет Джон Белл в 1790 г. начал издавать иллюстрированный ежемесячник *La Belle Assemblée*, преимущественно для женщин. В нем содержалась реклама предметов женского обихода. К его заслугам можно также отнести и регулярное издание рекламного приложения к своей воскресной газете *Bell's Weekly Messenger*, а также создание информационного агентства *The Westminster Central Market and Universal Register*.

Разнообразие и многоплановость печатной рекламы первой четверти XIX в. поражает: «для ее размещения используются массовые и специализированные издания с месячной, еженедельной, ежедневной периодичностью, разовые листки, бюллетени, брошюры и небольшие рекламные вкладыши»¹⁰. Однако стоит обратить внимание на особое явление в журналистике и рекламе, связанное с новой промышленной реальностью. В это время в Англии стали появляться издания в поддержку технических инноваций «и тех предприятий, которые внедряли изобретения в производство. Помимо данного издания появились и другие: *The Mining Journal* и *The Iron and Coal Trades Review, Machinery Market*.

В XIX в. произошла дифференциация рекламы в зависимости от аудитории. Женскую аудиторию смог охватить Дж. Белл. Он издавал *Ladies Newspaper* и *The Queen*. Если первая в основном избегала рекламных текстов, то вторая их активно размещала, сообщая о новинках домашней утвари, модной бижутерии, о галантерейных товарах, о драгоценностях.

Исследователь Т. Неветт приводит данные и по женским журналам, которые также отличал необычайный рост в XIX в. Их число возросло от 4 в 1846 г. до 50 к 1900 г., хотя, если сравнивать тиражи отдельных изданий, они не могли соперничать с популярными семейными журналами, такими как *Titbits*, который продавал 900 000 копий в неделю в 1880-е гг., и журналом *Answers*, достигшим подобного уровня в следующие десять лет¹¹.

В 1885 г. вышла газета *The Lady*, первоначально предлагавшая только одну рекламную колонку «Обмены и продажи», которая затем разрослась до целой полосы. Вскоре основательную конкуренцию этому популярному изданию составила «Женская страница», появившаяся в 1896 г. в газете *Daily Mail*.

Иллюстрации закрепились в газетной рекламе также в XIX в. Первым в Англии и Европе массовым иллюстрированным журналом стал *Penny Magazine*. Реклама, размещенная на его страницах, заметно влияла на рост доходов рекламодателей. Тем не менее, данное нововведение не сразу прижилось в изначально консервативно настроенном британском обществе. Памфлетные, брошюрные издания были настроены более лояльно к иллюстрированию рекламы. И все же для XIX в. в целом изображения в разнообразной наружной рекламе более привычны.

В противовес всеобщему мнению, что реклама в викторианскую эпоху была свободна от всякого вида контроля, «XIX век стал свидетелем целого ряда актов, которые регулировали сендвич-менов, плакаты, шум, азартные игры и неприличные рекламные сообщения»¹².

Несмотря на это, время правления королевы Виктории стало одной из самых важных страниц в истории развития английской рекламы. Королева Виктория взошла на трон в 1837 г., и реклама этого времени зеркально отразила изменения, пришедшие вместе с промышленной революцией, обострившей конкуренцию на рынке и благоприятствовавшей развитию рекламы.

Налоги на рекламу были снижены в 1853 г. и отменены в 1861 г. С появлением *penny-press* и потом *halfpenny-press* оперативность информирования о товарах и услугах возросла, а охват аудитории заметно увеличился.

Обращает на себя внимание применение правового регулирования рекламного процесса, что говорит о его мощной интеграции в общественную жизнь Англии. В 1893 г. было организовано «Национальное сообщество по контролю над рекламными злоупотреблениями». В том числе, был издан закон против непристойной рекламы¹³, а также запрещены откровенные изображения (в большей степени это, конечно, касалось визуального компонента наружной рекламы).

Таким образом, развитие рекламы во Франции и Англии в XIX в. стало свидетелем следующих важных тенденций: формирование законодательных основ рекламной деятельности, осознание важности обращения к женской аудитории как важному участнику рекламной коммуникации, начало эпохи массового распространения рекламы, проведение реформ, благоприятствующих развитию рекламной сферы, зарождения первой рекламной профессии — рекламных агентов, а также утверждение принципов возмездности их труда. Все это ознаменовало становление европейского рекламного рынка.

2. Воронеж

10. Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. СПб., 2002. С. 159.

11. Nevettt T. R. Op. cit. P. 78.

12. Fletcher W. Powers of Persuasion : The Inside Story of British Advertising 1951–2000. Oxford, P. 17.

13. Nevettt T. R. Op. cit. P. 210.

С шальными деньгами уходят «шальные» СМИ

Алексей Волин — известный журналист, редактор, политик, пиарщик. В настоящее время занимает пост заместителя министра связи и массовых коммуникаций РФ. В интервью «АН» он подробно описал ситуацию, которая сложилась на медиарынке, о том, какую функцию несут СМИ в настоящее время. И нужно ли нашей стране единое медиaprостранство.

— Алексей Константинович, самый первый вопрос, конечно — как вы оцениваете перспективы печатных СМИ? Сейчас много разговоров о якобы скорой гибели печатной отрасли. У вас, как представителя регулятора, наверное, есть свое особое мнение по этому поводу.

— Если говорить про перспективы печатной отрасли, то мы не считаем, что печать умрет, но при этом прекрасно понимаем, что возможности для ее развития сегодня в достаточной степени ограничены. Публика в значительной степени переходит к интернет-версиям, да и вообще меняется медиапотребление. Растет поколение, не привыкшее работать с большими форматами, которые, прежде всего, дает печать, а, если говорить про небольшие форматы, которыми славится ваша газета, это, собственно говоря, прообраз интернет-СМИ. Короткие тематические заметки, понятные, легко изложенные, с иллюстративным рядом. И сегодня молодежь воспринимает тот же самый формат, но только не на бумаге, а в интернет-версии. Второе, что мы видим, — у нас сегодня нет печатного СМИ, которое бы не дублировало себя на интернет-сайте. Более того, мы понимаем, что есть два пути развития. Первый, на наш взгляд, чреватый большими опасностями, это когда сайт является полной копией бумажного СМИ. И это убивает или в значительной степени подрывает бумажную версию. И второй путь — когда происходит разделение версий, и интернет-версия не копирует печатную, потому что люди исходят из того, что «бумага» — это лонгрид, а Интернет — больше новостная лента с анимацией, с динамичными графиками, плюс возможности мультимедийности, которые дает система перекрестных ссылок. При этом мы видим одну поразительную вещь, которая заключается в том, что все средства массовой информации научились работать в Интернете, и практически ни одно из них не научилось полноценно там зарабатывать. Основные деньги сегодня прессе приносит ее бумажная версия. Поэтому эту версию нужно холить, лелеять и беречь, что, конечно, не означает того, что не нужно пытаться лучше работать в Интернете. Мы вообще не являемся сторонниками идеи, что электронные версии вытеснят всё и вся, в том числе книги и журналы. Более того,

мы считаем, что есть целый ряд вещей, которые точно будут жить на бумаге. Это несколько направлений. Прежде всего, «бумага» точно сохранит за собой премиальный сегмент, когда человек может получить эстетическое тактильное удовольствие от качества бумаги, качества картинки, красивого переплета. И второе — мы абсолютно уверены в том, что бумагу сохранит детский сегмент, поскольку для малышей особенно важны тактильные ощущения и нормальное восприятие действительности. Потому что если вы будете обучать ребенка читать на планшете с двух лет, то в четыре, сидя в автобусе, он будет пытаться расширить пальцами стекло, для того чтобы посмотреть, что за ним. Конечно, все быстро меняется. Посмотрите, очень многие сегодня начинают играть в телевидение, поскольку производство телевизионного продукта крайне удешевилось. Если раньше, чтобы произвести такой продукт, вам нужны были телевизионная съемочная камера со штативом и монтажная (а камера со штативом и всем навесом, который на ней был, стоила 150 тысяч долларов, ну некоторые за 100 можно было купить, и монтажная — где-то от 30 до 50 тысяч долларов), то сегодня картинку куда лучшего качества можно получить проще и существенно дешевле. Теперь вам нужны видеокамера стоимостью 2–3 тысячи долларов, причем она уже оборудована стабилизатором, чтобы не дрожал, тренога и компьютер (около 2 тысяч долларов). В общем, то, что раньше стоило 150 тысяч, сегодня стоит около пяти. Появились возможности колоссального телевизионного производства, и сегодня каждый, по сути дела, уже может производить свой телевизионный канал. Но есть другая проблема — отнюдь не все просится на телевизионную картинку. Например, нашу с вами беседу можно записать на видео, но не факт, что людям будет интересно смотреть и слушать нас вживую. Потому что когда это напечатано на бумаге или на том же сайте, всегда есть возможность выбрать наиболее интересные места, посмотреть по диагонали. Например, если проходит выступление губернатора, мэра или главы района, совершенно не обязательно транслировать его целиком, потому что телевидение должно показывать только живые реакции. Если в депутата бросили яблоко, или он постучал по трибуне башмаком, или жонглировал при этом ручками, папками, ел бумаги, глотал шпаги, — все это требует телевизионной картинки. А изложение доклада об успехах, которых достигла область, район или город за минувший квартал, год или даже десятилетие, требует совершенно другой подачи материала. Это не картинный материал. При том, что предпо-

чтения публики не меняются. Люди как смотрели основные телевизионные каналы, так и продолжают их смотреть. И ответ здесь совершенно понятен. Да, в Сети, можно найти массу всего самого разнообразного, включая контент, произведенный пользователем, но это непрофессиональный контент. Большой телевизионный канал тратит от 100 до 500 миллионов долларов в год на производство фильмов, сериалов, программ и передач. И это дорогие, качественные передачи, которые никогда не произведет «партизан» с индивидуальным смартфоном и монтажным устройством. Другое дело, когда пользовательский контент поднимается на пике популярности, когда пользователь смог снять то, что не смогла снять профессиональная камера. Например, упал челябинский метеорит. Его падение, конечно же, расхлосило по Сети, потому что его засняли регистраторы в автомобилях, люди на мобильных телефонах и прочее. При этом мы отлично понимаем, что если бы падение челябинского метеорита заснял профессиональный оператор с хорошей телевизионной камерой, то его картинка точно побила бы конкурентов. Но поскольку профессионального оператора там не было, народ смотрит то, что сняли пользователи.

— **Которые оказались в нужное время в нужном месте.**

— Именно так! Что, собственно говоря, всегда и требуется от журналиста. Сегодня добровольных помощников журналистов развелось много. Это очень сильно обострило конкуренцию и стало одной из причин сокращения бумажных средств массовой информации. Многие уходят с рынка. У нас был длительный период, когда рос рекламный рынок, когда большое количество людей вкладывались в то, чтобы создать собственные СМИ, рассматривая их не как бизнес, а как хобби, утешение своих политических амбиций или желание сделать кому-то приятное. Сейчас вместе с шальными деньгами уходят «шальные» средства массовой информации. Это, на наш взгляд, достаточно позитивная тенденция. Потому что еще три года тому назад все наши экспертные оценки показывали, что количество СМИ в стране примерно вдвое превышает возможности существующего рекламного рынка. Эти издания рыночными способами не прокормить.

— **Алексей Константинович, вы сказали, что ниша для печатных СМИ в любом случае остается, но недавно была принята концепция «Информационной безопасности России», и в ней 95 %, если не больше, уделено все-таки именно электронным СМИ. И в этой связи возникает вопрос, насколько вообще государство будет поддерживать отрасль?**

— Государство исходит из того, что тех проектов в медиасфере, которые не могут жить на собственные средства, по большому счету быть и не должно. Исключение составляют несколько нишевых вещей. Первое — издания для инвалидов, особенно для слепых, азбука Брайля. Это абсолютно некоммерческая история. Второе — детские издания. Мы

исходим из того, что большинство подобных изданий абсолютно спокойно живут в рыночной нише. И неплохо там себя чувствуют. Если одно детское издание успешно, а другое нет, то проблема не в том, что этому неуспешному надо помочь. Мы вообще считаем, что таким изданиям помогать не надо. Помогать надо сильным и успешным.

— **Так они и так сильные, без всяких ресурсов.**

— А зачем нищету плодить? Если издание слабое, значит, оно не популярное. Мы возвращаемся к нашему тезису о том, что, если у вас нет трафика, нет аудитории, то, собственно говоря, все ваши проблемы проистекают от этого. Потому что у вас нет рекламодателя, вы не получаете деньги от подписки, от информационных заказов, а для всех этих вещей нужен трафик. Понятие «трафик» имеем в виду здесь в широком смысле, исходя из того, что в него включаются и те покупки, которые люди делают в киосках, если речь идет о важных СМИ. Нет трафика — нет влияния. Зачем помогать, какую вы задачу решаете? У нас, например, есть целый ряд литературных журналов. Старые заслуженные журналы. Они регулярно поднимают вопрос о том, что им надо помогать. Но при всем при этом посмотрите, сколько людей приходит на интернет-сайты этих журналов? У них не больше тысячи посетителей в месяц. Просто есть формат, который уходит. Литературный журнал был востребован, когда было мало книг, когда не хватало бумаги, чтобы их печатать. Это была возможность дебюта. Но сегодня любой человек, желающий издать книгу, в состоянии это сделать. Да, литературный журнал — это определенный профессиональный отсев, но таким отсеком сегодня занимаются и хорошо зарекомендовавшие себя издательства. Потому что редакционная коллегия в серьезном издательстве по профессионализму ничем не уступает редколлегии старого журнала, а в чем-то даже его и превосходит. Поэтому тратить силы и средства, чтобы переломить объективную тенденцию на рынке, просто бессмысленно.

— **Сейчас много говорится о том, что против России ведется информационная война. И сразу возникает вопрос о развитии единого информационного пространства в нашей стране, в том числе как средства борьбы за умы молодежи. Как вы видите работу в этом направлении?**

— Во-первых, в России существует единое информационное пространство, которое можно формировать. Оно существует и при помощи федеральных телевизионных каналов, и благодаря сайтам всех изданий. Единое информационное пространство существует благодаря информационным агентствам, которые в последнее время очень сильно изменили свою модель распространения информации от B2B. Раньше была цепочка: информационное агентство — редакция — читатель. Сегодня все информационные агентства имеют свои информационные сайты и идут уже напрямую. То есть цепочка редакции, газеты, журнала или кого-то еще вроде радиостанции исчезла. Информацион-

ное агентство напрямую может взаимодействовать с читателем. Уже не говоря о том, что очень многое из того, что сегодня распространяется в социальных сетях, которые, кстати, тоже сформировали единое информационное пространство, является продукцией, произведенной профессиональными СМИ. То, что люди, прощу прощения за иностранный глагол, расшеривают, рассылают по соцсетям, публикуют и перепубликуют на стенах друг у друга, это же в значительной степени не то, что написали блогеры-единоличники, кустари. Это в том числе и материалы прежде всего профессиональных редакций. Поэтому у нас точно нет проблемы с созданием единого информационного пространства. Если под единым информационным пространством подразумевать некое однообразное идеологическое толкование, то это нам не нужно. Мы живем в свободной стране, где каждый гражданин имеет право на свою точку зрения. И мы не стремимся к некоей северокорейской модели, где все ходят, думают и выглядят одинаково. Мы верим в то, что граждане Российской Федерации как-нибудь разберутся сами, что к чему. Что касается вашего вопроса, какую роль в формировании мировоззрения молодежи могут сыграть традиционные СМИ, отвечаю так: в возрасте от 3 до 10–12 лет через детские бумажные издания и книжки — да. От 12 до 18 лет — никакой роли, потому что молодежь их уже не смотрит и не читает.

— Недавно «Аргументы недели» совместно с Ассоциацией Распространителей Печатной Продукции (АРПП) провела исследования, где выявила корреляцию количества киосков, (т. е. обеспеченность прессой населения), и явки на выборах в регионах. Как вы считаете, дистрибуция печатной прессы должна поддерживаться государством, или же в скором времени останутся только традиционная подписка и электронные версии?

— Начнем с исследования, на которое вы ссылаетесь. У нас вообще очень любят сегодня, чтобы поддержать свои бизнес-интересы, сослаться на серьезную критическую значимость и подгоняют одно под другое. В народе это называется «тянуть муди к бороде», и исследования связи количества киосков с явкой на выборы — это попытка примерно из этой же самой серии. Но, в любом случае, сохранение киосковой сети крайне важно для общего информационного и культурного ландшафта Российской Федерации. Киосковая сеть и так достаточно ценна. И наше министерство уже больше трех лет назад опубликовало приказ с рекомендациями по плотности киосковой сети, которая должна быть в регионах. Более того, мы ежегодно проводим исследования как раз вместе с АРПП и вывешиваем это у себя на сайте. Причем мы сейчас вместе с ними стали проводить два исследования: первое — это рейтинг регионов по количеству киосков на душу населения и второй — это рейтинг благоприятствования глав регионов, субъектов Федерации, развитию печатных СМИ и системе дистрибуции и распространения. Достаточно эффективное воздействие на губернаторов, хотя часто

проблема кроется даже не столько в губернаторах, сколько в мэрах. Есть регионы, которые уделяют этому вопросу очень большое внимание. В лидерах у нас Воронеж и Липецк. И опыт как раз очень многих регионов показывает нам, что сложности киосков — это не только проблемы распространения газет и журналов. Потому что там, где у вас есть хорошо развитая киосковая сеть и стоят не вот эти маленькие будочки, а большие современные павильоны с хорошим помещением, эти киоски превращаются одновременно еще и в центры продажи книг. Так как у нас в стране сильно сокращается количество книжных магазинов, большие павильоны прессы позволяют компенсировать выпадение книжных магазинов как раз за счет того, что достаточно большое количество популярных книжек можно распространять там. Что и происходит. Поэтому мы считаем, что киосковая сеть будет сохраняться, более того, она эффективнее, чем подписка, потому что тут всегда существует проблема поздней доставки или даже недопоставки, а при киосковой рознице такой проблемы нет. Плюс, конечно же, будет распространяться и электронный вариант. И опять-таки мы четко понимаем, что у нас год от года будут сокращаться и подписные тиражи, и продажи в киосках, но будет увеличиваться количество пользователей, которые будут читать газету или журнал в электронном виде.

— Вы упомянули Воронеж и Липецк. В конце прошлого года мне довелось по приглашению хорошо вам знакомой Валентины Ефимовны Полуказаковой, главы липецкой «Роспечати», побывать в гостях на фестивале «Читающий Липецк» и посетить ее предприятие и павильоны. Вы, безусловно, правы, там продаются и газеты, и книги, и сопутствующие товары. Но в любом случае во время нашего общения как там, так и в Москве, и она, и ее коллеги говорили, что сейчас без поддержки со стороны местных и федеральных властей киосковым сетям очень тяжело выжить. И все же знают, что в Воронеже или, например, в Липецке, практически номинальная арендная плата за землю для киосковых сетей. — Нулевая ставка. В Воронеже нулевая, в Липецке тоже очень небольшая. И, отдавая должное этим регионам, в других регионах зачастую приказ Минкомсвязи не выполняется так, как хотелось бы. Как вы считаете, что-то нужно с этим делать? Может быть, облечь это в рамки федерального закона, как сейчас предлагают издатели, либо это все-таки должно оставаться на совести регионов?

— Что-то должно оставаться на совести регионов, и на эту совесть можно воздействовать со стороны самих СМИ. Потому что средства массовой информации у нас в очень странном положении. С одной стороны, они формируют общественное мнение, одновременно с этим умеют активно принимать заказы на обеспечение лоббистских услуг от тех или иных заказчиков, а с другой, они оказываются не в состоянии сформировать необходимое им самим общественное мнение и выступить лоббистами своих собственных интересов. Хотя мы прекрасно понимаем, что СМИ точно в состоя-

нии при желании провести воспитательную работу в отношении мэров и глав местных районных администраций, чтобы те обратили достаточное внимание на киосковую сеть. Поэтому сидеть, ничего не делая, надеясь, что президент Российской Федерации или правительство России за них решит их проблему, это тупиковый путь для издателей. Наверное, руководителям СМИ и главным редакторам пора начать что-то делать самим.

— **Ваш ответ сразу можно в заголовок интервью поставить. Теперь немного сменим тему — какое ваше мнение о перспективах развития телерадиовещания в стране? Как известно, к 2018 году поставлена задача по переводу всей страны на цифровое вещание и создание в регионах в том числе широкополосного доступа в Интернет даже в самых отдаленных уголках страны, как сказал Владимир Путин. Какая работа в этом направлении ведется и будут ли достигнуты поставленные цели к 2018 году?**

— Мне странна сама по себе формулировка вопроса: будет ли выполнено поручение президента? Конечно же, все, что намечено, — будет достигнуто. Теперь по поводу цифрового телевидения. Уже к настоящему моменту в стране практически завершена инфраструктура цифрового телевидения. На сегодняшний день более 95 % населения Российской Федерации имеет техническую возможность принимать телевидение в «цифре». По строительству широкополосного доступа уже несколько лет работает программа по прокладке оптоволоконных кабелей в населенные пункты с численностью от 250 до 500 человек, которая финансируется из средств, выделяемых из фонда «Универсальные услуги». Это универсальный фонд, куда поступают отчисления от операторов связи. Подрядчиком выступает Ростелеком. В некоторых регионах, например в Карелии, программа уже полностью выполнена. Все намеченные населенные пункты, которые были согласованы с властями по оптоволокну, включены. Дальше встает другая задача, и это уже проблема не инфраструктурная, а местная, потому что прокладка оптоволоконных кабелей в населенный пункт, особенно в сельский, абсолютно не означает, что все его жители получают широкополосный Интернет. Для того чтобы его получить, они должны оплатить последнюю милю, т.е. чтобы из центра населенного пункта, куда оптоволокну дошло, протянуть оптоволоконные кабели к себе в дома. Эту услугу государство точно никогда на себя не брало, и это те затраты, которые должны понести граждане самостоятельно. Многие из них сегодня к этому финансово не готовы, но возможность в центре населенного пункта иметь пункт коллективного доступа в Сеть сегодня существует, особенно там, где есть и почтовые отделения, соответственно можно будет пойти на почту и воспользоваться Интернетом. Также сейчас вместе с Министерством здравоохранения формируется перечень всех больниц в регионах, которые должны быть подключены к Интернету, и ведется работа по прокладке туда необходимых коммуникаций, инфраструктуры.

— **Алексей Константинович, недавно был принят так называемый пакет Озерова — Яровой, который поначалу напугал всех — от потребителей услуг до представителей бизнеса, но потом вроде бы выяснилось, что подобные законы уже приняты в Великобритании, например, и обсуждаются и в других странах. Как вы оцениваете этот закон и насколько он вообще адекватен в современных реалиях?**

— Ну, с учетом того, что эта инициатива была одобрена избранными депутатами Государственной думы, потом Советом Федерации, подписана президентом, она, конечно же, адекватна. Потому что неадекватные инициативы не проходят, существует достаточное количество фильтров для того, чтобы экзотические инициативы еще на ранних стадиях отловить и нейтрализовать. Дискуссия о том, каким образом эта инициатива должна быть реализована сегодня, ведется достаточно активно силовым блоком, Министерством связи и операторами связи, чтобы четко определить, какая информация, где, каким образом, сколько времени должна храниться, чтобы снизить нагрузку на отрасль. Могу сказать, что уже в течение пары месяцев в результате этой работы оценки по затратам индустрии на реализацию данного законопроекта снижены в 10 раз, но работа продолжается.

— **А что вы скажете о законе об ограничении государственных закупок иностранного софта? Могли бы вы оценить его эффект?**

— В настоящее время уже около половины программ, которые за последнее время стали использоваться внутри госкорпораций, министерств и ведомств и других крупных компаний Российской Федерации с государственным участием, составляют программы отечественного производителя, поэтому я могу сказать, что стимул для развития отечественной индустрии софтовой, он есть и он очень серьезный. Но здесь надо иметь в виду одну очень важную вещь — мы вообще не являемся сторонниками изоляционизма. Мы считаем, что самым эффективным способом импортозамещения является экспорт российского софта на внешние рынки. Мы готовы конкурировать с иностранными производителями не только у себя в стране, но и за рубежом. Потому что весь мировой опыт показывает, что, когда вы целиком закрываетесь от мира, у вас начинается деградация экономики и всего того, что пытаетесь сохранить. Я любил приводить пример, что в 1956 году в Индии был подписан указ, обязывающий всех индийских государственных служащих ездить на автомобилях Hindustan Ambassador, и после этого на протяжении почти 40 лет в этот автомобиль не было введено ни одной модификации. Потому что зачем это делать, когда и так сбыт гарантирован? Мы не хотим оказаться в похожей ситуации со своим каким-то «амбассадором», мы готовы к самой жесткой конкуренции. Мы понимаем, что повышать качество и конкурентоспособность своего продукта — это самый правильный и верный путь к развитию и защите своей индустрии.

— Недавно на заседании Национального Координационного совета прессы некоторые издатели озвучивали проблему создания саморегулируемой организации для печатных СМИ. Но действующий сейчас закон о средствах массовой информации говорит о том, что подобное «СРО» может быть создано только в том случае, если оно включает в себя и теле-, и радиоконпании, печатные и электронные СМИ. Не настало ли время как-то подкорректировать закон «О средствах массовой информации»? Все-таки печатные СМИ, телевидение и электронные СМИ это, мягко говоря, не совсем одно и то же.

— Во-первых, никаких ограничений на создание СРО нет. Если 20, 100 или 1000 газет объединятся и создадут саморегулируемую организацию, им никто не мешает это делать. Саморегулируемая организация — это то, о чем представители индустрии договариваются между собой. Вам никто и ни о чем не мешает договариваться. Если вы хотите сделать обязательную для всех саморегулируемую организацию, то мы никогда вам в этом не поможем. Мы категорические противники любых ограничений на деятельность медиа и бизнеса, от кого бы она ни исходила. Потому что саморегулируемая организация должна быть добровольной, а добровольно вам никто не мешает. Насильно загонять палками мы точно никому не дадим. Здесь поддержки нашего министерства не будет.

— Сейчас большую популярность, особенно среди молодежи, приобрели блогеры, видеоблогеры. Многие СМИ даже уже говорят, что они начинают подменять функции средств массовой информации. Не наступит ли такое время, когда каждый человек сам по себе будет СМИ?

— Нет, не наступит, потому что люди разные — и профессиональные, и непрофессиональные. Есть люди, умеющие красиво упаковывать материал, а есть те, которые этого не умеют делать. Есть люди, обладающие склонностью к аналитическому мышлению, а есть те, кто не умеет этого делать. Есть люди, проверяющие факты, и есть те, кто их не проверяет. Коллектив людей, умеющих красиво упаковывать, проверяющих информацию, отличающих правду от вымысла, обладающих аналитическими способностями и знающих, что интересует аудиторию, называется редакцией. Поэтому редакция всегда будет находиться в преимущественном положении перед непрофессионалами. Жалобы на конкуренцию со стороны блогеров поступают от средств массовой информации, которые не соответствуют высокому профессиональному уровню на рынке. Потому что, если люди занимаются тем, что копируют под вывеской СМИ, не производя оригинального продукта, то, конечно же, блогеры для них будут представлять серьезную опасность. Для профессионального СМИ блогеры не опасны, уже не говоря о том, что истинно профессиональные СМИ очень внимательно следят за появлениями блогеров, подающих надежду с профессиональной точки зрения, покупают их и превращают в своих штатных или внештатных сотрудников.

— Я, честно говоря, не знаю ни одного такого случая.

— А я знаю большое количество людей, которые, ведя блоги, обратили на себя внимание редакций и были привлечены ими к сотрудничеству.

— Все известнейшие блогеры, такие как Варламов, например, или Павел Доля, они сами по себе.

— Они не блогеры. Варламов — это индивидуальное средство массовой информации, как и Кононенко. Они просто создали собственное СМИ, но хочу вам напомнить, что, тот же самый Кононенко начинал в принципе с неких проектов. Как и ряд других людей, тот же Кашин. Он начинал в газете, создал себе имя, потом пошел капитализироваться. Они, конечно же, не продадутся, потому что они строили свои бизнесы.

— Недавно вышла статистика о том, что в Соединенных Штатах более 90 % прибыли от диджитал-рекламы получают всего две компании — «Гугл» и «Фейсбук». Причем тенденция налицо, и, конечно, все больше доходов концентрируется именно в этих двух структурах. Не приведет ли это к тому, что фактически весь рынок диджитал рекламы будет монополизирован? Ведь людям это очень удобно, они получают информацию либо из соцсети, либо из поисковиков. Что им еще надо?

— Вы назвали две компании. Они делят рынок. Это уже не монополия, а конкуренция между ними, это первое. Второе. Если мы говорим про общую тенденцию на рынке, то наш прогноз заключается в том, что наоборот — будет происходить очень серьезная фрагментация рекламного рынка в силу того, что у людей меняется требования к тому, что они готовы принять в качестве рекламы. Именно за счет Интернета произошел серьезный поворот в мозгах населения в отношении того, что работает, а что нет. Баннерная реклама не работает. Работает сочетание поисковой оптимизации с нативной рекламой. Нативная реклама — это реклама, которая подается в виде интересного, оригинального авторского материала. Потому что реклама, как вставная челюсть, вызывает отторжение и людьми не воспринимается. Нативную рекламу вы никогда не сможете произвести без участия редакции, потому что подача материала в газете «Аргументы недели» отличается от подачи материала в газете «Ведомости». Да, вы никуда не денетесь без поисковиков. Это совершенно правильно, потому что рекламодатель обязательно будет платить за поисковую оптимизацию, ему надо, чтобы, прочтя вашу статью, народ потом забил что-то в поисковик. Но, не прочтя вашу статью, народ этого делать не будет. И поэтому у нас появляется вот такая двухбашенная конструкция: одна башня — это редакция, вторая башня — поисковик.

— А социальные сети?

— Соцсети в значительной степени используют ту информацию, которая опять-таки запускается в том числе и редакцией, потому что происходит ее распространение (я очень не люблю слово «расширение») со стороны пользователей в социальных

сетях. А когда соцсеть предлагает вам, опять-таки в качестве рекламы — посмотрите то, посмотрите другое, реально это не работает. «Бабок» с рекламодателя соцсети снимают немерено, только это не работает. Если вы купили мебель через интернет, вам ее будут предлагать там еще два года. И перестанут предлагать именно в тот момент, когда мебель у вас придет в негодность и настанет время покупать новую. Поэтому есть колоссальное коли-

чество легенд, которыми грузят рекламодателя, кстати, как и пользователя, но это легенды из серии о том, что количество киосков влияет на явку на выборах. Каждый выживает, как может, не стесняясь при этом пудрить мозги аудитории.

*«Аргументы Недели», № 15 (557), 20 апреля 2017.
<http://argumenti.ru/society/n586/531030>*

Александр Генис

Главы из книги «Обратный адрес: автопортрет»

(Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. — 444 с.).

Глава 22. Таймс-сквер, 1, или Новые американцы

«Новый американец» начался с визитных карточек, потому что придумавшему газету Боре Меттеру сказали, что главное в бизнесе — адрес.

— Location, location, location, — объяснил ему в лифте сосед-бизнесмен, — запомни, поц, в Америке место красит человека.

Соседу нельзя было не верить. Он владел одной четвертью лавки, где продавались кабачковая икра, шпроты и «Новое русское слово». Мечтая составить ей конкуренцию и разрушить монополию на свободное слово, Меттер перечитывал Драйзера и готовился быть непреклонным, как «Финалист», «Титан» и «Стоик».

В прошлой жизни Боря был моряком заграничного плаванья, что необычно для еврея, и родственником известного ленинградского писателя, что уже не так удивительно. Не чета всем нам, Меттер, прежде чем отправиться на историческую родину и найти ее в Нью-Джерси, побывал и в других экзотических портах. Из его путевых воспоминаний мне больше всего нравилась история про судового замполита. Заблудившись в Гонконге, он, опаздывая на корабль, нанял велорикшу. Боясь показаться сагибом, моряк не забрался в коляску, а усадил туда очумевшего возницу, который указывал крутящему педали замполиту дорогу к пристани.

Несмотря на морские рассказы, Меттер — единственный из своих сотрудников — не имел литературных амбиций. Он хотел издавать газету, а не писать в нее. Поверив соседу из лифта, Меттер выбрал самый престижный после Белого дома адрес в Америке и снял там офис. На визитке стояло: Таймс-сквер, 1.

Отсюда поднималась неоновая часть Бродвея. За углом открывалась отданная тогда пороку, а теперь Диснею легендарная 42-я стрит. Сам треугольный небоскреб умеренной высоты, но не амбиций, служил витриной капитализма. На фасаде мелькала реклама, призывающая купить пиво, автомобиль и вступить в армию. Бегущая строка цитировала биржевые индексы и делилась свежими новостями 1980 года: Иран, Картер, заложники, нашедшаяся кошка. Тридцать первого декабря с крыши спускался светящийся шар, отмечающий смену каждого года.

Считая эту достопримечательность большой, как всё в Америке, афишной тумбой, я даже не знал, что она внутри полая, пока не попал в первую редакцию «Нового американца». Она размещалась в чулане без окон. Довлатов в нее влезал только сидя.

Теснота не мешала пить, курить и ссориться. Собственно, нас с Вайлем для того и пригласили, чтобы разрядить обстановку. Первые номера нового еженедельника не оправдали надежд, в чем обвиняли друг друга отцы-основатели.

— Вы же, — зазывали они нас, — беспринципные циники, без царя в голове, вам лишь бы хиханьки да хаханьки, и нашей газете без таких не обойтись.

— Какие есть, — согласились мы и пошли к Седых заявлять об уходе.

Весть об измене он принял панически. Из «Нового русского слова» никто не уходил — ни живым, ни по собственному желанию. Посерев от обиды, он взял себя в руки и попросил ему тоже подыскать место в редакции конкурентов.

Сменив с восторгом и не раздумывая постоянную службу на редко оплачиваемую работу, мы вырвались на волю и остались без денег. Их, впрочем, хватило, чтобы отметить шампанским первый вольный понедельник в пол-одиннадцатого утра. Разлив бутылку прямо на бродвейском тротуаре, мы чокнулись пластмассовыми стаканчиками за наконец обретенную в Америке свободу. Она отличалась от русского безделья тем, что сулила труд по любви без зарплаты. Эта целомудренная утопия пьянила больше шипучего, и мы весь день строили ослепительные планы на будущее — до тех пор, пока жены не вернулись с работы.

Изрядно забегая вперед, я должен с благодарностью признать тот понедельник краеугольным. С того дня я никогда не служил и всю жизнь делал что люблю и как хотел, точнее — как мог. Мне повезло не изменить свободе, о которой говорил пышный девиз «Нового американца», напечатанный там, где в советских газетах пролетариев призывали объединяться.

— Мы выбрали свободу, — убеждал читателей придумавший это лозунг Довлатов, — и теперь наше счастье у нас в руках.

Чуть ниже размещалось самоопределение органа, где нам с Вайлем предстояло работать: «Ев-

рейская газета на русском языке». Никто не знал, что это значит.

Первая газета Третьей волны оказалась в кризисе, едва успев выйти в свет. От «Нового русского слова» она отличалась только форматом, предпочитая остальным сюжетам всё те же приключения кремлевских старцев. Чтобы избавиться от них чужими руками, нас вызвали из тыла врага и предложили любой пост на выбор. Мы согласились на должность главного редактора — для Довлатова.

Сергей ломался до третьей рюмки, но, согласившись, решительно взял бразды правления и отдал их нам, чтобы не вникать в детали. Себе, помимо колонки редактора, он отвел церемониальные функции: мирил и сорил сотрудников, вел изнурительные переговоры со всеми и обо всем, а главное, представлял газету в сношениях с внешним миром, прежде всего — на Брайтон-Бич, где его безмерно уважали за виртуозное владение феней.

Момент истины наступал раз в неделю на планерке, когда Довлатов обзирал вышедший номер. Лукаво объявив себя — единственного недипломированного сотрудника в редакции — недостаточно компетентным, чтобы обсуждать содержание наших материалов, он судил лишь о стиле, но так, что у всех горели уши.

— Что ты, собственно говоря, имел в виду, — ласково спрашивал Сергей поэта, педагога и массажиста Гришу Рыскина, — когда написал «кровавая рука крайма душит Нью-Йорк, по которому слоняются бездомные в чесуче»?

Нам доставалось наравне с другими, особенно за статью «Простаки в мире секса».

— Смесь напора с лицемерием, — говорил Сергей, — как будто этот опус написали Порто с Арамисом.

Никто не смел обижаться, потому что в редакции царил азарт взаимного издевательства, который мы же и насаждали. У нас не было ничего святого, и больше всего мы боялись того, что Аксёнов (пиковый король в нашей колоде) называл «звериной серьезностью». Перегибая палку, мы считали смех всему мерой, еще не зная, что шутки могут стать нервным тиком и обернуться стёбом. Сергей это предвидел. Он ненавидел профессиональных юмористов и боялся, что его к ним причислят.

— Ирония и жалость, как у Хемингуэя, — одергивал он нас без особого толку. В принципе, ему было все равно, о чем писали в «Новом американце», лишь бы чисто, ясно, уместно, с симпатией к окружающим и со скепсисом к себе. Отделавшись от антисоветского официоза, не менее предсказуемого, чем советский, не впад в панибратство, научившись избегать пафоса, сдержанно шутить и видеть в читателе равного, «Новый американец» расцвел на свободе. Выяснилось, что она скрывалась в стиле, добывалась в словаре и на-ряжалась простым синтаксисом. Раньше никому не приходило в голову, что устный язык может стать письменным без мата.

По-моему, Довлатов, заново открывший «средний штиль» Ломоносова, и сам не заметил совершенной им революции. Сергей просто физически не выносил, когда пишут «пах» вместо «пахнул», а за «представлять из себя» мог, как я выяснил, преследовать неделями. Возделывая и пропалывая наш грамматический садик, Довлатов расчистил почву для всех. В «Новом американце» все стали взыскательными читателями других и настоятельными писателями для себя. Боясь позора, мы, готовые отвечать за каждое лишнее, неточное или скучное слово, писали, озираясь, как в тылу врага.

Больше всех — по три полосы — сочинял Леша Орлов, влюбленный в баскетбол. К сожалению, им не интересовался, несмотря на двухметровый рост, Довлатов, и спортивные страницы считались рекламой, что не останавливало Лешу. Жилистый и тощий, он напоминал игрушечного зайчика из рекламы батареек «Дюрасел». Когда все выбивались из сил, Леша подрабатывал таксистом, писал про политику, соблазнял дам и заполнял случайные паузы, хлопая, как на стадионе, в ладоши: «Спартак».

Кино занималась пара энтузиастов. Батчан был учен, Шарымова — старше и опытнее.

— Вы не можете меня к ней ревновать, — однажды сказал Довлатов, — потому что мы встречались до вашего рождения.

Про жизнь писал все тот же многострадальный Рыскин. Знаток немецкой философии, поэт в душе и на деле, он трижды поступал на курсы программистов и возненавидел компьютеры, так и не научившись их включать. Гриша боялся нищеты, ел про запас, а на черный день купил два дома в трущобах — по доллару каждый. Когда выяснилось, что за недвижимость надо платить городу налоги, Рыскин с огромным трудом от нее избавился и наконец обрел достаток, став профессиональным массажистом. Работа открыла ему Америку в своеобразной перспективе, о чем Гриша сочинил интересную книжку. Я написал на нее хвалебную рецензию. Называлась она «Ниже пояса».

Самым симпатичным в редакции был художник Длугий. Ученик нонконформиста Немухина, рисовавшего игральные карты, Виталий из уважения к учителю ограничивал себя костями домино. Когда его пригласили на выставку в Латинскую Америку, мой брат, писавший, кстати сказать, в газету под псевдонимом «Тетя Сарра», посоветовал Длугому послать картины не самолетом, а телеграфом: дубль-два, пять-один, четыре-пусто.

Рядом с Довлатовым малогабаритный Виталька казался щенком и был таким же задиристым.

— Я не Рембрандт, — говорил он в ответ на любые претензии, — я — Длугий.

Это не помогло, и Сергей его чуть не задушил, когда в разгар борьбы за свободу профсоюза «Солидарность» Длугий раскрасил польский флаг зеленой и коричневой краской.

— Почему же это флаг у нас на обложке не красно-белый? — еще сдерживаясь спросил Сергей.

— Это условные цвета, — заносчиво ответил Длугий, — настоящее искусство не унижается до копирования действительности.

Он не успел договорить, как мы с Петей повисли на Довлатове, зная о его отношении к авангарду.

К счастью, оба были отходчивы. Обложку переделали, и в знак примирения Сергей подарил Длугому свою книжку с автографом.

— Люблю тебя, Виталий, — вывел Довлатов, — от пейс до гениталий.

«Новый американец» удался: нас читали, любили, приглашали в гости, многие даже подписывались. Купаясь в счастье, мы жили в долг и впроголодь, ибо чем лучше шли дела, тем меньше оставалось денег. Решая парадокс, Сергей, который с первого дня трудился в газете даром, пришел к выводу, что нас может спасти профессиональный менеджер.

— В нашей газете, — объявил Довлатов на чрезвычайном общем собрании, — вдоволь журналистов, художников, критиков, поэтов и фотографов, но никто не умеет считать деньги.

— А что считать-то? — спросил Рыскин, но его зашикали.

— Мы — дети социализма, — сокрушался Сергей, — по-нашему, лучше украсть, чем продать.

Газете нужен настоящий хищник-эксплуататор, который сумел бы нажиться на наших талантах.

Каждый представлял его себе по-своему. Довлатов заранее благоговел, я — ненавидел.

Первый пришел в редакцию своим ходом. Полный, с пшеничными, как у модного тогда Леха Валенсы, усами, он, обладая опытом в крупном американском бизнесе и не нуждаясь в прибыли, согласился помочь исключительно из жалости.

— Я буду продавать перочинные ножи, и с каждого газета получит 5% практически даром — за две полосы рекламы. Представляете, сколько в год набегит?

Мы не представляли, но боялись спросить, что-бы не показаться идиотами. Не выдержав затянувшегося молчания, я сменил тему.

— Вы читали Джойса в оригинале?

— Ну а сам-то как думаешь? — сказал он, снисходительно улыбаясь

Через неделю усатый бизнесмен исчез, и мы еще долго получали письма с просьбой вернуть деньги за оплаченные, но так и не доставленные ножики. Сергей всем вежливо отвечал, однако и это не отучило его искать богатых.

Следующим менеджером был юный американец, только что закончивший престижный Дартмутский колледж по специальности «Макроэкономика».

— Говорят, он хорошо играет в футбол, — сказал порекомендовавший его профессор Лосев, — жаль, что не в наш.

Вникнув в ситуацию, юноша нашел решение:

— Как показывает экономический анализ, причина дефицита кроется в том, что ваши доходы

меньше расходов, и это значит, что надо попросту сократить последние, — вывел он и перестал платить типографии.

Когда газета не вышла в срок, этот менеджер тоже исчез. Третьего к Боре Меттеру привел сосед, с которым он ездил в лифте. Тщедушный молодой человек в трениках сразу взял быка за рога.

— Я спасу газету, — пообещал он, — надо, чтобы Бунину было где печататься.

— Но Бунин умер, — сказали мы.

— Какое горе! — воскликнул менеджер.

Этот не успел навредить, потому что наш рекламный агент Миша Бланк спустил его с лестницы, узнав в нем дилера, продавшего ему автомобиль без мотора.

Довлатов, однако, не потерял веру в большой бизнес и на каждую планерку приводил новых воротил.

Один, с лишаем, велел нам писать с огоньком, другой требовал выгнать Бахчаняна, третий предлагал продать газету хасидам, четвертый — баптистам, пятый пообещал взять все расходы на себя и попросил жетон для метро на обратную дорогу. Самым обнадеживающим считался крупный, судя по приговору, биржевой маклер, но ему грозил долгий срок.

Все они смотрели на нас сверху вниз, видя, что мы готовы работать даром — как каторжники, боявшиеся, что у них отберут тачку.

Глава 23. «Новый Американец», или склоки

Когда газета отчаялась разбогатеть, мы согласились обеднеть и ввели мораторий на собственные зарплаты, приучившись обедать в гостях, в том числе у моих родителей. Но и за накрытым столом редакция продолжала заседать.

— Чтобы расшевелить читателя, — говорил Довлатов, — газете нужна склока.

— Полемика? — переспросил я.

— Тоже годится, — одобрил Сергей, — но склока лучше.

В сущности, он был прав. Всякая газета сильна оппозицией, даже советская, в которой мы завистливо читали материалы из рубрики «Их нравы». Именно там, задолго до опытов Комара и Меламиды, писавших картины в соавторстве с животными, я прочел, что на американскую выставку абстрактного искусства попал холст, созданный одноглазым попугаем. Я запомнил это, потому что сочувствовал птице — у мамы тоже не было глаза, и она часто промахивалась, накрывая чайник крышкой.

— Автор заметки намекает, — решил я тогда, — что, будь у птицы оба глаза, она рисовала бы как Репин.

Нам тоже нужен был такой «попугай», и им стал Солженицын. Мы все, конечно, были его поклонниками. Собственно, своим «Архипелагом» Солженицын и затащил нас в Америку, убедив на своем примере в несправимости отечества. Однако в Новом Свете он нас презирал и в упор не видел.

— Пока мы пируем на тучных полях Америки, — означало его молчание, — он, Солженицын, грызет горький хлеб изгнания.

Не удивительно, что снимок Солженицына в шортах, игравшего в теннис на своем корте в Вермонте, вызывал любопытство, граничащее со злорадством и порождающее его. Тем не менее Солженицыным восхищались все: либеральная часть эмиграции — с оговорками, Бахчанян — без них.

— Всеми правдами и неправдами, — говорил он, — жить не по лжи.

Поэт и царь в одном лице, Солженицын заменял эмиграции Брежнева, тоже порождая анекдоты. Так, когда Бродскому дали Нобелевскую премию, Солженицын сдержанно одобрил Стокгольм, но посоветовал поэту следить за сокровенной чистотой русской речи.

— Чья бы корова мычала, — по утверждению молвы, ответил Бродский.

Скрывшись в Вермонте, Солженицын интриговал недоступностью. Единственный русский писатель, которого никто, кроме Бориса Парамонова, не видел, будоражил фантазию и провоцировал нашу газету на кощунственные публикации. Жалуясь на них, апологеты Солженицына писали нам с экивоками: «Милостивые господа, которые с усердием, достойным лучшего применения...»

Мы отбrevхивались, полемика тлела, скандал разрастался, и на планерках цитировали Джерома: «Большие собаки дрались с большими собаками, маленькие — с маленькими, в промежутках кусая больших за ноги».

Довлатов от всего этого млеял, и газета с наслаждением печатала поношения в свой адрес, вызывая восхищение терпимостью.

— Школа демократии, — говорили друзья.

— Либеральная клоака, — поправляли их враги.

— Главное, — лицемерно примирял всех Довлатов, — чтобы не было равнодушных.

Их действительно не было. «Новый американец» возмущал старую эмиграцию тем, что пользовался большевистским языком («сардельки — это маленькие сардинки?»). Евреи жаловались, что о них мало пишут, остальные — что много. И все укоряли нас непростительным легкомыслием, столь неуместным, когда родины (старая, новая и историческая) обливаются кровью.

— Как, как накормить Польшу?! — спрашивал Борю Меттера все тот же сосед в лифте, жаловавшийся на бесчувственность «Нового американца» до тех пор, пока на общем собрании Боре не запретили пользоваться лифтом.

Упоенные дерзостью и разгоряченные голодом, мы наслаждались свободой слова. Читателям нравилось следить за газетными склоками, в которые мы втягивали друг друга, публично выясняя отношения, в том числе — с Довлатовым.

— Считаешь ли ты разумным, — вкрадчиво спрашивали мы Сергея, — выслать иранских сту-

дентов из США в ответ на захват американских дипломатов в Тегеране?

— Конечно, но лучше посадить, — не задумываясь, говорил Довлатов, и мы печатали это в газете как доказательство дремучего правосознания ее главного редактора.

Довлатов отвечал тем же, и читатели, наблюдая из номера в номер, как мы валяем дурака, привыкли считать газету родной и нужной. Мы убедились в этом, когда «Новому американцу» исполнился год. Отмечая юбилей, редакция сняла в Бруклине ангар, куда набилось больше тысячи поклонников. Выпивая и закусывая, они смотрели на сцену, где Довлатов проводил открытую планерку. Это было посильнее «Тома Сойера»: зрители платили не за то, чтобы красить забор, а за возможность наблюдать, как это делают другие.

Уникальный коммерческий успех этой акции привел к мысли заменить бумажную газету устной, упразднив расходы на типографию. Но к тому времени в газете скопилось слишком много писателей, которые не хотели менять профессию. Понукаемый нуждой, «Новый американец» давно оставил престижный склеп на Таймс-сквер и в поисках дешевизны пустился во все тяжкие. Наши скитания начались с безрадостной конторы на Модной авеню, где когда-то располагались пошивочные цехи, а теперь — в память о них — сидит бронзовый еврей за швейной машинкой. В редакции всегда горел свет, потому что солнце не проникало сквозь невымытые со времен «Сестры Керри» окна. От переезда, однако, просторнее не стало. В редакции постоянно толпились чужие, подглядывавшие за тем, как от свальной любви и ревности зачинается и рождается газета. Мы никого не выгоняли, но, когда приходили бизнесмены, Довлатов просил меня посидеть в сортире.

— Если корчить такие рожи, — жаловался он, — то о рекламе можно забыть.

Тем не менее прав был я. Деловые люди не отличались от остальных. Они хотели инвестировать в газету не деньги, а талант. Иногда — стихи, часто — прозу и всегда — полезные советы. Легче от этого не становилось, и, не справившись с манхэттенской рентой, мы перебрались через Гудзон в Нью-Джерси, где нас приютили в своей типографии украинцы, издававшие большую, старую и серьезную газету «Свобода». Единственные, кто принял всерьез этническую принадлежность «Нового американца», они подарили каждому из нас по нарядному альбому, поздравив «з Новим роком» по еврейскому календарю. Редакция так и не научилась им пользоваться.

Американские украинцы не имели ничего общего с теми, кого мы знали раньше. Они совсем не говорили по-русски и имели смутные представления о советской действительности. Свой чудный ржаной хлеб они называли «колхозным», считая, что это значит «крестьянский». При этом украинцы знали кремлевских вождей и ненавидели их не меньше нас. Это помогло моему знакомому, управ-

лявшему самодеятельностью города Харькова, найти себя в новой жизни. С местным фольклорным ансамблем он поставил антисоветский гопак «Запорожцы пишут письмо Андропову».

Нью-Йорк отвел украинцам восточную часть даунтауна, которую они делили с панками. Несмотря на боевые ирокезы, молодежь мирно ела борщ в «Веселке». Помимо ресторанов, на Ист-сайте находились церковь святого Юры, институт Шевченко и музей, который по-настоящему расцвел, когда догадался включить в число украинских художников всех, кто навещал Крым, Одессу или Киев: и Малевича, и Шагала, и Архипенко, и весь остальной авангард.

Помимо искусства, меня привлекала украинская колбаса. Свернувшись, как пожарный шланг, плотным кольцом, она щедро пахла и обещала застолье. Готовясь к нему, я однажды погрузил в багажник колбасный круг вместе с караваем черного и бутылку вошедшего тогда в моду «Абсолюта». Когда, задержавшись дольше разумного в музее, я вышел на улицу, то обнаружил, что машину украли. У меня и сейчас сжимается сердце, когда я представляю, что сделали воры с колбасой. Не секрет, что простодушные (другие не воруют старые машины) американцы с подозрением относятся к чесноку и чужой кухне. Во всяком случае, когда месяц спустя машину вернули полицейские, в опустошенном багажнике валялась коробка из «Макдоналдса».

Союз с украинцами не спас газету. С провинциальной стороны Гудзона Манхэттен выглядел Китежем. Заходившее в Нью-Джерси солнце отражалось в стеклянных небоскребах и топило город в почти балтийском янтаре. Не сумев покорить Нью-Йорк с наскока, мы решили взять измором, если не его, то себя. Вайль перестал платить за квартиру, я стеснялся смотреть на работающую жену, Рыскин съел лимон, Меттер обедал сахаром из украденных в кафе пакетиков.

От нищеты начались настоящие склоки. Мы обвиняли менеджмент, того же Меттера, в бездействии, он нас — все в том же легкомыслии. Не в силах справиться с собой, Боря взялся за нас и приставил к Довлатову комиссара по серьезности. Им назначили солидного Поповского, которого в зависимости от его поведения мы звали то Марком, то Мраком Алек-сандровичем.

Поповский жил через дорогу от меня, и я часто заходил к нему за материалами. ой отец, — в первую встречу сказал Марк Александрович, указывая на портрет бородатого мужчины, выглядевшего намного моложе самого Поповского.

— Не похож, — удивился я.

— Духовный отец, — пояснил он, — Александр Мень. Как неопит, Поповский любил христианство яростно и сумел развалить единственную действующую организацию Третьей волны — Союз ветеранов. К нам с Вайлем он относился как к непородистым щенкам: снисходительно, — но на Довлатова смотрел с удивлением, вслух поражаясь,

когда Сергей упоминал Фолкнера или Кафку. Как раз этим мне Поповский нравился: он говорил что думал, не всегда, а только начальству. Стремясь избавить газету от всего, за что ее любили читатели, Марк Александрович пытался нас урезонить и заменить узниками совести.

Планерки стали шумнее, закуска перевелась, крах был неминуем, но я был безусловно счастлив, ибо делал лишь то, что любил, и каждый день говорил о главном.

Книги у Довлатова не задерживались. Любимые, вроде Достоевского, «Хозяина и работника» и, конечно, Фолкнера, он знал наи-зуть, с другими легко расставался, наделяя нас с Вайлем то Львом Халифом, то Сашей Соколовым. Меня его отношение к литературе удивляло до икоты, точно так же как его — мое, особенно когда я проболтался про мениппею.

— О, понимаю, — обрадовался Сергей, — прохладный сумрак библиотек, зеленая лампа, пыльные фолианты.

Этот «прохладный сумрак» навсегда лишил меня уважения к литературоведческим глупостям, и я рьяно учился обходиться без них у Довлатова. Я слушал Сергея, страдая от внутреннего протеста, ибо как каждый отличник филфака благоговел перед словом «поэтика», мечтал открыть ее законы и применить их к какому-нибудь литературному телу.

К тому же мы были очень разными: я хотел знать всё, Довлатов — всё забыть, чтобы открыть заново. Не то чтобы Сергей презирал эрудицию — он ее терпел, переживая, как чужие запои. Твердо уверенный в том, что ничего полезного вычитать нельзя, он публично обещал заняться чужой философией как только выработает свою. Пугаясь этого демонстративного невежества, я чувствовал довлатовскую правоту, но не смел разделить его взгляды. Возможно, потому что пил меньше.

Отметая школы и направления, Сергей интересовался не сходством разных авторов, а их неповторимыми отличиями. В его пересказе каждый выходил курьезом словесности. В книгах он ценил не замысел и сюжет, а черту портрета и тон диалога, не путь к финалу, а момент истины, не красоту, а точность, не вширь, не вглубь, а ненароком, по касательной, скрытно, как подножка, и непоправимо, как пощечина. Страдая от Лотмана и молодой запальчивости, я громко спорил и тихо мотал на ус, понимая, что правда там, где никто не был раньше.

Беседы с Довлатовым развивали не интеллект и не вкус, хотя и его тоже, а тактильное отношение к слову. Сергей ощупывал текст, замечая, где выпирает лишнее и зияет недостающее. Примерно то же я делал, когда работал метранпажем.

И все же, если исключить мениппею, Довлатов поощрял наши опыты. Принципиально отказываясь отделять художественную литературу от любой другой, он считал критику равной словесности, вынуждая и нас к тому же. Кроме того, Сергей требовал, чтобы мы издали книгу, и не понимал, по-

чему мы не торопимся. Сам он ждал своей первой книги слишком долго и не понимал, как можно откладывать это решающее событие в биографии автора.

— Писатель, — вещал Довлатов, — начинается со второй книги, ибо первую, даже хорошую, может написать всякий.

Когда Сергей нас убедил, мы, собрав и искромсав всё написанное, принесли рукопись, чтобы ее набрала на домашнем компьютере жена Довлатова Лена.

Чтобы передать ей книгу, мы с Сергеем встретились в «Макдоналдсе». Отмечая принесенным

бренди окончание труда, мы засиделись допоздна и расстались, довольные друг другом. Только утром обнаружилось, что портфеля с рукописью нашей первой книги не оказалось ни у одного из трех участников застолья. Как в инциденте с колбасой, я огорчился за вора, обнаружившего в новеньком, специально купленном для этого случая портфеле-дипломате стопку бумаги, испачканной непонятными буквами.

Книгу пришлось составить заново, от чего она не стала хуже, чем могла бы быть, если учесть унылое, навязанное издательством название «Современная русская проза».

Повышая образовательный уровень в России

Под таким девизом издательство «Юрайт» работает уже более 20 лет, создавая инструменты обучения — учебники в печатном и электронном виде, контент для онлайн-курсов для обучающихся в послешкольный период жизни. Сегодня их ассортимент составляют около 2000 наименований оригинальных учебников, и есть планы расширить его до 5 тысяч за ближайшие три года. Среди книг «Юрайта» немало тех, что используются в учебном процессе факультетов и отделений журналистики (направления «Журналистика», «Реклама и связи с общественностью» «Телевидение»). В этом обзоре мы представим лишь некоторые учебники и пособия, которые вышли в 2016-2017 гг.

Основы журналистской деятельности : учебник для академического бакалавриата / С. Г. Корконосенко [и др.] ; под ред. С. Г. Корконосенко. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

В этом учебнике рассматриваются профессиональные знания и умения в тесной связи с технико-технологическим прогрессом в информационной отрасли. Освещены виды журналистской деятельности, источники и методы получения информации, профессиональные обязанности журналиста. Авторы, представляющие СПбГУ, АГУ (Барнаул) и ВГУ (Воронеж), стремились представить журналистскую деятельность как производственную, которая в свою очередь включает в себя участие в планировании и организации работы редакции, взаимодействие с внутриредакционными и внешними партнерами и многое другое. Кроме того, в учебнике представлены материалы, показывающие деятельность прессы на разных территориально-географических уровнях. Изложение материала сопровождается многочисленными примерами из редакционной практики. В структуру учебника включены вопросы и задания для самопроверки. Профессор Кройчик Л.Е. написал четвертую главу «Журналистское произведение», профессор Тулупов В.В. — шестую главу «Участие журналиста в планировании и выпуске СМИ»

Ильченко, С. Н. Основы журналистской деятельности : учебник и практикум для академического бакалавриата / С. Н. Ильченко. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

В тексте данного издания реализуется план от простых и очевидных понятий и проблем к более сложным аспектам работы в информационной сфере. Сначала обучающийся осваивает в соответствующих главах поочередно понятия «журналистика», «функции журналистики», «информация», «виды информации», «новости», «источники информации». Далее следует знакомство со спецификой журналистского труда в различных видах и типах СМИ, которым посвящены отдельные

главы настоящего учебника. Студент знакомится с особенностями ныне функционирующей системы медиа и стратегиями реализаций собственных творческих интенций. Также в конце глав присутствуют вопросы и задания для самоконтроля и библиографические списки. К изданию прилагаются дополнительные материалы, расположенные в Электронной библиотечной системе «Юрайт» (biblio-online.ru).

Иваницкий, В. Л. Основы бизнес-моделирования СМИ : учебное пособие для академического бакалавриата / В. Л. Иваницкий. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

Учебник дает читателю системное непротиворечивое представление о развитии экономической мысли человечества с древних времен до наших дней. Освоив предложенный материал, студент сможет сформировать понимание роли экономики в современном обществе, получить теоретические и практические знания об основных понятиях и категориях экономической науки, выработать экономическое мышление, создать базу для применения экономических знаний в своей социальной и профессиональной деятельности. Каждая глава сопровождается вопросами для самопроверки, которые помогут в самостоятельном освоении истории экономической мысли.

Голуб, И. Б. Литературное редактирование : учебник и практикум для академического бакалавриата / И. Б. Голуб. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

В учебнике освещены теоретические основы, методология и опыт литературного редактирования. На конкретных примерах из литературы различных тематических разделов от художественной до деловой всесторонне рассмотрена работа редактора с текстом, начиная с оценки композиции, содержания, логики изложения и заканчивая анализом стилистической правки речевых ошибок в рукописях. Приведены упражнения по курсу «Литературное редактирование». Тексты для упражнений взяты из современных газет и журналов, научно-популярной литературы. Книга будет интересна всем, кто заботится о культуре письменной речи и стремится выражать свои мысли убедительно, красиво, а главное правильно.

Муратов, С. А. Встречная исповедь. Психология общения с документальным героем : учеб. пособие для вузов / С. А. Муратов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

Предлагаемое пособие представляет собой курс лекций автора о психологии общения журналиста с героем. В центре внимания — возникающие в процессе интервью психологические и этические проблемы. Глубокое знание теории и практики тележурналистики и психологии общения позволило автору выработать уникальные методические

рекомендации для журналистов-интервьюеров. Книга проиллюстрирована видеоматериалами из личной коллекции автора, расположенными в электронной библиотечной системе «Юрайт». Публикуется в авторской редакции. Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Журналистика», преподавателей журналистики, практических работников телевидения, а также для широкого круга читателей.

Селентьева, Д. О. Политическая имиджология : учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / Д. О. Селентьева. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

В учебном пособии рассмотрены роли имиджа, имиджмейкерства в современной экономической ситуации, в условиях политизации жизнедеятельности человека. Особое внимание уделяется инструментарию, технике и технологии имиджбилдинга. Каждая глава пособия включает контрольные вопросы, которые помогут студентам лучше усвоить теоретический материал.

Тульчинский, Г. Л. Корпоративная социальная ответственность: технологии и оценка эффективности. Д. О. Политическая имиджология : учебник и практикум для академического бакалавриата / Г. Л. Тульчинский. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

В учебнике впервые системно осмысливается отечественный опыт реализации корпоративной социальной ответственности; развития социальных инвестиций и социального партнерства; оценки их эффективности, в том числе с использованием авторских разработок, полученных в результате участия в разработке и реализации ряда федеральных и региональных проектов и программ; деятельности орг-ганизаций, обеспечивающих развитие социальных инвестиций и социального партнерства; участия в экспертной группе Минрегионразвития по моногородам. В книге представлен обширный справочный материал: перечень международных и отечественных организаций, занимающихся социальной и гуманитарной экспертизой, характеристики международных стандартов социальной отчетности, методики оценки эффективности социальных инвестиций и социального партнерства, список рекомендуемой литературы. Для проверки знаний учащихся в конце каждой главы приведены вопросы для самоконтроля и практические задания.

Коноваленко, В. А. Основы интегрированных коммуникаций : учебник и практикум для академического бакалавриата / В. А. Коноваленко, М. Ю. Коноваленко, Н. Г. Швед. — М. : Издательство Юрайт, 2016.

В учебнике описаны интегрированные коммуникации как новый комплексный подход к продвижению товара на рынке и наиболее результативный способ решения маркетинговых задач. В издание включены информационно-справочные материалы, контрольные вопросы для самопроверки, которые помогут наиболее эффективно усвоить теоретический материал, а также практикум, со-

держающий разнообразные задания, тесты и кейсы. Учебник дополнен методическим разделом для преподавателей.

Щепилова, Г.Г. Маркетинговое и правовое обеспечение рекламной деятельности : учебник для СПО / Г. Г. Щепилова, К. В. Щепилов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

В предлагаемом издании рассматриваются основные параметры рекламы как инструмента маркетинговых коммуникаций, составляющей рекламного процесса и особого коммуникационного продукта, оказывающего влияние на потребителей. В современных условиях реклама превратилась в индустрию, многие профессиональные стороны и технологические аспекты которой требуют специального разъяснения. Это касается и характеристик каналов распространения рекламы, и особенностей рекламы в структуре других маркетинговых коммуникаций, и изучения эффективности воздействия, и медиапланирования, и правовых аспектов. Авторы книги, используя свой богатый профессиональный опыт в сфере рекламной деятельности, на конкретных примерах подробно и доступно анализируют все сложные вопросы.

Поляков, В. А. Разработка и технологии производства рекламного продукта : учебник и практикум для академического бакалавриата / В. А. Поляков, А. А. Романов. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

Учебник посвящен анализу методик и технологий производства рекламной продукции, используемых в России и зарубежных странах. Рассмотрено множество технологических процессов в полиграфии, создании наружной, аудио-, видео- и мультимедийной рекламы, практических примеров и ситуаций по применению рекламных технологий в конкретных маркетинговых ситуациях. В результате освоения курса обучающиеся будут владеть специфическими технологиями, позволяющими выстраивать коммуникации с потребителем и повышать продажи. Издание содержит контрольные вопросы, практические задания и тесты.

Федотова, Л.Н. Реклама: теория и практика : учебник для академического бакалавриата / Л. Н. Федотова. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

Автор анализирует рекламную деятельность так, чтобы у студента сформировались системные представления о рекламе: как социальном институте, существование которого тесно связано с развитием человеческой цивилизации; как информационном производстве; как деятельности, неразрывно связанной с реальным социумом. В книге рассматриваются проблемы политической и социальной рекламы. Для наглядности издание снабжено таблицами, иллюстрациями и примерами из практики. Учебник содержит также вопросы для самоконтроля, кейсы и приложение с перечнем основных законодательных актов, регулирующих рекламную деятельность в ряде регионов и стран.

Коноваленко, В. А. Реклама и связи с общественностью: введение в специальность : учебник для бакалавров / В. А. Коноваленко, М. Ю. Коноваленко, Н. Г. Швед. — М. : Издательство Юрайт, 2017.

В учебнике рассмотрены основные категории теории связей с общественностью (PR), рекламы и общей коммуникативной теории, сущность, специфика, значение и механизмы интегрированных маркетинговых коммуникаций. Издание поможет обучающимся не только сформировать

научные представления о рекламе и связях с общественностью, но и научиться использовать разнообразные формы приемов, методик и технологий в коммуникационном процессе различных отраслей профессиональной деятельности. Для лучшего усвоения теоретического материала в конце каждой главы представлены вопросы и задания для самоконтроля.

*Ксения Марчан
г. Москва*

EDITORIAL

Vladimir Tulupov

Contemporary Journalism: Degeneration or Activity Substitution? 2

DISCOVERY OF THE ISSUE

Gennady RozenbergRAS, FASO, SCADT, WoS, Hirsch and Other Letter Combinations,
or What the Reform of Fundamental Science and Education has Brought? 5*Abstract: the article dwells on the issues of RAS and education reforming, on the existing and expected results of this procedure. The conclusion is as follows: a strategic mistake has been made and it will be of great difficulty to compensate for it.*

HISTORY OF JOURNALISM

Mikhail Vyazovoy

With a Watering Pot and a Notepad 25

Gennady Zhirkov

«Without a Painter and a Grading Master it Will be Impossible...» 40

Lev Kroichik

Reading Classics 54

Abstract: The article dwells on the conceptual views of M. Gorky, I. Bunin, M. Zoshenko, who reflected Russian atmosphere of 1917–1924 in their works. The major message of their works is the tragic interpretation of the epoch, when moral principles of life of the early 20-s were consequently being destroyed.

THEORY AND PRACTICE OF JOURNALISM

Yana VoytsekhovskayaDynamics and Character of Citing Print Media in Federal Business Media
(2010 and 2016) 67*Abstract: The changes appearing in media market concerning corporate press in 2010 and 2016, as well as the consequences of those changes on work a business journalist does are analyzed at the bottom of the article. The citation research of corporate media in different periods establishes the role of this source of information for journalists as the exclusive.***Marina Drogaitseva**

Functioning Name of the Mass Media: Juristic Aspect 70

*Abstract: the article discusses a point about a right of the mass media on the name. The author analyses a ways to defense of medianame against unfair competitors. The article speaks about the similarities and differences between trademark and name of the mass media.***Larisa Dyakova**Weather Forecast for the 61st of February, or Dwelling on the Oral Performance
of a TV Journalist 72**Viktor Levshakov**

Role and Principles of Dialogues Functioning in Internet Media 76

Abstract: the author dwells on forms of interaction between authors and readers on new platforms. The research aims to explore the existence and the role of a dialogue in the Internet-format.

FOREIGN JOURNALISM

V. Khorolsky, J. MarkinaWestern Media in the Epoch of Postindustrialism and Postmodernism:
Political and Economic Approach 78*Abstract: The article aims at relating the principles of postindustrial economics and mostmodern aesthetics while discussing the evolution of Western media over three last decades. The authors*

come to the conclusion that hypermonopolisation proves to be harmful for the culture and media for political and economic reasons as well as from the point of view of mass media perspectives.

Key words: postindustrialism, postindustrial society, postmodernism, media hypermonopolisation, media concentration, derivative.

METHODS

Irina Khoroshunova

Linguo-ethic Problems of Contemporary Media: Lecture of the Course

«Language of Newspaper and magazine Press» 89

Abstract: in the lecture delivered in the course «Language of Newspaper and magazine Press» gives the notion of linguo-ethics and dwells on the major language means violating linguo-ethic norms in contemporary media. It also gives the reasons for linguo-ethic violations appearing, and classifies text mistakes.

ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

Maria Pivovarova

Establishment of Advertising Market in Europe

(as illustrated by France and England of the XIX Century) 98

DIGEST 101

NEW BOOKS 113